

ТРУДЫ
КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

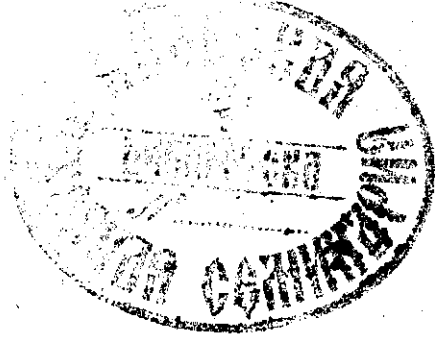
1862.

ДЕКАБРЬ.

КИЕВЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КИЕВОПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ.

1862.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА ЦАРСТВЪ

ИЛИ

ВТОРАЯ КНИГА ЦАРЕЙ.

ГЛАВА I.

По смерти Ахава Моавитяне возмутились противъ 1.
исраильтянъ.

Ахазья же былъ боленъ, *отъ того, что упалъ* 2.
чрезъ перилы 1) верхняго жилия своего дома, который
въ Самарии. Тогда то онъ послалъ пословъ, приказавъ
имъ: «ступайте, спросите Вааль-Зевува бога Екрон-
скаго 2), выздоровѣю-ли я отъ этой болѣзни?» Въ то же 3.

1) Такъ какъ кровли домовъ были обыкновенно плоския, то законъ Второз. 22, 8 требовалъ, чтобы они были окружены перилами, чтобы въ случаѣ какого нибудь несчастнаго случая кровь упавшаго съ не огражденной кровли не пала на семейство небрежнаго хозяина.

2) Вааль-Зевуль—господи́нь мухъ. Это страшное названіе божества у филистимлянъ произошло отъ того, что въ землѣ филистимской, какъ во всякой низменной приморской странѣ въ чрезвычайномъ множествѣ водились разныя насѣкомыя, между которыми страшны были особеннаго вида мухи, летавшія тучами и ядовито жалившія. По общаю вѣсѣхъ излечивковъ, филистимляне придумали себѣ особеннаго бога покровителя отъ этого бѣдствія. Такъ какъ не только каждая страна, но каждый сколько нибудь значительный городъ обязывали особенное почтеніе къ одному изъ общихъ божествъ, то въ Екронѣ, одномъ изъ

- время ангель Іеговы сказалъ Иліѣ Тишбитянину: «встань, доди на встрѣчу посламъ царя самарійскаго и скажи имъ:—«неужели вовсе нѣтъ Бога въ Израилѣ, что вы идете спрашивать Вааль-Зевува бога екронскаго? за это, такъ говоритъ Іегова, съ постели на которую ты слезъ, теперь уже не сойдешь: но умрешь непременно». Илія пошелъ. Послы возвратились къ царю, и онъ спросилъ ихъ: «почему это вы возвратились? Они отвѣчали: «какой-то человекъ вышелъ на встрѣчу намъ и сказалъ:—«подите возвратитесь къ царю, который послалъ васъ и скажите ему: такъ говоритъ Іегова: «неужели вовсе нѣтъ Бога въ израилѣ, что ты посылаешь спрашивать Вааль-Зевува бога екронскаго? За это съ постели, на которую ты слезъ, уже не сойдешь, но умрешь непременно». Царь спросилъ: «каковъ видъ человекъ, который вышелъ на встрѣчу къ вамъ и сказалъ это?» Они отвѣчали: «человекъ этотъ одѣтъ звѣриною кожею и опоясанъ по чресламъ кожанымъ поясомъ». «Это Іаія Тишбитянинъ!» сказалъ царь. Тогда онъ послалъ къ Иліѣ пятидесятника съ отрядомъ его. Этотъ пошелъ къ Иліѣ (а онъ сидѣлъ на вершинѣ горы) и сказалъ ему:

пяти главныхъ филистимскихъ городовъ, особенно почитался Вааль-Зевувъ. подобно тому, какъ въ Азотѣ—Давоѣ и под. Такое мѣстное божество съ теченіемъ времени теряло свое частное значеніе и почиталось покровителемъ страны и всѣхъ признающихъ его, во всякихъ случаяхъ.

«человѣкъ Божій! царь говоритъ: сойди къ нему».

Илія отвѣчалъ и сказалъ пятидесятнику: «если я че- 10.
ловѣкъ Божій, то пусть огонь сойдетъ съ неба и
пожретъ тебя и полусотню твою!» И сошелъ огонь
съ неба и пожралъ его и отрядъ его.

И снова царь послалъ за нимъ другаго пятиде- 11.
сятника съ отрядомъ его. И этотъ сказалъ ему: «че-
ловѣкъ Божій! такъ говоритъ царь: «послѣши сойти
къ нему!»—«Если я человекъ Божій,—отвѣчалъ ему 12.
Илія,—то пусть сойдетъ огонь съ неба и пожретъ
тебя и полусотню твою!» И сошелъ огонь Божій съ
неба и пожралъ его и отрядъ его.

Тогда царь послалъ еще и третьяго пятидесят- 13.
ника съ отрядомъ его. Пошелъ третій пятидесятникъ,
и пришелъ и палъ на колѣни предъ Іліею и молилъ
его, говоря: «человѣкъ Божій, пощади жизнь мою и
жизнь этихъ пятидесяти рабовъ твоихъ. Вотъ, схо- 14.
дилъ огонь съ неба и пожралъ двухъ прежнихъ пяти-
десятниковъ, съ отрядами ихъ; но нынѣ пощади мою
жизнь!» И сказалъ Ангель Іеговы Іліѣ: «сойди съ 15.
нимъ, не бойся его!» Тогда Ілія всталъ, пошелъ съ
нимъ къ царю, и сказалъ царю: «такъ говоритъ Іегова! 16.
за то, что ты посылаешь спросить Вааль-Зевува бога
ебронскаго, слова его, какъ будто нѣтъ Бога во

- исраилѣ; за то съ постели, на которую ты слегъ
17. уже не сойдешь, но умрешь непрѣнно». И умеръ
Ахазья по слову Яеговы, которое сказалъ Илія. Въѣсто
него воцарился Юрамъ, во второй годъ Юрама сына
Юсафатова царя іудейскаго, потому что у Ахазья не
18. было сына. Прочія же дѣла Ахазья, которыя онъ
совершилъ записаны въ книгѣ ежедневныхъ записе
царей исравльскихъ.

ГЛАВА II.

1. Въ то время, когда Яегова благоволилъ восхитить Илію въ вихрь на небо ¹⁾, Илія и Елисей шл
5. изъ Галгала. И сказалъ Илія Елисею: «останься, по
жалуйста, здѣсь; Яегова посылаетъ меня въ Веонль.
Но Елисей отвѣчалъ: «живъ Яегова и жива душа тво
3. я не оставлю тебя». И пошли въ Веонль. И пришли
сыны пророческіе, жившіе въ Веонлѣ, къ Елисею и
сказали ему: «знаешь ли что пывѣ Яегова восхититъ
отъ тебя господина твоего»? онъ отвѣчалъ: «еще бы
4. я не зналъ! молчите». Илія же снова сказалъ ему:

¹⁾ Нельзя не замѣтить, что писатель говоритъ объ этомъ событіи, какъ о совершенно извѣстномъ, почему и не считаетъ нужнымъ начинать рассказъ съ предшествующихъ обстоятельствъ. Дѣйствительно имя Иліи и обстоятельства его жизни пользовались большою извѣстностію у евреевъ, съ его именемъ соединилось и до сихъ поръ соединяется много сѣвѣрныхъ преданій.

«Елисей, пожалуйста останься здѣсь; потому что Иегова посылаетъ меня въ Иерихонъ». Но Елисей отвѣчалъ: «живъ Иегова и жива душа твоя! я не оставлю тебя». И пошли въ Иерихонъ ¹⁾. Сыны пророческіе, жившіе въ Иерихонѣ, подошли къ Елисею и сказали ему: «знаешь-ли что нынѣ Иегова восхититъ отъ тебя ²⁾ господина твоего? Елисей отвѣчалъ: «еще бы я не зналъ! молчите». И снова Илія сказалъ ему: «останься пожалуйста здѣсь, потому что Иегова посылаетъ меня за Иорданъ». Но Елисей отвѣчалъ: «живъ Иегова и жива душа твоя, я не оставлю тебя». И пошли вмѣстѣ. Пятьдесятъ человекъ изъ сыновъ пророческихъ пошли и стали въ сторонѣ издали; а они оба стали надъ Иорданомъ. Илія взявъ свой плащъ ³⁾, свернулъ его и ударилъ по водѣ. Она разступилась туда и сюда, и оба они прошли по сушѣ. Когда они перешли то Илія сказалъ Елисею: «проси чего хочешь, чтобы

¹⁾ Три названные здѣсь города стояли на пути отъ Кармила къ Иордану, въ среднѣй землѣ израильской и почти въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Галгаль, въ удѣлѣ колѣна Ефремова, къ сѣверо-западу страны; Иерихонъ въ удѣлѣ Веняминивомъ къ юго-востоку; а Веелль, также въ удѣлѣ Веняминивомъ—въ среднѣй между ними.

²⁾ Буквально: падъ голову твою. Этимъ прямо указывается на способъ разлуки Илія съ Елисеємъ.

³⁾ У евреевъ есть нѣсколько словъ для названія плаща. Между ними **מַעֲטָפֶיט**, происходящее отъ глагола **מָטַט** *быть полнымъ*, означаетъ широкую, длинную мантию и встрѣчается только при описаніи одежды царевой и пророческой. 3 Цар. 19, 13. 19. Іов. 3, 6. Захар. 11, 3.

- я сдѣлать для тебя, прежде нежели буду взять отъ тебя». Елисей отвѣчалъ: «прошу чтобы твоего духа
10. во мнѣ было вдвое». Илія сказалъ: «велика твоя просьба, но если увидишь какъ я буду взять, будетъ
11. по твоему, а если нѣтъ—то не будетъ». Когда они шли и разговаривали, такимъ образомъ, вотъ огненная колесница и огненные кони раздѣлили ихъ и Илія въ
12. вихрѣ вознесся на небо. Елисей видѣлъ это и вскричалъ: «отецъ мой, отецъ мой! колесница израилева и кони его!» И болѣе не видѣлъ его. Тогда онъ схва-
13. тился за одежду свою и разодралъ ее на двое. Потомъ поднималъ плащъ Иліи, который упалъ съ него возвра-
14. тился и сталъ на берегу Іордана. И взялъ плащъ Иліи, который упалъ съ него и ударилъ по водѣ, говоря: «гдѣ Іегова, Богъ Иліи; гдѣ Онъ?» И ударилъ по водѣ. Она разступилась туда и сюда, и Елисей
15. перешелъ. Сыны пророческіе, пришедшіе изъ Іерихона видѣли это издали и сказали: «духъ Иліи почилъ на Елисеѣ». И пошли ему на встрѣчу, и поклонились
16. ему до земли. Они сказали ему: «вотъ здѣсь рабовъ твоихъ пятьдесятъ человекъ, мужей сильныхъ, позволъ пойти намъ поискать господина твоего. Быть можетъ духъ Іеговы понесетъ его и броситъ на какой нибудь горѣ, или въ какой нибудь долинѣ.» Елисей
17. отвѣчалъ: «не посылайте!». Но они до того просили

его, что наскучили, и онъ сказалъ: «пошлите». Они послали пятьдесятъ человекъ, искали три дня, не нашли и возвратились къ нему. Онъ оставался въ Иерихонѣ, и сказалъ имъ: «не говорилъ-ли я вамъ: не ходите».

Городскіе жители жаловались Елисею: «вотъ мѣстоположеніе города хорошее, но вода вредна и земля бесплодна. Онъ сказалъ имъ: дайте мнѣ новый сосудъ и положите въ немъ соль». И дали ему. Онъ пошелъ къ истоку воды бросилъ туда соль и сказалъ: «такъ говоритъ Іегова: Я исцѣляю эту воду и отъ нея не будетъ болѣе ни смерти, ни бесплодія». И сдѣлалась вода здоровою, до сего дня ¹⁾, по слову Елисея, которое онъ сказалъ.

Отсюда онъ пошелъ въ Вевилъ. Когда онъ пошелъ въ путь, маленькіе мальчики вышли изъ города и смѣялись надъ нимъ, говоря ему: «иди лысый! иди лысый!» Онъ обернулся назадъ, посмотрѣлъ на нихъ и проклиналъ во имя Іеговы. И вышли два медвѣдя изъ лѣса и растерзали ихъ—сорокъ двухъ дѣтей. Отсюда онъ пошелъ на гору Кармилъ, а оттуда возвратился въ Самарію.

¹⁾ Это выраженіе одинъ изъ многихъ признаковъ позднѣйшаго происхожденія книги Царствъ, подобно 1 Цар. 5, 5. 27, 6. 30, 26. 3 Цар. 9, 13. 10, 12. 4 Цар. 8, 22. 17, 34. 41.

ГЛАВА III.

1. Иорамъ сынъ Ахава воцарился надъ Израилемъ, въ Самаріи, въ восемнадцатый годъ Иосафата, царя
2. іудейскаго, и царствовалъ двѣнадцать лѣтъ. Онъ поступалъ дурно предъ Іеговою,—хотя не такъ какъ отецъ его и мать его,—и уничтожилъ идола Ваала,
3. котораго сдѣлалъ отецъ его; но слѣдовалъ беззаконію Іеровоама сына Наватова, который ввелъ въ грѣхъ Израиля и не отступалъ отъ него.
4. Меша царь моавитскій имѣлъ много скота. Онъ посылалъ царю израильскому сто тысячъ овецъ и сто
5. тысячъ барановъ *отличной* шерсти ¹⁾. Но по смерти Ахава царь моавитскій возмутился противъ царя
6. израильскаго. Въ тотъ же день ²⁾ Иорамъ вышелъ изъ Самаріи, сосчиталъ всѣхъ израильтянъ, пошелъ и послалъ къ Иосафату царю іудейскому чтобы сказать ему: «царь моавитскій возмутился противъ меня,

¹⁾ Земля моавитская, лежащая къ востоку отъ мертваго моря представляла, какъ и вся за-іорданская часть Палестины, величайшія удобства для скотоводства. Но во всякомъ случаѣ, нельзя думать, чтобы здѣсь говорилось о ежегодной дани. Вѣроятно здѣсь разумѣется какаа пибудь дань чрезвычайная, или собранная во все время царствованія Ахава. Здѣсь очевидно различаются двѣ породы овецъ, которыя означаются разными словами. означаетъ, какъ видно изъ снесенія мѣсть гдѣ встрѣчается это слово овцу, отличающуюся обиліемъ жира. Втор. 32, 14. Ис. 34, 6. Езек. 39, 18. Это вѣроятно порода овецъ съ жирными хвостами, или курдюками. равно означаетъ и *баранъ* и *козель*. Прибавленіе при этомъ словъ— *шерсть*, заставляетъ думать что здѣсь разумѣется порода барановъ или козловъ, отличающихся тонкостію шерсти.

²⁾ Т. е. какъ только услышалъ о возмущеніи моавитянъ.

пойдешь-ли ты на войну противъ моавитянъ? Иоса-
фатъ отвѣчалъ ему: «какъ ты—такъ и я, какъ твой
вародъ— такъ и мой, какъ твои кони—такъ и мои». 8.
И спросилъ: «какимъ путемъ пойдешь»? И отвѣчалъ: «путемъ пустыни эдомской» ¹⁾? И пошли 9.
царь израильскій, царь іудейскій и царь эдом-
скій; прошли семь дней пути и не было воды ни
для войска, ни для скота, который слѣдовалъ за ними.
Царь израильскій сказалъ: «ага ²⁾! Иегова призвалъ 10.
этихъ трехъ царей, чтобы предать ихъ въ руки Моа-
витянъ». И сказалъ Иосафатъ: «нѣтъ-ли здѣсь про- 11.
рока Иеговы чтобы спросить у него?» Одинъ изъ ра-
бовъ царя израильскаго отвѣчалъ и сказалъ: «здѣсь
есть Елсеи сынъ Шафатовъ, который возливалъ
воду на руки Иліи» ³⁾. Иосафатъ сказалъ: «у него есть 12.
слово Иеговы». И пошли къ нему царь израильскій,
Иосафатъ и царь эдомскій. Но Елсеи сказалъ царю 13.

¹⁾ Кто спрашивалъ и кто отвѣчалъ? Изъ текста книги нельзя этого понять, и потому чтобы не вносить своего толкованія въ текстъ, мы сохраняемъ въ пере-
водѣ ту же неопредѣленность. Думаемъ, впрочемъ, что вопросъ принадлежитъ
Иосафату, а отвѣтъ Иораму. Земля эдомская лежала на югъ отъ земли израиль-
ской и моавитской. Можно предполагать, что такой отдаленный путь выбранъ
или для того, чтобы избавить Іудею отъ прохода войска, который въ древности,
даже и для дружественной страны былъ разорителенъ; или для того, чтобы со-
единиться съ царемъ эдомскимъ.

²⁾ אַהֵ! восклицаніе, выражающее у евреевъ вмѣстѣ и негодованіе и
испуугъ.

³⁾ Т. е. былъ ученикомъ и слугою Іліи.

исраильскому: «что мнѣ до тебя, иди къ пророкамъ отца твоего и пророкамъ матери твоей». Царь израильскій отвѣчалъ ему: «не до того, потому что Ягова призвалъ этихъ трехъ царей, чтобы предать ихъ въ
 14. руки Моавитянъ». Елисей сказалъ на это: «живъ Ягова воинствъ, которому я предстою, что если бы не Иосафатъ царь Іудейскій, то я не обратился бы
 15. манія на тебя и не посмотрѣлъ бы на тебя. Теперь же дайте мнѣ музыканта»¹⁾. И вотъ во время игры музыканта, рука Ягоды была на немъ, и онъ сказалъ:
 16. «такъ говорить Ягова: сдѣлайте около этого источника валы съ обѣихъ сторонъ; ибо такъ говорить Ягова:
 17. вы не замѣтите вѣтра, не увидите дождя а этотъ источникъ наполнится водою, напьетесь и вы
 18. и обозъ вашъ и скотъ вашъ. Этого мало для Ягоды. Онъ предастъ въ ваши руки Моава. И вы разорите
 19. всѣ укрѣпленные и всѣ лучшіе города и уничтожите всѣ лучшія деревья, засыпете всѣ источники и за-
 20. бросаете камнями всѣ плодоносныя долины»²⁾. И вотъ

¹⁾ Хотя положительнаго извѣстнаго, что языческіе пророчества употребляли явнѣшнія средства для возбужденія вдохновенія; но конечно Елисей не съ этою цѣлію потребовалъ музыканта. Музыка, въ этомъ случаѣ, могла быть символическимъ пророчествомъ радостнаго окончанія войны.

²⁾ Евр. текстъ не даетъ возможности опредѣлить, что заключается въ этихъ словахъ: приказаніе ли поступить такъ, или пророчество о будущемъ событіи. Впрочемъ для такого поступка израильтяне могли найти основаніе въ законѣ Втор. 13, 12—17. 23, 3—6. Только истребленіе деревьевъ прямо противно закону Второз. 20, 19.

утромъ, во время утренняго жертвоприношенія, ¹⁾ потекла вода со стороны эдомской и земля наполнилась водою. Моавитяне услышавъ что цари вышли на войну 21. противъ нихъ, созвали всѣхъ отъ мала до велика ²⁾ и стали на границѣ. Когда Моавитяне встали утромъ 22. и солнце освѣтило воду, то вода показалась имъ красною какъ кровь. Они заговорили: «это кровь отъ 23. меча. Цари убили и поразили противниковъ своихъ, теперь Моавитяне—въ добычу». И пошли къ иеранль- 24. скому стану. Иеранльтяне поднялись и убивали Моавитянъ, которые бѣжали отъ нихъ, и пришли въ землю моавитскую, и убивали моавитянъ. *Иеранль-* 25. *тяне* разрушили города моавитскіе на всѣхъ плодородныхъ долинахъ моавитскихъ каждый бросалъ свой камень и наполнили ими, всѣ источники засыпали и всѣ плодовые деревья срубили. Устояли только камни въ

¹⁾ Это выраженіе нельзя разумѣть въ томъ смыслѣ, чтобы при войсѣхъ союзныхъ царей, различавшихся религиозными вѣрованіями, приносились жертвы по іудейскому обряду. Здѣсь простое опредѣленіе времени, избранное писателемъ, какъ самое общезвѣстное его первымъ читателямъ. Раздѣлять и означать время по разнымъ частямъ ежедневнаго богослуженія—обычай общій евреямъ со многими народами. Закопная утрення жертва приносилась при восходѣ солнца, прежде всѣхъ другихъ жертвъ.

²⁾ Буквально: всѣхъ подносивающихся посясомъ и выше. Посясъ, какъ знакъ мужества и часть вооруженія, надѣвали только по достиженіи совершеннолѣтія, которое у разныхъ народовъ, опредѣлялось различно. По большей части оно считалось съ 15 лѣтъ, когда мужчина могъ жениться. Между тѣмъ обязанность выходить на войну, вѣроятво и у другихъ народовъ южной Азии, также какъ у евреевъ, начиналась съ 25 лѣтъ. Слѣд. это замѣчаніе писателя показываетъ, что моавитяне собирали всѣхъ способныхъ носить оружіе.

- ставимъ ему тамъ постель, столъ, скамью и подсвѣч-
никъ, чтобы онъ останавливался тамъ, когда будетъ
11. приходиться къ намъ». И вотъ однажды, пришедши туда,
12. онъ пошелъ въ верхнюю комнату и спалъ тамъ. И ска-
завъ потомъ Гехазію, слугѣ своему: «позови эту шуна-
13. митянку». Онъ позвалъ и она стала предъ нимъ. Елисей
сказавъ ему: «скажи пожалуйста ей: вотъ ты позаботи-
лась о насъ, что сдѣлать для тебя за эти заботы? нѣтъ
ли у тебя дѣла къ царю или къ начальнику войска?» Она
14. отвѣчала: «я живу среди народа моего»¹⁾. «Чтоже
сдѣлать для нея?» спросилъ Елисей. Гехазій отвѣ-
15. чалъ: «у нея нѣтъ сына, а мужъ ея старъ». Елисей
сказавъ: «позови ее». Тотъ позвалъ и она стала въ
16. дверяхъ. Елисей сказалъ ей: «въ это-же время на
слѣдующій годъ ты будешь обнимать сына». «Госпо-
динъ мой, человекъ Божій,—прервала она,—не обма-
17. нывай рабы твоей». И зачала женщина и родила сына
на слѣдующій годъ, въ это-же время, какъ сказалъ
18. ей Елисей. Ребенокъ выросъ и однажды вышелъ
19. съ отцемъ къ жнецамъ. Здѣсь онъ сказалъ отцу:
«голова моя! голова моя!» Отецъ приказавъ слугѣ
20. отнести его къ матери. Тотъ отнесъ его и привелъ

¹⁾ Это выраженіе можетъ означать: я живу между близкими и родными мнѣ людьми, спокойно, и потому не имѣю ни какого дѣла ни къ царю ни къ военачальнику.

къ матери. Онъ сидѣлъ у нея на колѣняхъ до полу-
дня и умеръ. Тогда *мать* отнесла его, положила на 21.
постель челоѣка Божія, заперла за нимъ и вышла.
Потомъ позвала мужа и сказала ему: «пришли мнѣ 22.
пожалуйста одного изъ слугъ и одну ослицу; я схожу
къ челоѣку Божію, и возвращусь». Онъ спросилъ 23.
ее: «за чѣмъ ты пойдешь къ нему? Сегодня ни ново-
мѣсячіе, ни суббота». Но она отвѣчала: «не беспо-
койся». Сѣла на осла и сказала слугѣ: «ступай про- 24.
води меня; не мѣшай мнѣ ѣхать, пока я не скажу
тебѣ». Она отправилась и пришла къ челоѣку Божію, 25.
на гору Кармилъ. Челоѣкъ Божій увидѣвъ ее издали,
сказалъ слугѣ своему, Гехазію: «вотъ та шумантянка!
теперь поспѣши на встрѣчу ей и спроси: миръ ли ей? 26.
миръ ли мужу ея? миръ ли ребенку? Она отвѣчала 27.
«миръ!» И пришла къ челоѣку Божію, на гору и
ухватилась за ноги его. Гехазій подошелъ чтобы
отвести ее; но челоѣкъ Божій сказалъ: «оставь ее,
потому что душа ея огорчена, а Іегова скрылъ отъ
меня и не возвѣстилъ мнѣ». Она сказала: «просила ли 28.
я у господина моего сына? не говорила ли я: не-
обманывай меня?» Тогда Елисей сказалъ Гехазію: 29.
«подняшь чресла свои, возьми въ руки мой посохъ и
ступай (если встрѣтишься съ кѣмъ нибудь, не при-
вѣтствуй его, и если кто будетъ привѣтствовать тебя

Кирь-Харесеть ¹⁾; но прачники окружили его и раз-
26. рушили. Царь моавитскій увидѣвъ, что война противъ
него усилилась взялъ съ собою семсотъ человекъ съ
обнаженными мечами, чтобы пробиться къ царю эдом-
27. скому; но не могъ. Тогда онъ взялъ старшаго сына
своего, который долженъ былъ царствовать послѣ
него, и принесъ его на стѣнѣ въ жертву ²⁾. Это на-
вело великій ужасъ на израильтянъ они отступили
оттуда и возвратились въ свою землю.

ГЛАВА IV.

1. Одна женщина, изъ женъ сыновъ пророческихъ,
жаловалась нѣкогда Елисею, говоря: «рабъ твой, мой
мужъ, умеръ, ты знаешь что рабъ твой боялся Иеговы.
Но вотъ пришелъ заимодавецъ, чтобы взять обоихъ
2. сыновей моихъ себѣ въ рабство» ³⁾. Елисей спросилъ
ее: «что я сдѣлаю для тебя? скажи мнѣ что есть у
тебя въ домѣ?» Она отвѣчала: «у рабы твоей, въ домѣ,

¹⁾ Кирь-Харесеть, главный моавитскій городъ, въ среднѣхъ странах, близъ рѣки Арнона. Древнее имя его сохранилось въ нынѣшнемъ арабскомъ имени города Керекъ. Кирь-Харесеть, по производству словъ означаетъ городъ, укрѣпленный стѣною изъ обожженныхъ кирпичей.

²⁾ Обычай приносить въ жертву людей, въ случаяхъ особенно важныхъ было у всѣхъ древнихъ языческихъ народовъ.

³⁾ По закону Моисееву, Лев. 25, поступать въ рабство за долги могъ только самъ должникъ. Слѣд. этотъ насильственный захватъ семейства умершаго должника есть уже позднѣйшее учрежденіе, быть можетъ заимствованное отъ сосѣднихъ народовъ.

нѣтъ ничего, кромѣ небольшого сосуда ¹⁾ масла. Тогда онъ сказалъ ей: «ступай попроси себѣ посуды на сторуонѣ, у всѣхъ сосѣдей твоихъ выпроси, какъ можно болѣе, пустыхъ сосудовъ. Потомъ прійди, запри за собою и за дѣтьми своими дверь и разливай *масло* во всѣ эти сосуды, оставляя наполненные». Она пошла отъ него и заперла за собою и за сыновьями дверь. Они подавали ей сосуды, а она наливала. Когда сосуды наполнились она сказала сыну: «подай мнѣ еще сосудъ». Но онъ отвѣчалъ: «нѣтъ болѣе сосудовъ». И масло остановилось. Она пошла и рассказала чело- вѣку Божию. Онъ сказалъ ей: «ступай, продай масло и заплати долгъ твой, а остальнымъ будешь жить ты и сыновья твои».

Однажды Елисей проходилъ чрезъ Шунань ²⁾. Тамъ была одна знатная женщина, которая настоя- тельно просила его, поѣсть у нее хлѣба. Послѣ этого онъ всегда, приходя въ Шунань, заходилъ туда ѣсть хлѣбъ. Тогда женщина сказала своему мужу: «вотъ моя просьба: я знаю что чело- вѣкъ Божій часто при- ходящій къ намъ — мужъ святой. Пожалуйста, сдѣ- лаемъ для него на верху маленькую комнату, по-

¹⁾ **דָּרוֹן** значитъ небольшой сосудъ, въ которомъ хранилось масло для мазанія головы.

²⁾ См. 1 Цар. 28, 4.

- ставимъ ему тамъ постель, столъ, скамью и подсвѣч-
никъ, чтобы онъ останавливался тамъ, когда будетъ
11. приходять къ намъ». И вотъ однажды, пришедши туда,
12. онъ пошелъ въ верхнюю комнату и спалъ тамъ. И ска-
залъ потомъ Гехазію, слугѣ своему: «позови эту шуна-
13. митянку». Онъ позвалъ и она стала предъ нимъ. Елисей
сказалъ ему: «скажи пожалуйста ей: вотъ ты позаботи-
лась о насъ, что сдѣлать для тебя за эти заботы? нѣтъ
ли у тебя дѣла къ царю или къ начальнику войска?» Она
14. отвѣчала: «я живу среди народа моего» ¹⁾. «Чтоже
сдѣлать для нея?» спросилъ Елисей. Гехазій отвѣ-
15. чалъ: «у нея нѣтъ сына, а мужъ ея старъ». Елисей
сказалъ: «позови ее». Тотъ позвалъ и она стала въ
16. дверяхъ. Елисей сказалъ ей: «въ это-же время на
слѣдующій годъ ты будешь обнимать сына». «Госпо-
динъ мой, человекъ Божій,—прервала она,—не обма-
17. нывай рабы твоей». И зачала женщина и родила сына
на слѣдующій годъ, въ это-же время, какъ сказалъ
18. ей Елисей. Ребенокъ подросъ и однажды вышелъ
19. съ отцемъ къ жнецамъ. Здѣсь онъ сказалъ отцу:
«голова моя! голова моя!» Отецъ приказалъ слугѣ
20. отнести его къ матери. Тотъ отнесъ его и привелъ

¹⁾ Это выраженіе можетъ означать: я живу между близкими и родными
миѣ людьми, спокойно, и потому не имѣю ни какого дѣла ни къ царю ни къ
военачальнику.

къ матери. Онъ сидѣлъ у нея на колѣняхъ до полу-
дня и умеръ. Тогда *мать* отнесла его, положила на 21.
постель челоѣка Божія, заперла за нимъ и вышла.
Потомъ позвала мужа и сказала ему: «пришли мнѣ 22.
пожалуйста одного изъ слугъ и одну ослицу; я схожу
къ челоѣку Божію, и возвращусь». Онъ спросилъ 23.
ее: «за чѣмъ ты пойдешь къ нему? Сегодня ни ново-
мѣсячіе, ни суббота». Но она отвѣчала: «не безпо-
койся». Съѣла на осла и сказала слугѣ: «ступай про- 24.
води меня; не мѣшай мнѣ ѣхать, пока я не скажу
тебѣ». Она отправилась и пришла къ челоѣку Божію, 25.
на гору Кармилъ. Челоѣкъ Божій увидѣвъ ее издали,
сказалъ слугѣ своему, Гехазію: «вотъ та шуамитянка!
теперь посиѣши на встрѣчу ей и спроси: миръ ли ей? 26.
миръ ли мужу ея? миръ ли ребенку? Она отвѣчала 27.
«миръ!» И пришла къ челоѣку Божію, на гору и
ухватилась за ноги его. Гехазій подошелъ чтобы
отвести ее; но челоѣкъ Божій сказалъ: «оставь ее,
потому что душа ея огорчена, а Іегова скрылъ отъ
меня и не возвѣстилъ мнѣ». Она сказала: «просила ли 28.
я у господина моего сына? не говорила ли я: не-
обманывай меня?» Тогда Елисей сказалъ Гехазію: 29.
«подпояшь чресла свои, возьми въ руки мой посохъ и
ступай (если встрѣтишься съ кѣмъ нибудь, не при-
вѣтствуй его, и если кто будетъ привѣтствовать тебя

- не отвѣчай), и положи посохъ мой на лице отрока».
30. Но мать отрока сказала: «живъ Іегова и жива душа твоя, я не оставлю тебя». Онъ всталъ и пошелъ за
31. нею. Гехазій пришелъ прежде ихъ и положилъ посохъ на лице отрока; но не было ни звука, ни какого признака. Тогда онъ возвратился на встрѣчу Елисею
32. и сказалъ ему: «не оживаетъ отрокъ» ¹⁾. Елисей вошелъ въ домъ... и вотъ, умершій отрокъ лежитъ на
33. его постели. Онъ вошелъ и заперъ дверь за ними
34. двоими и помолился Іеговѣ. Потомъ взошелъ и легъ на ребенка и положилъ свои уста на его уста, глаза свои—на его глаза, руки свои—на его руки, простерся надъ нимъ и согрѣлъ тѣло ребенка.
35. Онъ возвращался и ходилъ въ домъ туда и сюда и снова простирался надъ нимъ. Отрокъ вздохнулъ ²⁾
36. до семи разъ и открылъ глаза. Тогда Елисей позвалъ Гехазію и сказалъ: «позови ту шунамитянку». Тотъ позвалъ, и когда она пришла къ нему, онъ сказалъ:
37. «возьми своего сына?» Она пошла пала къ ногамъ Елисея, поклонилась ему до земли, взяла своего сына и вышла.
38. Елисей возвратился въ Галгалъ. Въ той странѣ былъ голодъ. Однажды къ нему собрались сыны

¹⁾ Буквально: не боится. Т. е. возложеніе посоха не производитъ на него дѣйствія.

²⁾ Буквально: чихнулъ.

ЖИЗНЬ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

(Продолженіе.)

3. Паденіе Евтропія. Возмущеніе Гайна. Роль Златоуста (399 — 401).

Златоустъ не былъ политическимъ человѣкомъ, но ему пришлось принимать участіе въ самыхъ важныхъ происшествіяхъ царствованія Аркадія. Мы разумѣемъ паденіе Евтропія и возмущеніе Гайна. Слабое и насильственное правленіе императора три раза посягало на привилегіи церкви: сначала въ пользу Евтропія, потомъ противъ Евтропія, наконецъ, чтобы угодить Гайну и усмирить его. Златоустъ защищалъ ихъ и противъ всемогущаго фаворита, и противъ испуганнаго императора и наконецъ противъ угрожающаго корыстолюбца.

Когда Аркадія царствовалъ на востокѣ, истиннымъ правителемъ имперіи былъ евнухъ Евтропій, невольникъ изъ Арменіи, который, находясь сначала между евнухами императорскаго двора, добился благосклонности молодого принца, и вмѣстѣ съ тѣмъ высочайшихъ государственныхъ должностей.

Вслѣдствіе интригъ, Евтропій умѣлъ заставить Аркадія жениться на Евдокіи, дочери графа Франкскаго Ботона и, въ благодарность за этотъ бракъ, надѣялся безъ сомнѣнія, сдѣлать ее своею вѣрною союзницею. Мы видѣли, что съ тѣмъ почти намѣреніемъ Евтропій обратилъ вниманіе на Златоуста, при замѣщеніи имъ константинопольской кафедръ, по смерти Нектарія. Власть евнуха была безгранична. Онъ подорвалъ и уни-

хотягь его преслѣдовать и казнить. Эти низкіе порывы толпы противъ падающихъ властей, одни и тѣже во всё времяа:

Nam cupide conculcatur nimis ante metutum.

Но кажется, что они на востокѣ имѣли особенный характеръ низости и жестокости, гдѣ странное счастье очень часто вызывало еще болѣе странныя очистительныя жертвы. Евтропія преслѣдуеть чернь: онъ бѣжитъ вѣд себя отъ страха; воспоминаніе о Руфинѣ увеличиваетъ его душевныя страданія. Нѣтъ убѣжища: онъ самъ затворилъ церковныя двери предъ несчастными и виновными. Не смотря на это, онъ идетъ туда искать убѣжища. Но являются воины, посланные вменемъ императора взять несчастнаго отъ алтара, который онъ обнимаетъ своими руками. Златоустъ запрещаетъ имъ входить въ храмъ. Взятый воинами и приведенный къ Аркадію, онъ испрашиваетъ для Евтропія то право убѣжища, которое отмѣнилъ онъ. Воины возмущаются: они окружаютъ дворецъ съ угрожающими кликами; они требуютъ головы временника. Императоръ принужденъ былъ выйти къ нимъ: и только сила усердныхъ молитвъ и неотступныхъ прозбъ заставила ихъ уважать право отмѣненное имъ.

Но другая опасность угрожаетъ Евтропію. Народъ толпою врывается въ церковь. Видъ несчастнаго, поблѣднѣвшаго отъ душевныхъ тревогъ, принавшаго съ трепетомъ къ алтарю вмѣсто того, чтобы обезоружить неистовую толпу, ослѣпляетъ ее дикою радостью. Раздаются дикія угрозы и разъяренные крики, требующіе смерти. Евтропій, кажется, проникъ въ церковь, какъ будто для того, чтобы быть печальнымъ примѣромъ нарушенія того права убѣжища, которое онъ первый попраля ногами. Является Златоустъ.

Славная рѣчь на Евтропія (*de Eutropio*) цитуется во всѣхъ курсахъ литературы. Въ ней находятъ не одинъ образецъ краснорѣчія: чувство, его вдохновившее, прославляется, какъ

блестящій триумфъ истиннаго духа любви христіанской. Защищать пресѣдуемаго яростію народа, челоуѣка, запятнаннаго разнаго рода преступленіями, нарушителя церковныхъ привиллегій, которыя въ тоже время были правами челоуѣколюбія, спасти эту голову, которой угрожали столько враговъ, это поистинѣ дѣло великаго мужества и великодушія. Но нельзя ли мнѣ позволить выразить сожалѣніе о томъ, что это на самомъ дѣлѣ не было такъ?

Не имѣемъ ли мы права сожалѣть о томъ, что Златоустъ, укрощая дикіе порывы неистоваго народа, самъ однакожъ не чуждъ былъ печальной радости, при видѣ униженія и позора того, кто былъ такъ могущественъ? Народъ съ опьяненіемъ наслаждался этимъ глубокимъ униженіемъ. Этого мало, онъ хотѣлъ бы отнять у несчастнаго все потерявшаго, послѣднее достояніе — жизнь его. Златоустъ хочетъ воспрепятствовать преступленію и совершаетъ свое дѣло. Но вмѣсто того, чтобы осуждать варварское удовольствіе народа, онъ объявляетъ его законнымъ. Евтропій не былъ убитъ въ храмѣ; онъ могъ читать на всѣхъ лицахъ жажду его крови, и тотъ самый, который защищаетъ его жизнь, беретъ анализировать съ самоудовольствіемъ душевныя страданія несчастнаго, измѣрять предъ этою волнующеюся толпою и павшимъ министромъ—высоту и быстроту его паденія, и, наконецъ, изъ этого страшнаго несчастія извлекаетъ правоученіе о вѣчномъ непостоянствѣ вещей челоуѣческихъ. Дѣлать наставленія вельможамъ и царямъ—одно изъ лучшихъ свойствъ церковнаго правителя; но для этого нужно, чтобы цари были на тронѣ, а вельможи при своихъ достоинствахъ. Когда же рука Божія или гнѣвъ народа обрушился на эти лица, тогда несчастье дѣлаетъ ихъ священными; состраданіе къ нимъ становится обязанностію и покровительство не должно продаваться цѣною оскорбленія.

Послѣ этого столь извѣстнаго всѣмъ приступа: «суета»

сусть и всяческая суета», Златоустъ напоминаетъ Евтропію о мудрыхъ совѣтахъ, которые онъ нѣкогда давалъ ему, о непостоянствѣ вещей человѣческихъ, столь рѣзко и страшно-выражающемся въ паденіи министра. Онъ спрашиваетъ: «гдѣ эти ложные друзья, эти льстецы, эти паразиты, которые тѣснились вокругъ его»? Несчастнѣйшій какъ будто не знаетъ, что онъ оставленъ всѣми и все угрожаетъ ему. Потому ораторъ представляетъ очень выпуклую картину паденія временщика, и только для того, чтобы нарисовать ее.

«Мы никогда хорошо не изобразимъ, никогда хорошо не выразимъ словомъ тѣхъ душевныхъ страданій, которыя онъ долженъ былъ испытать ожидая каждую минуту своей смерти. Да и на что намъ слова? Онъ самъ не есть ли живое выраженіе своихъ страданій? Вечера, когда вонши, посланные императоромъ, пришли взять его отъ этихъ мѣстъ и онъ приближался къ алтарю, его видъ не похожъ ли былъ на видъ мертвеца, каковъ онъ даже и теперь? Зубы его судорожно бились одинъ о другой; все тѣло его тряслось отъ ужаса, голосъ былъ отрывистъ, языкъ ослабѣлъ: онъ имѣлъ видъ окаменѣлаго существа».

Нужно ли было заставлять осужденнаго на смерть такъ горько чувствовать свою участь? Не значить ли снисходить къ варварской радости народа—описывать съ такимъ самодовольствіемъ плачевное состояніе, въ которомъ находится его жертва? Не значить ли употреблять языкъ своихъ грубыхъ слушателей, выражаясь такимъ образомъ:

«Дѣвы и жены оставляютъ свои приюты, мушны оставляютъ публичныя мѣста: всѣ вы сбѣжались сюда, дабы видѣть смущенную природу человѣческую, непостоянство свѣтскаго величія, представляемаго такимъ нагляднымъ образомъ: и замѣтивъ несчастное положеніе блудницы (ибо этимъ именемъ хорошо можно означать fortuna, перелетѣвшую къ другому,

болѣе безобразную, чѣмъ старая морщинистая женщина), вы торжествуете, видя какъ она погибаетъ подъ ударами несчастія, какъ будто всѣ ея румяны и красота исчезаютъ подъ губкою?»

Евтропій, не смотря на покровительство Златоуста, не вѣрилъ своей безопасности, но получилъ ее. Онъ оставилъ церковь и убѣжалъ на о. Кипръ. Потомъ взятый изъ этого послѣдняго убѣжища, по вѣроломному приказанію императора, онъ былъ убитъ. Каковы времена, когда даже преступники не могутъ положиться на судей!

Такое тяжелое впечатлѣніе, произведенное на меня первымъ словомъ на Евтропія, чувствовали многіе и изъ современниковъ Златоуста. Созоменъ дасть знать, что это были враги архіепископа. Это ничто не доказываетъ. Вотъ какъ онъ говоритъ:

«Юаннь произнесъ слово на Евтропія, полное ругательствъ противъ гордости властей и увѣщаній о непостоянствѣ и пустотѣ человѣческаго величія. Его враги выводятъ изъ этого гораздо большее противъ него: они упрекаютъ его въ томъ, что онъ оскорбилъ нѣкоторымъ образомъ челоуѣка, который находился въ опасности смерти, вмѣсто того, чтобы сострадать его несчастію».

Собравъ судить почти также о словѣ на Евтропія.

Зосима, какъ язычникъ, не имѣлъ достаточнаго негодованія, чтобы заклеить низкое вѣроломство Аркадія. Страннымъ кажется, почему Златоустъ, обыкновенно столько свободный и мало-умѣренный, во второмъ словѣ на Евтропія не дозволилъ себѣ ни малѣйшаго порицанія на исполненіе приговора, который такъ похожъ былъ на убійство. Пѣтъ сомнѣнія, что онъ не могъ извинить Евтропію посягательствъ его на привилегіи Церкви. Быть можетъ и то, что онъ предоставилъ несчастнаго правосудію императора, котораго потомъ

долгое время осуждала народная ненависть. Но онъ могъ бы гораздо выше искать своихъ вдохновеній.

Самый ожесточеннѣйшій изъ враговъ Евтропія, сильно содѣйствовавшій его паденію, если только онъ не главный виновникъ его, былъ Готъ Гайнъ. Завидуя могуществу Евтропія и домогаясь замѣнить его, этотъ варваръ, изгнанный изъ своей страны, сначала простой солдатъ, потомъ начальникъ войска, приказываетъ Требицильду опустошить провинціи Азіи и угрожаетъ императору въ Константинополѣ. Послѣ убійства Евтропія, Гайнъ требуетъ прибытія императора въ Халкедонію, чтобы принять тѣ условія, какія онъ вздумаетъ предложить ему. Аркадій унижается предъ варваромъ, требующимъ головы Авреліана, Сатурнина и графа Іоанна. Жертвы были спасены. Гайнъ довольствуется, говорить Зосима, одною возможностью казни и принуждаетъ императора сдѣлать его главнокомандующимъ всей арміи.

Исторія этого времени очнь запутана и темна. Трудно прослѣдить это несчастное царствованіе Аркадія съ его странными смутами и распутать тѣ происшествія, въ которыхъ Златоустъ принималъ участіе. По всей вѣроятности, Златоустъ былъ назначенъ отъ императора депутатомъ, — въ первый разъ для того, чтобы склонить Гайна оставить жизнь Сатурнину, Авреліану и графу Іоанну, во второй разъ для того, чтобы упросить варвара пощадить императора, котораго онъ могъ низвергнуть. Къ первому посольству, вѣроятно, относится рѣчь его на Сатурнина и Авреліана. Златоустъ изясняетъ своимъ слушателямъ, что онъ оставляетъ ихъ для того, чтобы отклонить тучу, имѣющую разразиться надъ головами его господъ. Если неизвѣстно въ какое время эта рѣчь произнесена, то ни какъ нельзя иначе уяснить себѣ ту глубокую печаль и то уныніе, которыми кажется объята была душа архіепископа. Бѣдствіе, отчаяніе, неизвѣстность будущаго были такого рода.

что толпа истощенная и унылая вѣрнула въ близкій конецъ міра. Оракулъ языческой назначалъ 400 годъ годомъ кошчины міра. Златоустъ, кажется, не былъ чуждъ этого всеобщаго унынія: онъ не совсѣмъ, быть можетъ, отвергалъ и народное вѣрованіе. Таково по крайней мѣрѣ самое вѣроятное объясненіе слѣдующихъ такъ печальныхъ и какъ бы пророческихъ словъ, произнесенныхъ имъ въ то время:

«Нѣтъ ничего постояннаго и вѣрнаго въ вещахъ человѣческихъ: это какъ бы волнующееся море, которое каждый день производитъ какое нибудь кораблекрушеніе. Все полно возмущеній и безпорядка; всюду подводные камни, пропасти, мели, скрытыя подъ волнами; вездѣ страхъ, опасность, недоуверіе, трепеть душевный и горькія страданія. Никто никому не вѣритъ: каждый опасается своего сосѣда. Можетъ быть, пришли тѣ времена, о которыхъ говорятъ пророкъ: не довѣряйтесь вашимъ друзьямъ, не падѣйтесь на сильныхъ земли; пусть каждый бѣжитъ своего сосѣда. Остерегайтесь своей жены: не довѣряйте ей ничего. Почему такъ? Потому что времена худы; потому что братъ ставитъ сѣти брату и другъ приближается съ коварствомъ. Нѣтъ друга вѣрнаго, нѣтъ брата, на которыхъ можно бы разчитывать. Любовь упала, гражданская война обнимаетъ все, но война скрытая, обруженная мракомъ. Всюду лицемеріе: по одеждѣ овды, а по внутренности—волки хищные. Менѣе опасно было бы жить съ явными врагами, чѣмъ съ ложными друзьями. Тѣ, которые вчера ласкали васъ, льстили вамъ, цаловали ваши руки, нынѣ обращаются въ закоренѣлыхъ враговъ: они сбросили маски, они стали жестокими обвинителями. Вчера они благодарили васъ за благодѣянія, нынѣ дѣлаются преступными врагами и злословятъ васъ»

Но эти слова, можетъ быть, выраженіе безпредметной печали? Нѣтъ! Златоустъ не мечтатель и не меланхоликъ. Подъ

этими общими неопредѣляемыми фразами скрывается мысль свѣтлая и чувство еще болѣе ясное. Каково же оно? Это жалаба и обвиненіе противъ вѣроломства и неблагодарности. Эти «ложные друзья, болѣе опасные чѣмъ явные враги», эти люди, которые вчера ласкали васъ, цаловали вамъ руки и благодарили за благодѣянія», — это не воображаемая лица. Златоустъ видитъ ихъ около себя: они разстаканяютъ свѣи и готовы поразить во тьмѣ. Ложные друзья, это Серверіанъ Габальскій и его партія; неблагодарные, это тѣ, которыхъ онъ спасъ отъ гнѣва Гайна: Аркадій и графъ Іоаннь, одинъ изъ упорнѣйшихъ его гонителей. Какая причина и какой поводъ къ этой низкой враждѣ? Серьезнаго не было: одна только зависть руководила ими.

Несчастіе тому, кого обстоятельства или мужество возвышаютъ на степень покровителя или спасителя сильныхъ земли! Опасность миновалась, услуга не забыта, но она тяготитъ гордость человѣка власти. Видѣ благодѣтеля — самый доучливый видѣ, которому вѣтъ равнаго. Чѣмъ должно было казаться то, что Златоустъ, защищая императора, готоваго искупить свое спасеніе самыми унижительными уступками, дѣйствовалъ не по его указаніямъ, что онъ являлся въ опасности болѣе гордымъ и достойнымъ, чѣмъ тотъ, кто долженъ бы быть представителемъ независимости имперіи! Такого было положеніе Златоуста въ отношеніи къ Аркадію!

Императоръ принужденъ былъ уважить право убѣжища, хотя и отмѣнилъ его. Онъ видѣлъ Златоуста ходатаемъ у Гайна за жизнь Авреліана, Сатурнина и графа Іоанна, такъ коварно преданныхъ имъ самимъ. Онъ на своемъ тронѣ былъ гораздо менѣе могущественъ, чѣмъ этотъ спископъ, простой по своей жизни, но столь сильный по своему характеру. Во всѣхъ этихъ нязостяхъ онъ обвинялъ того самаго, кто отчасти изглаждалъ ихъ. Наконецъ онъ не простилъ своему

защитнику того, чего онъ самъ по слабости и трусости не могъ оставить за собою. Такъ Аркадій далъ Гайну такое могущество, что онъ дѣйствительно сдѣлался повелителемъ имперіи. Когда этотъ варваръ, какъ аріанинъ, — потребовалъ для себя и своихъ приверженцевъ — арианъ — христіанскихъ церквей, императоръ готовъ былъ сдѣлать и эту уступку. Златоустъ энергически рѣшился воспротивиться этому. «Не обращай того, чего у тебя просать», говорилъ онъ Аркадію, «не давай святое исамъ». Въ присутствіи самаго Гайна онъ отказывалъ императору въ правѣ соглашаться на требованія, противоположныя интересамъ религіи и даже законамъ государства. Онъ указываетъ законы Θεодосія, которые запрещаютъ аріанамъ владѣть церквями. И когда Гайнъ началъ пересчитывать свои услуги, требуя за нихъ награды, Златоустъ напомнилъ ему о неизвестности его происхожденія, низкомъ его состояніи, о рубищахъ, которые онъ некогда носилъ, и, противопоставляя картинѣ прошедшаго его униженія настоящія почести и достоинства, въ которыхъ онъ облеченъ, онъ заключилъ, что награды превосходятъ заслуги. Гайнъ вышелъ взбѣшенный этимъ свиданіемъ и, доставивъ грабелю готовую часть города, самъ удалился во Фракію, предавая все огню и мечу. Гунны во время своего нашествія уничтожили этого бунтовщика, такъ страшнаго, что даже самъ императоръ востока трепеталъ его.

Такова была роль Златоуста въ тѣхъ вселенныхъ, которымъ подвергалась тогда имперія. Было бы очень важнымъ заблужденіемъ видѣть въ этомъ епископѣ только защитника привилегій Церкви. Слабость императорскаго правленія дѣлала его чѣмъ-то большимъ, челоуѣкомъ политическимъ. Если онъ защищалъ именемъ челоуѣколюбія жизнь Евтропія, то онъ въ то же время приводилъ законы Θεодосія и Константина, которые освящали право убѣица. Во имя также государственныхъ

законовъ онъ уничтожилъ притязанія Гайна. Въ этихъ обстоятельствахъ въ одно и тоже время онъ защищалъ религію и государственное учрежденіе; въ посольствѣ же къ Гайну онъ хлопоталъ за имперію или скорѣе за императора, которому онъ покровительствовалъ. Такое высокое положеніе вызываетъ бурю на того, кто осмѣливается занимать его! И теперь, когда этотъ человѣкъ говоритъ такъ смѣло увѣщанія предъ императоромъ, императрицею и дворомъ, когда онъ не падитъ обличеній предъ жестокимъ варваромъ— побѣдителемъ; понятна будетъ та горячая ненависть, которую онъ возбудилъ противъ себя и тѣ преслѣдованія, жертвою которыхъ онъ сдѣлался.

Всѣ эти происшествія совершились въ продолженіи четырехъ лѣтъ его енисковства. Реформа, внесенная въ духовную дисциплину, путешествія его по Азіи, посольства къ Гайну, основаніе госпиталей, раздаваніе милостыни, уничтоженіе остатковъ многобожія, обращеніе Готеовъ, мало оставляли ему времени для проповѣди ¹⁾. Однакожь онъ не пренебрегъ вовсе и не покинулъ такъ высокой части своего служенія. Эта душа пылкая, впечатлительная, много чувствовавшая и переживавшая во глубинѣ своей, имѣла насущную потребность во внѣшнихъ изліяніяхъ и утѣшеніяхъ. Народъ былъ его наперсникомъ: предъ этою непостоянною, страстною, простосердечною толпою, предъ этими бѣднягами, для которыхъ онъ былъ какъ бы провидѣніемъ и любовь которыхъ такъ сильно поддерживала его, онъ открывалъ все свое сердце, жаловался, обвинялъ также тѣхъ, которыхъ народъ расположенъ обвинять. Его гений и добродѣтели удивляли такихъ слушателей, не возбуждая въ нихъ зависти. Его мужество, открытое отраженіе притязаній Гайна, спасенная жизнь Аврелиана, Сатурнина и графа Іоанна, смѣ-

¹⁾ Монтфаконъ и еще прежде него Фотій замѣтили, что бесѣды произнесенныя имъ въ Константинополѣ, по достоинству ниже другихъ. Времени не доставало автору.

лыя увѣщанія, обращенныя къ развратному двору и тѣмъ вельможамъ, которыхъ сокровища были плодомъ грабежа и лихоимства; все въ его поступкахъ и въ его словахъ правилось этимъ несчастнымъ, съ горячею преданностью и любовію отдававшимъ ему справедливость, которой онъ не могъ ожидать отъ тѣхъ, которымъ покровительствовалъ, но чьи пороки и слабости находили въ немъ неумолимаго судью. Сколько разъ онъ съ горечью жалуется на безчисленныя трудности, встречающіяся ему, на отвѣтственность, которая тяготѣетъ надъ нимъ, на тайныхъ враговъ, которыхъ онъ видитъ около себя!

«Епископъ принадлежитъ всѣмъ; онъ несетъ тяготы всѣхъ. Другимъ извиняютъ проступки, но не ему. Прощаютъ грѣхи другихъ, но не его. Онъ поддежить говору и сужденію всѣхъ мудрыхъ и не мудрыхъ. Постоянныя заботы снѣдаютъ его день и ночь. Вы мнѣ не говорите о тѣхъ епископахъ, которые имѣютъ одно дѣло угождать людямъ и наслаждаться сладостями сна, какъ будто они заняли эту должность для одного покоя».

«Но вы скажете, онъ пользуется почестями? О какихъ почестяхъ говоришь ты? Послѣдній вищій поноситъ его на площади. А почему онъ не заставитъ его молчать? Прекрасное требованіе! Это не должность епископа! Если онъ не раздаетъ милостыней всѣмъ—трудящимся и лѣнливымъ, тысяча обвиненій падаютъ на него. Никто не медлитъ клеветать. Если дѣло идетъ о правительствѣ, то онъ чувствуетъ нѣкотораго рода страхъ, если же дѣло идетъ о епископахъ, то никакого».

«Потомъ эти худыя выборы, дѣлаемые худыми предшественниками, отъ которыхъ никакъ нельзя отдѣлаться. Однако нужно употреблять лекарство, хотя бы съ опасностію для самаго себя».

«Я хотѣлъ бы представить, если бы это было возможно, въ самомъ ясномъ свѣтѣ свою любовь къ вамъ. Послѣ этого

нико не упрекать бы меня болѣе на будущее время въ строгости моего слова: ибо слова друга и укору его легко сносить».

Извѣстно, что Златоустъ не щадилъ ихъ. Строгий судья пороковъ, онъ дѣлалъ столь живыя описанія ихъ, что нѣсколько разъ былъ прерываемъ рыданіями своихъ слушателей, шумвыми выраженіями раскаянія. Однажды, между прочимъ, онъ сказалъ: «кто приобщается св. таинъ, не будучи достоинъ, тотъ столько же виновенъ, какъ и пролившій кровь Іисуса Христа». Народъ тотъ часъ выражаетъ свое отчаяніе и восклицаетъ: «ты насъ удаляешь отъ св. трапезы и общенія съ ней». Эта скорбь, такъ правая въ своемъ непосредственномъ выраженіи, возбуждаетъ въ немъ состраданіе. Но онъ не можетъ переимѣнить осужденія, произнесеннаго на святотатство. Что же онъ дѣлаетъ? Онъ прилагаетъ эту страшную угрозу къ себѣ самому. Не такъ ли и онъ слабъ и склоненъ ко грѣху, какъ и его слушатели? И затѣмъ цитуетъ прекрасныя слова апостола: *«всякъ бо первосвященникъ отъ человека приемлетъ, за человека поставляется на службы, яже къ Богу состраданіи моею невѣжествующимъ и заблуждающимъ, понеже и той немощію обложенъ есть»* (Посл. къ Евр. гл. 5, ст. 1).

Вотъ какъ онъ изъясняетъ эти слова апостола! «Слова мои произвели смущеніе и печаль въ добрыхъ сердцахъ. Они мучаютъ сознаніе моихъ слушателей, точно какъ и того, кто говоритъ имъ. Грозныя слова также приложимы ко мнѣ, какъ и къ вамъ. Подобно вамъ, я зараженъ этою ранюю. Средства противъ этого я полагаю одно и для себя и для васъ. Такова совѣтъ божественной благодати! Священники и вѣрующіе, которые слушаютъ его, подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ, какъ имѣющіе одну природу: они равно виновны и нарушая эти законы. Затѣмъ такъ? Затѣмъ, чтобы священникъ былъ умѣренъ въ своихъ обличеніяхъ, затѣмъ, чтобы онъ былъ снисходителенъ къ грѣшникамъ памятуя свою собственную слабость.

Не ангеловъ Богъ послалъ съ неба для исправленія смертныхъ; эти существа съ высшею природою, не зная слабостей человѣческихъ, могли бы быть слишкомъ строги въ своихъ обличеніяхъ и наказаніяхъ. Люди смертные даны намъ въ руководители; люди со всеми человѣческими слабостями, люди, которые будучи подвержены тѣмъ же искушеніямъ, какъ и ихъ слушатели, могли бы быть болѣе снисходительны въ своемъ словѣ и болѣе умѣренны въ своихъ обличеніяхъ. Это объясняетъ св. апостоль Павель, виновникъ этого закона и даетъ такой смыслъ въ своихъ словахъ: *«всякъ первосвященникъ отъ человеки приемлеъ, за человеки поставляется на службы, яже къ Богу, состраданіи мойи невольжествующимъ и заблуждающимъ. Почему? понеже немощю той облещенъ естъ»*.

«Вы видите, чувство слабости рождаетъ состраданіе, единство природы запрещаетъ выходить за предѣлы въ упрекахъ, направленныхъ противъ своихъ братій. Но затѣмъ я говорю объ этомъ? Затѣмъ, чтобы вы не говорили: ты чуждъ всякаго грѣха, ты незнаешь тяжелой скорби, какую причиняетъ упрекъ; ты злоупотребляешь своимъ исключительнымъ положеніемъ, чтобы дѣлать болѣе глубокія раны. Нѣтъ, я первый чувствую скорбь; ибо я подверженъ грѣху. Мы все заслуживаемъ упреки и никто не можетъ похвалиться, что онъ имѣетъ сердце чистое отъ порока».

«Я дѣлалъ вамъ упреки не изъ удовольствія пофилософствовать о слабостяхъ другихъ, не по безчеловѣчю, а по состраданію, которымъ полно мое сердце. Когда врачъ дѣлаетъ надрѣзы больному, онъ самъ не испытываетъ никакой боли, а страдаетъ только одинъ больной. Не такъ бываетъ при врачеваніи душъ. Здѣсь по себѣ я сужу о другихъ. Прежде, чѣмъ я опечалю васъ моими словами, я самъ глубоко болѣю. Менѣе страдаютъ отъ упрековъ подвергающіеся упрекамъ, чѣмъ тѣ, которые упрекають, будучи сами грѣшники. Вы говорите, а

ваше сознание идетъ противъ васъ; вы видите самихъ себя обремененныхъ этимъ достоинствомъ священства, падающими въ тѣ же самыя слабости, въ какихъ находятся ваши слушатели; вы имѣете нужду въ тѣхъ же исправленіяхъ; вы это чувствуете и ваша скорбь во сто разъ глубже. Если есть между вами такіе, которыхъ сердце слабо, которые не принимаютъ апологіи моего положенія, тѣмъ вотъ что скажу: эти законы, какіе я предлагаю вамъ, не я составлялъ: они ниспосланы съ неба; я только хочу разъяснить вамъ ихъ. И такъ это необходимо по требованію того служенія, которое мнѣ ввѣрено; или лучше я говорю предъ вами свободно и безъ боязни о всемъ, потому что я стараюсь не правиться вамъ, а быть полезнымъ, иначе если бы я опасался навлечь вашу ненависть, то я повредилъ бы и своему и вашему спасенію».

Что это былъ за народъ, такъ нѣжно любимый, такъ чувствительный къ упрекамъ и, между тѣмъ, такъ мало заботящійся о томъ, чтобы не заслуживать ихъ. Христіане константинопольскіе очень сходны были съ христіанами антиохійскими: одни и тѣже бѣдствія производятъ одни и тѣже пороки. Но въ Константинополѣ поврежденіе нравовъ было гораздо глубже. Близость и примѣръ двора, праздная жизнь, обольщенія цирка и театра имѣли очень губительное вліяніе на столь многочисленное и столь смѣшанное народонаселеніе. Я не говорю уже о тѣхъ странныхъ утонченностяхъ роскоши, лакомства, распутства, и тѣхъ исключительныхъ и многочисленныхъ порокахъ, такъ нагло представляющихся въ городѣ, въ которомъ можно было найти удовлетвореніе самымъ всевозможнымъ фантазіямъ. Всѣ эти раны сильно зараженной аристократіи Златоустъ рисуетъ во всей ихъ отвратительной наготѣ: нельзя упрекать его въ томъ, что онъ очень часто выставляетъ ихъ на показъ. Страсть къ цирку и театру, вотъ порокъ общій всемъ классамъ тогдашняго общества и источникъ мно-

гихъ другихъ поробовъ! Въ Антиохіи Златоустъ нѣсколько разъ осуждалъ эти соблазнительныя забавы и непристойныя представленія. А въ Константиноплѣ этому предмету она посвятила цѣлую бесѣду ¹⁾.

Послѣ вступленія, полного негодованія (*τὸ πρῶτον ἐπιτίμησις, ταυτὸ δεύτερον*), епископъ представляетъ себя уединеннымъ въ своемъ домѣ, гдѣ доносится до него и возмущаютъ его крики толпы, опьянѣвшей отъ забавъ цирка. Онъ преклоняетъ голову къ землѣ и закрываетъ лицо. Его мысль съ тѣми несчастными, души которыхъ поработили себя столь печальнымъ довольствіемъ. Онъ видитъ ихъ, онъ указываетъ на нихъ. Тѣ, которые сидятъ на высшихъ ступеняхъ, богатые и знатные наслаждаются съ молчаніемъ и съ какою то сосредоточенностію удовольствіями зрѣлищъ. Радость ихъ не выражается въ безпорочныхъ крикахъ: она проникаетъ ихъ души, наполняетъ ихъ и дѣлаетъ неподвижными и вѣчными. Чернь, помѣтившаяся на нижнихъ ступеняхъ, свободно отдается всѣмъ чувственнымъ, кричитъ, аплодируетъ и усугубляетъ удовольствія спектакля удовольствіемъ шума.

Но что значать эти удовольствія цирка ²⁾ въ сравненіи съ представленіями театра. Извѣстно, что не ходили искать туда духовныхъ удовольствій. Театръ говорилъ только однимъ чувствамъ. Тамъ были соблазнительныя пѣсни, нагомини, сладострастные танцы, исполняемые нагими женщинами. Какія могли быть здѣсь чувства, какія ощущенія зрителя? Какое вос-

¹⁾ Она изъ числа 12-ти бесѣдъ, произнесенныхъ въ началѣ 16-го вѣка Монфакомъ ученымъ Бенедиктинцемъ. Эта двѣнадцатая бесѣда хранилась въ монастырѣ афонской горы.

²⁾ «Смотрѣть на облающихъ зѣбрей! Если вы хотите этого, позабравъ естественныя страсти вашей души — гнѣвъ и похоть. Положите на нихъ ярмо мудрости. Дайте имъ въ плуцера — радость, бѣгите, чтобъ получить рукоплесканіе отъ того, кто васъ позоветъ; бѣги не отъ преступленія къ преступленію, а отъ земли къ небу».

поминаніе онъ выносить изъ этого средоточія разврата? Златоустъ, безъ ложнаго стыда говорить о всемъ этомъ.

«Когда ты выходишь изъ театра, когда перестаешь смотреть на нее (куртизанку), ее образъ остается въ твоей душѣ съ ее словами, тѣлодвиженіемъ, жестами, взглядами; поступкомъ сладострастною прелестью, страстными рѣченіями, и ты выносишь съ собою тысячу ранъ. Не отсюда ли происходятъ эти безпорядки въ семействахъ? Не отсюда ли гибель цѣломудрія, несогласіе между супругами, споры и жалобы, и эта безприманная тоска? Когда ты возвращаешься къ себѣ, занятый этою женщиною, ты уже избиваешь. Тогда твоя жена кажется тебѣ непріятною, дѣти докучаютъ тебѣ, рабы дѣлаются несносны, твой домъ наводитъ на тебя скуку, дѣла надоѣдаютъ; всѣ тѣ которые приступаютъ къ тебѣ, увеличиваютъ твое томленіе и муку. А почему? Потому что ты не одинъ возвращаешься, вмѣстѣ съ тобою и эта непотребная женщина; она жжетъ твою душу, ты увлеченъ и любишь свою рану. О, безуміе! Какъ постыдно это слушать наши бесѣды о воздержаніи?»

Слушатели плачутъ и вздыхаютъ о несчастіи грѣшниковъ. Златоустъ хвалитъ это состраданіе, но поражаетъ виновныхъ отлученіемъ отъ церкви. Онъ приказываетъ виновнымъ никогда не говорить съ ними ни слова; онъ отдѣляетъ ихъ отъ числа вѣрующихъ. Безъ сомнѣнія, къ этому нужно присоветовать слѣдующее ограниченіе: «если они опять обратятся къ зрѣлицамъ». Но рѣшеніе не теряетъ отъ этого своей строгости, и оно имѣло такую силу, какъ замѣчаютъ справедливо, какой даже не подозрѣвалъ Златоустъ. Оно скорѣе возмущало богатыхъ, чѣмъ бѣдныхъ. Видные менѣе доступны обольщеніямъ красоты и сладострастнымъ удовольствіямъ: они мало знакомы съ безправденною скукою, слѣдующею за преступнымъ удовольствіемъ и возмущающею душу. Грубая чувственность вела ихъ къ театру, но необходимость не давала возможности для

того, чтобы опасное влечение сильно сосредоточивалось и росло в их души. Не такъ было съ богатыми. Праздность и богатство необходимо побуждали ихъ искать удовлетворенія тѣмъ желаніямъ, какия возбуждалъ въ нихъ театр. Ихъ-то особенно ораторы имѣли въ виду, имъ-то особенно угрожалъ отлученіемъ отъ церкви: они сдѣлались его врагами. Но что важнаго для него имѣла эта несправедливая ненависть? Къ несчастію, забавы, цирки и театры не только были дозволены императоромъ, но и нѣкоторымъ образомъ находились подъ его дирекціею. Златоустъ, нападая на нихъ, нападалъ на государственное учрежденіе. По своему происхожденію имѣющему связь съ политизмомъ, который они переживли, эти народная увеселенія служили императору средствомъ для управленія. «Хлѣба и зрѣлищъ», таковъ былъ крикъ Римлянъ при Тиверіѣ и Константинопольскихъ грековъ. Ужасныя кровопролитія цирка почти прекратились, благодаря благотворному вѣянію гуманности, которую привнесло христіанство въ міръ, но смягчая души, новая религія была далеко отъ того, чтобы очищать ихъ. Народъ пересталъ быть жестокимъ, но оставался нецѣломудреннымъ. Бюю гладиаторовъ и звѣрей наследовали бѣги колѣсницъ, соблазнительныя мимы и танцы куртизанокъ. Отцы церкви пытались отвлечь отъ этого удовольствія толпу праздную и поврежденную, но безъ успѣха. Игры перестали быть религіознымъ торжествомъ, но сдѣлались учрежденіемъ политическимъ—нотребностию. вмѣстѣ съ раздаваніемъ хлѣба народу, онѣ были единственнымъ награжденіемъ для народа, утратившаго всѣ свои вольности; можно сказать, что это было единственное его занятіе. Его дивій восторгъ къ этимъ забавамъ былъ таковъ, что продолжался даже въ тѣ дни, когда религія призывала его къ размышленію о своихъ великихъ таинствахъ. Въ великую пятницу 339 г. Златоустъ былъ возмущенъ въ своемъ уединеніи шумомъ цирка. Можно понять, каково было

его негодование. Но осужденіе, провознесенное имъ на зрителей, касалось и того, кто позволялъ, поощрялъ и поддерживалъ эти часто рибельныя представленія. то есть, касалось правительства и самаго императора. Проповѣдникъ долженъ былъ казаться для однихъ суровымъ судьей, для другихъ — его врагомъ чѣмъ то въ родѣ бунтовщика. Какъ-бы сдѣлалось непрочнымъ правленіе Аркадія, если бы уничтожить это средство, такъ сильно располагающее къ себѣ умы! Златоустъ нападалъ въ одно и тоже время и на укоренившій обычай, и на учрежденіе государственное. Къ несчастію, онъ этимъ неограничился; онъ напалъ на лица.

4. Къ чему вели эти нападенія? Трудно рѣшить. Современные церковныя историки на этотъ разъ очень осторожны; — одни, какъ Феодоритъ, по скупудельности христіанской любви и изъ боязни нажать себѣ враговъ, другіе, какъ Сократъ и Созоменъ, очевидно, колеблются между желаніемъ быть правдивыми и страхомъ оскорбить сына Аркадія и Евдоксін, которому одинъ изъ нихъ посвящалъ свое сочиненіе. Что касается до Палладія, то его сочиненіе о жизни Златоуста, составленное въ формѣ разговора въ подражаніе Федону, очень не полно и пристрастно. Ученіе оправдываетъ своего учителя и удивляется всѣмъ словамъ и дѣламъ его. Это сочиненіе — проповѣденіе пристрастія.

Съ другой стороны, друзья святаго, собравшіе и обнародовавшіе его сочиненія, добровольно опустили цѣлыя бесѣды, или по крайней мѣрѣ отрывки изъ бесѣдъ, въ которыхъ ревностный преобразователь архіепископъ и его энергія не соблюдали ни приличія, ни мѣры... Бернадъ Монтфаконъ выбрасываетъ изъ его сочиненій отрывки, которыя я буду приводить и которыя онъ отказывается принисать Златоусту, между тѣмъ какъ они ни кому другому и принадлежать не могутъ.

Наконецъ, послѣдующіе писатели — Георгій Александрійскій, императоръ Левъ и прежде ихъ діаконъ Маркъ, предполагаемый авторъ жизни св. Порфирія, болѣе разсказчики, чѣмъ серьезные писатели. Для нихъ все дѣйствительное очень просто и не имѣетъ никакой прелести: они видятъ чудеснаго. Они пользуются пріятнымъ эхомъ преданій, гдѣ въ новыхъ краскахъ рисуется воспоминаніе о народномъ епископѣ. Въ ихъ книгахъ, какъ и въ изображеніи народа, Златоустъ преобразуется въ чудотворца. Кардиналъ Бароній, болѣе знаменитый по своей учености, нежели по солидности своей критики, не задумывается внести въ свои лѣтописи эти сказанія, часто невѣроятныя, но которыя, однакожь, не должно отвергать всецѣло и слѣпо. Но мимо чудесъ, которыя въ глазахъ составителей легендъ служатъ необходимымъ украшеніемъ и возвышеніемъ нравственного достоинства, факты, ими приведенные, не все несостоятельны. Я постараюсь въ этой части моей работы, самой щекотливой, представить дѣло въ ясномъ свѣтѣ, и, не вводя чудеснаго въ исторію, у легенды взять только то, что не противорѣчитъ здравому смыслу и правдоподобию.

Ко всемъ этимъ свидѣтельствамъ, болѣе или менѣе заподозрѣннымъ надобно присоединить еще свидѣтельство Зосимы. Я знаю, что авторитетъ этого единственнаго языческаго писателя того времени очень подозрителенъ. Однакожь только онъ одинъ, кажется, безпристрастенъ въ нашемъ дѣлѣ. Онъ какъ не любилъ Златоуста, такъ тѣмъ болѣе не любилъ Аркадія и Евдоксію: онъ ни къ кому изъ нихъ не имѣлъ расположенности. Но Зосима представляетъ намъ Златоуста личнымъ врагомъ Евдоксіи. Къ несчастію, довольно значительный пропускъ въ текстѣ препятствуетъ намъ узнать мнѣніе Зосимы о причинѣ этой вражды, на которую Златоустъ отвѣчалъ также непріязнью. Зосима говоритъ только, что Златоустъ неоднократно осуждалъ Евдоксію предъ народомъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ также

Сократъ и Созоменъ. Онъ присовокупляетъ еще, что это она собственно вооружила епископовъ противъ Златоуста; онъ признаетъ, что она противодействовала Златоусту несправедливо и, между тѣмъ, обвиняетъ архіепископа въ томъ, что онъ не разъ возмущалъ народъ противъ императрицы.

Характеръ Златоуста не опровергаетъ этихъ обвиненій. Его извиненіемъ, если только оно нужно, служатъ пороки и преступленія императорскаго двора, грабительства и притѣсненія Евдокіи, евнуховъ, придворныхъ дамъ, которыя окружали ее, необузданный произволъ заступившій мѣсто законовъ, разбой, находящій поддержку у трона. Св. Илья, сначала префектъ въ Константинополѣ, потомъ монахъ, представилъ рѣзкую картину этихъ сатурнальнѣйшихъ деспотизма, понапавшаго въ руки женщины.

«Очень рѣдко, говоритъ онъ, богатый могъ завѣщать свое имущество своимъ наследникамъ. Евдокіа, съ евреями и придворными женщинами умѣли захватывать его въ свои руки».

Онъ указываетъ ограбленныхъ наследниковъ, доведенныхъ до нищеты. Они съ слезами разказываютъ свою исторію и имъ смѣются въ глаза, и имъ говорятъ, что всѣ нищіе имѣютъ подобныя исторіи. Одни ходятъ изъ провинціи въ провинцію, снискивая себѣ пропитаніе; другіе живутъ на мѣстѣ разоренія, въ постоянномъ ожиданіи или отчаяніи. «При такомъ правленіи, говоритъ Зосима, люди очень скучаютъ жизнью и желаютъ себѣ смерти».

При видѣ этихъ несправедливостей, развращенія и нечестной гордости могъ ли Златоустъ удержаться отъ порывовъ своей ревности? Очевидно нѣтъ! Соблюдалъ ли онъ мѣру въ своихъ нападеніяхъ и порицаніяхъ? Умѣренность не была господствующимъ его качествомъ. Искалъ ли онъ императрицу, чтобы съ возможною мягкостію напомнить ей о тѣхъ обязанностяхъ, какія она забывала? Или лучше, умѣлъ ли онъ отказать отъ удовольствія изображать предъ народомъ пороки

двора и такимъ образомъ къ своимъ сужденіямъ и порицаніямъ присоединять сужденія и порицанія злой и завистливой толпы? За это я опасуюсь. Но императору Льву, онъ заходилъ еще далѣе. Когда Евдоксія отняла виноградныйъ, расположенный близъ города, у бѣдной вдовы, мужа которой повелѣла сослать въ ссылку и умертвить, Златоустъ трактуетъ объ императрицѣ подъ именемъ Іезавели и требуетъ, чтобы она возвратила похищенное добро. На ея отказъ, онъ заключилъ предъ нею двери церкви, когда она съ большою пышностію хотѣла войти въ нее. Аркадій вошелъ въ храмъ; императрица осталась внѣ его. Одинъ изъ ея офицеровъ обнажилъ шпагу, чтобы насильно открыть ей входъ въ церковь, его рука здѣсь же иссохла. Слово на Іезавель было произнесено, слово на Иродіаду также, а быть можетъ, много и другихъ.

Евдоксія и Златоустъ были врагами: все это доказываетъ. Далѣе, оба они имѣли твердый и настойчивый характеръ. Съ перваго же дня они столкнулись. Разсказываютъ, что императрица объявила себя покровительницею Северіану Габальскому и призвала его въ Константинополь послѣ того, какъ Златоустъ изгналъ его оттуда. Это было первое столкновеніе между ними: оно не оставило пріятныхъ воспоминаній ни императрицѣ, ни Златоусту. Между тѣмъ, Златоустъ по временамъ говорилъ великолѣпныя слова въ честь императрицы. Евдоксія сопровождала пѣнкомъ, на разстояніи цѣлыхъ девяти миль, останки св. мучениковъ, переносимые съ большимъ торжествомъ въ одну ночь въ церковь св. Фомы. Эта церемонія, въ которой она принимала участіе по благочестію или изъ тщесавія, была съ энтузіазмомъ прославлена архіепископомъ: онъ почти забылъ св. мучениковъ, увлеченный похвалами Евдоксіѣ. Но, какъ несловкій ласкатель или ироническій панегиристъ, онъ сравнилъ Евдоксію съ евангельскою грѣшницею, увѣряя, что объ онѣ достигнуть безсмертной славы. «Хотя

природа произвела тебя женщиною, присовокупилъ онъ, но ты можешь сравняться съ апостолами». Сомнительно, чтобы такіе комплименты были пріятны Евдокіѣ. Но неловкій панегиристъ могъ снискать благосклонность въ ея глазахъ, а сатирическому живописцу она не могла простить.

Несправедливо предположеніе, будто Златоустъ всегда имѣлъ въ виду Евдокію, когда нападалъ на излишество роскоши и убранства женщинъ. Придворныя дамы не менѣе ея заслуживали эти упрёки. Но народъ, котораго Златоустъ избралъ своимъ паперсникомъ и покровеннымъ, лишь только узналъ о разладѣ между этими сильными лицами, то ничего не видѣлъ въ общихъ сужденіяхъ проповѣдника, кромѣ постоянного намёка на пышность, гордость и жестокость Евдокіи. Къ несчастію, почти невозможно было осуждать поведение женщинъ, не имѣя въ виду императрицы. И, можетъ быть, Златоустъ ничего не дѣлалъ для уничтоженія этихъ примѣній, въ которыхъ торжествовала злоба народа. Такой искусный писатель, такъ точный въ своихъ выраженіяхъ, неужели онъ не зналъ, какой смыслъ могли извлечь его грубые слушатели изъ слѣдующихъ словъ:

«Всѣ вы женщины, носящія золотыя ожерелья, должны желать цѣпей Павла. Блудная драгоцѣнности не такъ украшаютъ вашу шею, какъ желвавыя цѣпи—его душу. Скажите мнѣ, кто привлекалъ болѣе взглядовъ, вы или Павелъ?»

«Сама императрица, вся покрытая золотомъ, не обратила бы на себя столько вниманія, какъ онъ. Если бы вы увидѣли входящими въ церковь въ одно и тоже время—императрицу и Павла, то не на нее, а на него устремились бы взоры всѣхъ; и по праву. Ибо видѣть челоуѣка, не имѣющаго ничего челоуѣческаго, истиннаго ангела на землѣ,—это зрѣлище несравненно удивительнѣе зрѣлища женщины, какъ бы великолѣпно выбыла она разукрашена».

Доселѣ еще нѣтъ ничего оскорбительнаго. Но ораторъ воодушевляется, и импровизація принимаетъ большую рѣзкость.

«Снизяте, говорить ошъ, съ себя, оставьте эти драгоценности—вы дадите хлѣбъ бѣднику. Вы обременены золотомъ, а ванъ ближній гибнетъ. Вы изъ тщеславія надѣваете на себя золото, а у вашего ближняго ничего нѣтъ. Эти золотыя цѣпи—грѣшныя цѣпи».

«Вы хотите представляться прекрасными и очаровательными. Довольствуйтесь быть такими, какими васъ Богъ создалъ. Неужели надѣетесь вы исправить твореніе Божіе? Вы хотите являться прекрасными, облекитесь милостію, облекитесь любовію, облекитесь скромностію и стыдливостію и удалите отъ себя пышность. Вотъ что драгоценнѣе золота, вотъ истинное украшеніе, вотъ что дастъ истинную красоту той, которая лишена ея! Когда смотришь на красоту соединенную съ добродѣтелью, то бываешь благорасположеннѣе въ своихъ сужденіяхъ. Но женщина развратная и красивая не заслуживаетъ добраго слова. Предъубѣжденный противъ нея умъ не судитъ о ней снисходительно. Египтянка великолѣпно была одѣта; Иосифъ имѣлъ также прекрасный парадъ. Но кто изъ нихъ прекраснѣе? Ошъ былъ обнаженъ, но облаченъ въ мудрїемъ и воздержанїемъ; другая была одѣта, но она такъ была прѣстѣнена, какъ будто была обнажена; ибо она вебыла чистою. Когда ты, женщина, великолѣпно наряжаешь себя, твой стыдъ гораздо болѣе видѣнъ, чѣмъ тогда, если бы ты являлась безъ одежды; ибо ты лишена скромности».

Не знаемъ, слышала ли сама Евдоксія эти смѣлыя слова. Но всей вѣроятности, объ нихъ пересказали ей. При дворахъ всегда есть люди, способные угадывать антипатїи и пристрастія и готовые служить имъ. Выраженія оратора неказали и перетолковали въ худую сторону. Гордой и мстительной женщицѣ донесли объ оскорбленїи, нанесенномъ ей Златоустомъ,

о рукоплесканіяхъ народа, злобѣ котораго епископъ предалъ величіе императрицы и достоинство женщины. Ничѣмъ не пренебрегали, лишь бы заставить императрицу почувствовать обиду и возбудить ее къ мести.

Число враговъ Златоуста было велико. Θεодоритъ, по скурпулезности христіанской любви, очень неумѣстной у историка, отказывается назвать кого либо изъ нихъ ¹⁾. Собрать, Созоменъ и особенно Палладій, епископъ Еленовольскій, одинъ изъ горячихъ друзей Златоуста, пеняють такой осторожности. Мы видѣли, что вельможи, знатные, богачи, придворныя дамы, все ненавидѣли Златоуста: онъ не падеть ли ихъ разврата, ни ихъ корыстолюбія, ни ихъ кокетства. Они съ жадностію вступили въ заговоръ, который образовался подъ вліяніемъ императрицы. Но самыми заклятыми врагами Златоуста были тѣ, которые должны бы были быть его защитниками: ему измѣнили и его предали свои. Неправда семейная самая сильная; войны междоусобныя самая опасная и продолжительная. Епископы, имъ изложенные, Северіанъ Габальскій, примирившійся по видимому съ нимъ, діаконъ его — Іоаннъ, котораго онъ принудилъ противъ его воли заботиться о бѣдныхъ, графъ Іоаннъ, которому онъ спасъ жизнь, три придворныя дамы Марса, Кастринія, Евграфія, — вотъ первые враги, вооружившіеся на Златоуста!

Этому заговору не доставало вождя: онъ былъ искусно выбранъ. Этимъ вождемъ былъ Θεофилъ, патріархъ аятіохійскій, извѣстный разрушитель идола Сераписа. Θεофилъ ненавидѣлъ Златоуста. По смерти Нектарія, онъ надѣялся возвести на константинопольскую кафедру—одно изъ своихъ созданій, священника Исидора и такимъ образомъ сдѣлаться чуть ли не папою всего востока. Это былъ характеръ гордый и властолюбивый. Долгое

¹⁾ Θεодоритъ, ученикъ Акакія Верейскаго, одного изъ сильнѣйшихъ враговъ Златоуста.

время онъ не соглашался на посвященіе Златоуста. Евтропій принудилъ его, угрожая въ противномъ случаѣ употребить противъ него поздравительныя письма, которыя онъ писалъ въ одно время къ Θεодосію и Макенму, смотря потому, кто изъ нихъ одержитъ вообѣду. Онъ повиновался, хотя и противъ воли. Независимо отъ досады при видѣ несбывшихся надеждъ, Θεοφιλου кажется, не правилось рѣшительное и открытое лице Златоуста. «Ибо онъ хвалился, говорить Палладій, что можетъ узнавать характеръ людей по чертамъ лица». Θεοφιлю постарался, съ своей стороны, вовлечь въ союзъ противъ Златоуста значительное число епископовъ, священниковъ, монаховъ, которые всё повиновались ему съ рабскою покорностію.

Когда образовался этотъ союзъ, имѣя во главѣ искуснаго вождя, оставалось только найти предлогъ для нападенія. Предлогомъ былъ оригенизмъ ¹⁾.

¹⁾ Оригенизмъ на самомъ дѣлѣ былъ не болѣе, какъ только пустыя предлоги. Въ обвинительныхъ актахъ противъ Златоуста нѣтъ никакого намека на заблужденія Оригена, которыя бы онъ признавалъ. Они свидѣлствуютъ только о его согражданіи къ монахамъ, преслѣдуемымъ будто бы за оригенизмъ, но это нисколько не доказываетъ, чтобы онъ раздѣлялъ ихъ мнѣнія, даже и тогда, когда бы эти монахи были дѣйствительно оригенисты. Напротивъ, известно, что два сильнѣйшіе противники оригенизма — блаженный Іеронимъ и Θεοφιлю были въ началѣ, по отношенію къ этому дѣлу, совершенно-противоположныхъ чувствъ. Блаженный Іеронимъ даже участвовалъ съ Руфиниомъ въ переводѣ сочиненія великаго александрійскаго Богослова.

Для желающихъ знать Оригена и споры о его ученіи по окончательнаго приговора на пятомъ вселенскомъ соборѣ въ 553 году, можно рекомендовать статью «объ Оригенѣ» (de M. Jean Reunaud) въ Новѣйшей Энциклопедіи. Хотя здѣсь авторъ обвиняетъ Златоуста въ Оригенизмѣ и говоритъ о Θεοφιлю съ болѣею снисходительностію, чѣмъ современные писатели (Тиллемонъ, Мезнаръ, Германъ, и др.), однако это не мѣшаетъ его статьѣ быть очень занимательною и солидною, свидѣтельствующею о глубокомъ знаніи времени и предмета.

Исторію о монахахъ, обвиненныхъ въ оригенизмѣ смотр. Sozom. кн. VIII, гл. 12 и 13. Sipplic sever. Dialog; Socrat кн. 5, гл. 15 и слѣд. Mesnard, кн. 5, гл. 1, 2, 3, 4. Pallad. гл. 64, 65 и слѣдующ.

Разсказывали, что четыре монаха, славные своими добродѣтелями на востокѣ, и называвшіеся великими братьями по причинѣ великаго ихъ роста, пришли въ Константинополь просить защиты у Златоуста и Аркадія. Эти монахи, ижекогда очень любимые Теофиломъ, потомъ изгнанные насильно изъ своихъ келлій, не справедливо обиженные, даже подвергавшіеся ударамъ изъ руки самаго патріарха, объявившаго ихъ предъ христіанскимъ міромъ раздѣляющими мѣртва Оригена, эти монахи искали убѣжища въ Іерусалимѣ, откуда изъ уваженія къ Теофилу изгнали ихъ, и, наконецъ, они пришли въ Константинополь. Самое большее преступленіе ихъ состояло въ томъ, что они дали пріютъ странствующему свѣдѣтелю Нисдору, который заслужилъ всеобщее уваженіе церкви и тѣмъ возбудилъ къ себѣ ненависть Теофила. между тѣмъ, какъ до этого времени онъ такъ былъ любимъ Теофиломъ, что этотъ хотѣлъ было сдѣлать его преемникомъ Нектарія. Нисдоръ противился тому, что Теофилъ серебро бѣдныхъ употреблялъ на безполезныя постройки. Подвергшійся самъ немилости, онъ подвергъ ей и тѣхъ, которые дали ему пріютъ.

Монахи просятъ Златоуста походатайствовать за нихъ у Теофила и вручаютъ ему записки, составленныя для своего оправданія. Теофилъ съ гордостью отвергаетъ любвеобильное посредничество Златоуста. Этотъ отказывается отъ ихъ дѣла. Монахи отправляются къ императору и обвиняютъ Теофила въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ, на которыя они готовы были представить доказательства. Аркадія приказываетъ Теофилу явиться къ нему. Но этотъ принялъ свои мѣры. Онъ объявляетъ себя защитникомъ вѣры противъ заблужденій Оригена, привлекаетъ на свою сторону блаженнаго Іеронима, горячо доселѣ боровшагося съ Руфиномъ, и св. Елифанія Саламинскаго, старца почтеннаго своимъ благочестіемъ и добродѣтелію, но съ посредственнымъ умомъ и слѣбною ревностію. Теофилъ отправляется

въ Константинополь: и это первое дѣло было торжествомъ его искусства. Златоустъ, считавшій себя въ сторонѣ отъ этихъ споровъ объ оригенизмѣ, оказывасть ему гостеприимство. Теофилъ отказывается входить въ общеніе съ епископомъ Константинополя: прежде чѣмъ эгого изгнать монаховъ и осудить Оригена. Такъ изъ обвиненнаго Теофилъ сдѣлался обвинителемъ. Златоустъ, не уступавшій ему въ самоуваженіи, отказывается повиноваться такому странному приказанію. Необдуманннй поступокъ Епифанія, который вызвался поддерживать борьбу для защиты угрожаемой вѣры и нарушалъ законы дисциплины, рукополагая въ чужой епархіи, еще болѣе раздражаетъ Златоуста и утверждаетъ его въ рѣшеніи не обращать вниманія ни на какія приказанія, которыя были ему сдѣланы. Между тѣмъ, Теофилъ привезъ съ собою 30 епископовъ, готовыхъ на все, чтобы заслужить его благосклонность. Онъ расточалъ серебро въ Константинополѣ, держалъ открытый столъ, привлекалъ на свою сторону всѣхъ тѣхъ епископовъ, всѣхъ тѣхъ священниковъ и монаховъ, пороки которыхъ Златоустъ наказывалъ, а злоупотребленія исправлялъ. Наконецъ, онъ возжегъ и въ сердцѣ императрицы то враждебное чувство, которое она скрывала противъ смѣлаго обличителя ея поведенія. Когда онъ привлечеъ къ себѣ достаточное количество духовныхъ, когда увѣрился въ покровительствѣ двора, тогда, вмѣсто того, чтобы защищаться отъ обвиненій, на него возводимыхъ, вмѣсто того, чтобы разсѣдывать дѣло объ Оригенѣ, которое онъ, повидимому, держалъ на сердцѣ, онъ предписываетъ Златоусту явиться на мнимый соборъ, составленный въ Халкедонѣ и названный соборомъ «Дрисскимъ» ¹⁾. Отосланное посланіе было съ такимъ

¹⁾ Вблизи Халкедона было мѣстечко, известное подъ именемъ Δρῖς (Дубъ). Владѣтелемъ его прежде былъ Руфинъ, имѣвшій большое значеніе при императорахъ Θεодосίῳ и Ἀρκαδίῳ и бывший префектомъ восточнымъ. Онъ построилъ здѣсь церковь и великолѣпный домъ; сюда приглашали на судъ Златоуста, боясь въ Константинополь что нибудь замышлять противъ этого любимца народа.

адресомъ: «св. соборъ, собравшійся въ предмѣстїи Дриссѣ къ Іоанну». Этотъ адресъ показывалъ, что Златоуста прежде всего лишили званія--архіепископа.

Скольго такое дѣйствіе противно было всякому правосудію, законамъ дисциплины, правиламъ никейскаго собора! Отвѣтъ епископовъ, оставшихся вѣрными Златоусту, явное этому доказательство.

«Не разрушайте дѣлъ Церкви, не возмущайте порядка, въ ней установленнаго, не раздирайте той Церкви, для которой Христосъ спелъ съ неба на землю. Если же нетерпѣніе побуждаетъ васъ измѣнять канонъ никейскаго собора, если вы хотите знать о дѣлахъ духовенства, находящагося внѣ вашего вѣдомства и внѣ вашихъ енархій, то идите къ намъ--въ этотъ городъ, гдѣ благочиніе такъ твердо организовано, и не влезите Авеля въ поле, но примѣру Каина. Прежде нежели пойдемъ къ вамъ, мы должны выслушать васъ: потому что имѣемъ у себя 70-ть обвинительныхъ противъ васъ пунктовъ: и они вѣрно говорятъ о дѣйствіяхъ, въ которыхъ обвиняютъ васъ. Скажемъ бодрѣе: насъ, но благодати Божіей, гораздо больше числомъ, чѣмъ васъ на вашемъ синодѣ, и мы собираемся единственно для мира Церкви, а не для разрушенія его. Ваше собраніе составлено только изъ 30-ти епископовъ одной провинціи, между тѣмъ какъ насъ--40-въ изъ многихъ провинцій и 7-мъ митрополитовъ между епископами, находящимися у насъ. Такимъ образомъ, по каноническимъ правиламъ, вы видите, что малое число должно быть судимо бѣльшимъ, которое, сверхъ того, и болѣе достойно и болѣе славно. Мы имѣемъ одно изъ вашихъ посланій, въ которомъ вы пишете Іоанну, собрату нашему по епископству, что епископъ не имѣетъ права назначать судъ надъ другими, находящимися внѣ предѣловъ его енархїи. Итакъ покоритесь законамъ Церкви и умоляйте своихъ обвинителей, чтобы они перестали обвинять васъ».

Златоустъ отказался явиться на судъ. Онъ писалъ собору, что видить въ епископахъ собранныхъ въ Халкедонѣ не судей, а враговъ, что Теофиль, оставляя Александрію, говорилъ: «я иду свергнуть Іоанна», что Акакій верейскій объявлялъ, «что онъ приготовилъ Іоанну бульонъ», что Северіанъ габальскій и Антіохъ иголемаидскій, *которыя преступленія такъ извѣстны, что даже свѣтскіе театры оглашали ихъ*, питають къ нему полную ненависть. Когда бы соборъ извергъ изъ своего нѣдра этихъ четырехъ епископовъ, то онъ могъ еще имѣть надежду найти судей безпристрастныхъ.

Соборъ отвѣчалъ на этотъ протестъ публикаціе обвинительныхъ актовъ противъ Златоуста. Она состояла изъ 29-ти пунктовъ, къ которымъ тотчасъ присоединили 18-ть другихъ.

Какой характеръ этихъ обвиненій? Былъ ли здѣсь вопросъ объ Оригенѣ и его заблужденіяхъ? Нисколько. Впрочемъ, во второмъ спискѣ жалобъ вменяли Златоусту въ преступленіе то, что онъ далъ гостепрѣимство монахамъ, обвиненнымъ въ оригенизмѣ. Но это дѣйствіе чистой любви къ ближнимъ не имѣло никакого отношенія къ заблужденіямъ, въ которыхъ ихъ обвиняли. Враги Златоуста не имѣли столько безстыдства, чтобы оспаривать чистоту его вѣры. Они принуждены были напасть на его частную жизнь, на его нравы и характеръ. Я не берусь обозрѣвать всѣ пункты обвиненій. Я укажу въ этомъ длинномъ спискѣ только такія изъ нихъ, которыя лучше всего бросаютъ свѣтъ на характеръ Златоуста и чувства его враговъ.

Его обвиняли въ слѣдующемъ:

«Онъ расхищаетъ имущество Церкви». Не было ничего болѣе истиннаго: онъ тратилъ имущество Церкви на милостыню и основаніе госпиталей. Я далѣе укажу, что онъ по принципю противился собранію сокровищъ. Духовенство того времени начало собирать эти безчисленные богатства, которыя, будучи назначены для бѣдныхъ, позже послужили бы поддер-

жанію роскоши и празднолюбія духовныхъ—Златоустъ предвидѣлъ это злоупотребленіе: онъ искалъ лекарствъ противъ жадности и горыстолюбія въ щедрости. Онъ сдѣлалъ Церковь бѣдною, чтобы воспреятствовать ея поврежденію.

«Онъ продавалъ церковные сосуды». Такъ поступалъ св. Амвросій и Акакій амидійскій. Последній сказалъ христіанамъ во время голода: «нашъ Богъ ни ѣсть, ни пьетъ; онъ не имѣетъ нужды въ сосудахъ. Продадимъ ихъ, чтобы дать хлѣбъ нищимъ».

«Онъ пьетъ одинъ, неумѣренно, какъ инокъ». Слѣшное по формѣ, это обвиненіе имѣло большое значеніе. Оно заключало истину и ложь: первое содѣйствовало тому, чтобы вышло второе. Дѣйствительно, Златоустъ обѣдалъ одинъ, то есть, не подражая всѣмъ другимъ епископамъ, онъ не держалъ стола открытаго для всѣхъ приходящихъ. Пышныя представленія поглощали большую часть дохода бѣдныхъ и гостепримство прерывало благовиднымъ предлогомъ расточительность, которой ничто не оправдывало. Златоустъ напередъ отказывался брать изъ доходовъ Церкви деньги, необходимыя для его содержанія. Онъ не ѣлъ, какъ воображаютъ, съ неумѣренностію на подобіе иконона. Его безразличіе въ столу было таково, что св. Олимпіада принуждена была питать его. Онъ былъ первый изъ бѣдниковъ, на котораго простиралась неистощимая благотворительность этой знаменитой вдовы, проехожденной отъ царей Арменіи. Но онъ обѣдалъ одинъ. Казалось такимъ образомъ, что онъ презиралъ общество своего духовенства. Прибавимъ, что онъ презиралъ его въ самомъ дѣлѣ.

Къ этимъ влестамъ присоединили еще слѣдующія. Его упрекали:

«Онъ развращаетъ епископовъ, избирая между ними такихъ, которые помогали бы ему въ притѣсненіи духовенства.» Иначе, онъ посвящалъ въ епископы по преимуществу

тѣхъ, которые могли служить ему опорю, а не препятствіемъ въ дѣлѣ преобразованія, по его мнѣнію, необходимаго.

«Онъ близъ одного священника въ церкви даже до крови и потомъ совершалъ Таинства». Онъ былъ раздражителенъ, но такіа жестокости не могутъ быть ему приписаны.

«Онъ не молился въ церкви, ни входя въ нее, ни исходя изъ нея». Вѣроятно, его благочестіе не заявляло себя для зрѣлища. Онъ не приглашалъ вѣрныхъ удивляться его пачобности. Это только Тартифы быють себя въ грудь предъ Оронтами.

Нападали также на его нравы. *«Онъ принималъ къ себѣ женщинъ, говорили, и безъ свидѣтелей».* При этомъ онъ вскричалъ: «о, еслибы стыдъ позволялъ мнѣ показать, до какаго состоянія посты и покаяніе довели это жалкое тѣло!»

Наонецъ, между этими жалобами, изобрѣтенными завистливымъ вѣроломствомъ или ребячествомъ, которая трудно было бы понять, еслибы мы не знали грубости и невѣжества, тогда господствовавшихъ даже въ духовенствѣ, находится еще извѣстное число такихъ, которые кажутся очень правдоподобными и за которые ненависть должна была ухватиться съ жадностію.

Его обвиняли въ томъ, что

«Онъ называетъ духовенство низкимъ, развратнымъ, не спяющимъ трехъ обологовъ».

«Онъ отказался имѣть общеніе съ Акакіемъ» тѣмъ самымъ, который готовилъ ему бульонъ.

«Онъ нарывается баню только для себя одного». Златоустъ предпочиталъ уединеніе общенію съ духовенствомъ своей архіи. Для насъ это понятно. Они были слишкомъ развращены для того, чтобы Златоусту находить удовольствіе въ общеніи съ ними.

«Онъ за разъ хотѣлъ быть и обвинителемъ и судьей и свидѣтелемъ». Я не знаю, дѣлался ли онъ здѣсь виновнымъ въ злоупотребленіи власти. Но если онъ и паруналъ закон-

ность, то трудно повѣрить, чтобы онъ нарушилъ справедливость. Этотъ человекъ, ни у кого не заискивавшій и не интересовавшійся никакими приглашеніями, очень естественно не могъ быть строгимъ хранителемъ формальностей. Фарисеи упрекали же Иисуса, что Онъ не исполняетъ правилъ закона.

«Онъ называлъ Епифанія старымъ боатуномъ». Это слово могло сорваться съ горячаго языка Златоуста. Но тутъ ничего болѣе не видно, какъ только забвеніе приличія и излишекъ откровенности.

Его враги простерли свое безстыдство до того, что обвиняли Златоуста «въ предательствѣ евнуха, патриція и перваго консула префекту Порфирію для его изнанія».

Такъ была истолкована краснорѣчивая бесѣда Златоуста на Евтропія! Извѣстный моцяхъ Исаакій, опасавшійся справедливаго суда Златоуста, представилъ собору 18-ть другихъ обвиненій, которыя и были приняты соборомъ безъ всякаго изслѣдованія. Нѣкоторыя изъ этихъ жалобъ были уже въ первомъ спискѣ, но двадцать повторенныя они увеличивали численность. Такъ онъ снова былъ обвиненъ въ томъ, что «обидѣлъ однихъ и презиралъ законъ гостепріимства».

Это обвиненіе подъ новою формою было очень серьезно. Гостепріимство—было обязанностію епископа. Но исполненіе этой обязанности скоро сдѣлалось предлогомъ къ расточительности. Бѣдные, путешественники, несчастные всякаго рода тѣщито ударяли въ двери епископа: епископъ занимался гостепріимствомъ только съ епископами и богатыми, въ сообществѣ которыхъ онъ расточалъ имущество Церкви. Вотъ каково гостепріимства не хотѣлъ держаться Златоустъ! Палладій посвящалъ цѣлыхъ двѣ страницы на оправданіе Златоуста въ этомъ пунктѣ. Флери не задумываясь осуждаетъ этотъ излишекъ дерзости или гордости, или воздержанія—въ архіепископѣ. Но Флери жилъ между знатными и богатыми прелатами.

Между многими жалобами, значенія которыхъ нельзя понять, съ удивленіемъ встрѣчаютъ слѣдующее: Златоуеть часто выражался такими словами: «я люблю, я изъ себя выхожу» (*Ерѣ или рабѣщи*). Эти выраженія не употребляются Церковію, и она не знаетъ, что это значить. Въ глазахъ его враговъ было святотатствомъ употреблять языкъ человѣческой срасти для выраженія благочестиваго энтузіазма.

Его снисходительность къ грѣшникамъ была также вѣнчаема ему въ преступленіе. Онъ говорилъ: «если вы упадете въ какой либо грѣхъ, кайтесь.—и каждый разъ, какъ только согрѣшите, приходите ко мнѣ: я исцѣлю васъ».

Наконецъ, его обвиняли въ томъ, что «онъ возбуждаетъ народъ къ возмущенію противъ собора».

Кѣмъ глазами долженъ былъ смотрѣть Златоуеть на этихъ явныхъ враговъ и низкихъ клеветниковъ? Какой авторитетъ могъ имѣть предъ ними—этотъ безчестный трибуналъ, не осмѣлившійся засѣдать въ Константинополѣ и оставшій судей между его врагами, между людьми развратными въ духовенствѣ, лашенными своихъ каедръ и постыдно изгнанными изъ нихъ? Отказываясь явиться на судъ предъ стигъ скопникомъ своихъ братьевъ, осмѣлившимся принять почтенное имя собора, архіепископъ константинопольскій не выражалъ ли смѣло народу того презрѣнія, которое внушали ему и эти ненавистные люди и ихъ недостойный образъ дѣйствования?

Народъ болше и болше тѣснился въ церковь, которая нестерпимѣе видѣть и слушать Златоуста, готовый покровительствовать тому, надъ гѣмъ собиралась такая грозная туча. Дворъ и епископы соединились и составили заговоръ противъ народнаго вождя-архіепископа; этотъ, будучи вынужденъ защищать свой санъ, свою честь и свободу, можетъ быть, свою жизнь, обратился къ несчастнымъ, которыхъ онъ былъ неустрашимымъ защитникомъ и покровителемъ. Не былъ

ли онъ мятежникомъ? Нѣтъ! На него несправедливо нападаютъ, онъ защищается. Когда бы онъ надѣялся найти честныхъ судей, то онъ явился бы къ нимъ. Главнымъ его желаніемъ до самой смерти было подчинять свои слова и дѣйствія вселенскому собору. Не видя никакого правосудія, не могущи ни на что опереться, онъ противопоставилъ насилію своихъ враговъ гнѣвъ народа. Между тѣмъ, какъ тѣ собирались поразить его, Златоустъ изъяснялъ вспыльчивой толпѣ причины такой ненависти и горячей ярости противъ него.

«Вы знаете, возлюбленные мои, какой истинный предметъ, за который хотятъ погубить меня? Это то, что я не заставлялъ разстилать предъ собою богатые и драгоценныя ковры, что я не хотѣлъ одѣваться въ одежды, шитыя золотомъ и шелкомъ, что я не очень любилъ удовлетворять чувственности этихъ людей. Меня преслѣдуютъ не изъ за богатства и не потому, что я совершилъ какое нибудь преступленіе. Если бы было такъ, то я долженъ бы приходиться отъ этого въ смущеніе. Меня преслѣдуютъ потому, что я люблю васъ».

«Еще живо потомство Іезавели. Еще Иродіада бѣснуется. Она пляшетъ, она требуетъ головы Іоанна».

«Все стремится къ *несчастію*».

Эти послѣднія слова, кажуціяся неопредѣленными, имѣли очень ясное значеніе. Онѣ заключали несчастную игру словъ, которую толпа хватала съ жадностію. Извѣстно, что императрица называлась Евдоксією. Златоустъ сказалъ: *πάτα ἐκ ἀδοξίας ἐκτρέχει*. Оригинальный оборотъ, чтобы сдѣлать колкость.

Что значилъ соборъ противъ человѣка, которому покровительствовало цѣлое народонаселеніе великаго города,—противъ человѣка, высшаго по достоинству всѣхъ своихъ судей, и отказавшагося признавать авторитетъ, какой они приписывали себѣ? Они имѣли опору въ свѣтской власти. Императоръ, побуждаемый Евдоксією, вступилъ въ этотъ союзъ. Ему суждено

было нанести послѣдній ударъ и поразить общаго врага. Златоустъ получилъ отъ Аркадія повелѣніе явиться. Но архіепископъ не признавалъ за Аркадіемъ права издавать такой указъ. Въ своей бесѣдѣ на дарѣ Озію, который за то, что коснулся привилегій первосвященника, былъ пораженъ проказою, онъ говорилъ :

«Священство есть царство болѣе почтенное и болѣе высшее, чѣмъ царство монарховъ».

«Богъ преклоняетъ голову царей подъ руку священниковъ, чтобы научить насъ, что власть священническая выше власти царской. Ибо тотъ низшій, кто получаетъ отъ другаго благословеніе».

Онъ презрѣлъ такимъ образомъ приказаніе императора. Онъ «отъ одного Бога принялъ свою церковь: одинъ Богъ могъ и изгнать его изъ нея.» Къ несчастію, эта настойчивая душа, оскорбленная несправедливостію, не могла сдержатъ негодованія, которое она посила въ себѣ. Соборъ попросилъ императора «изгнать Іоанна, какъ виновнаго въ оскорбленіи величества». Это значило предоставить его всѣмъ строгостямъ этого страннаго, императорскаго правосудія, которое безсилно было судить даже самаго Евтропія и только съумѣло приказать умертвить его. Онъ получаетъ рѣшеніе о своемъ изгнаніи. Онъ видитъ, откуда идетъ этотъ ударъ: это ненависть императрицы поражасть его. Гнѣвъ, презрѣніе къ этой мести, которая такъ долго была скрывается, чтобы печально обрушиться въ тяжкіе дни испытанія, негодованіе честнаго сердца, возмущеннаго вѣроломствомъ, выражаются въ горячихъ и страстныхъ словахъ:

«Эта плотская женщина нападаетъ на духъ. Она предается наслажденіямъ башъ и благоволий; она обнимается съ своимъ мужемъ, она ведетъ войну съ церковью чистою и непорочною. Но вскорѣ она останется одинокою, вдовою, безъ мужа: потому что ты женщина хочешь церковь сдѣлать вдовою. Вчера ты

называла меня тринадцатымъ апостоломъ, иишь величаше Иудею. Вчера не боялась сидѣть со мною: а нынѣ, какъ дѣла звѣрь, бросаешься на меня. Но скорѣе погаснетъ солнце и перестанетъ свѣтить луна, чѣмъ мы можемъ забыть слова Іова. Іовъ послѣ столькихъ бѣдствій, взымавшій постоянно: *«Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка»*, когда жена говорила ему: *рече нѣкій глупецъ ко Господу и умри*, онъ порицая ея, отвѣчалъ: *зачѣмъ говоришь ты какъ одна изъ безумныхъ женъ?* О, жена неблагогодная, о, раба зла! Когда бы ты подверглась страданіямъ: неужели бы Іовъ сказалъ тебѣ подобныя слова. Не сталъ ли бы онъ вращать тебя молитвами и заботами? Когда онъ жилъ въ домѣ, былъ могущественъ, имѣлъ рабовъ, какъ царь, ты не говорила ему такъ: а теперь, когда видишь его сидящимъ на гноищѣ, снѣдаемымъ червями, ты осмѣливаешься говорить ему: *рече нѣкій глупецъ ко Господу и умри*. Ты не довольствуешься земными его муками: ты хочешь исторгнуть у него богохуленіе, которое причинить ему вѣчную муку. Но что отвѣчаетъ блаженный Іовъ? *Зачѣмъ ты говоришь, какъ одна изъ безумныхъ женъ?* Ты получила благо изъ руцъ Божіихъ: отречешься ли переносить страданія? Но чего хочетъ эта жена несправедливая, нечестивая, эта новая Іезавель? Она отправляетъ за мною консуловъ, трибуновъ: она угрожаетъ. Пауль излететь паутины».

Цовѣніе историкъ и издатели твореній Златоуста представляютъ его самымъ кроткимъ человѣкомъ. Идеаль мученика быть предъ ихъ глазами; они видѣли исповѣдниковъ первыхъ вѣковъ христіанства, которые сохраняли свѣтлый и кроткій видъ среди страданій, которые на аренѣ молились за своихъ палачей: подъ вліяніемъ усиленнаго воображенія или возбужденнаго благочестія они приписываютъ архіепископу эти страдательныя добродѣтели, — эту непереченную преданность первыхъ христіанъ, умиравшихъ за свою вѣру. Эти историкъ имѣли въ

двоемъ умѣ типъ преслѣдуемаго христіанина; и по этому типу они рисовали портреты лицъ и характеровъ самыхъ сильныхъ и энергическихъ. Златоустъ небылъ образцемъ кротости и терпѣнія. Противорѣчія и несправедливости вовлекали его, живаго и раздражительнаго, во все излишніи настойчивости. Слова, приведенныя нами, свойственны челоѣку неумѣющему владѣть собой. Несвязность въ мысляхъ, въ самыхъ нападкахъ, бесплодное усиліе самоотреченія, горячее воззваніе къ примѣру Іова, которому онъ не можетъ подражать въ его святомъ терпѣніи, гнѣвъ, презрѣніе, негодованіе— это образъ души, надъ которою разумъ потерялъ всякую власть. Удалимъ же отъ него это ясное и хладнобровное величіе, котораго онъ не имѣлъ никогда. Положимъ, что онъ былъ таковъ. Какъ объяснить ту неистребимую ненависть, которую онъ возбудилъ, ту крѣпкую любовь, тотъ фанатизмъ, предметомъ которыхъ былъ онъ? Характеры холодные и умѣренные невозбуждаютъ такихъ сильныхъ страстей. Когда мое воображеніе переносится въ тѣ бурныя времена, я вижу съ одной стороны Теофила дворъ и епископовъ, ожесточенныхъ противъ челоѣка, слишкомъ сознающаго свое достоинство для того, чтобы преклониться предъ императоромъ, челоѣка слишкомъ строгой добродѣтели, для того, чтобы принять преимущество своего сана, не исполняя его обязанностей; съ другой стороны, я вижу безчисленный народъ, или лучше, беспорядочную толпу, въ отношеніи къ которой архіепископъ объявляетъ себя другомъ, покровителемъ, нуждамъ которой онъ удовлетворяетъ, а склонностямъ льстить: эта толпа, тѣсно группировавшаяся около него съ тѣхъ поръ, какъ начали угрожать ему, крѣпко соединившаяся съ нимъ противъ двора, противъ партіи духовенства, возбужденная имъ, окрѣпшая въ презрѣніи и ненависти, которая питали въ то время низшіе классы общества къ тиранамъ и притѣснителямъ: это открытая война, гдѣ все страшно раздражены и гдѣ льется кровь. Картина не-

возмутимаго характера Златоуста, начертанная Палладіемъ мнѣ кажется граціозною и трогательною фантазією, похожею на воспоминаніе Федона. Таковъ былъ Собратъ, но не таковы могъ быть архіепископъ константинопольскій.

«Насъ—сорокъ епископовъ засѣдало съ Іоанномъ въ залѣ его епископскаго дома: и мы удивлялись, какъ Ософанъ, обзаванный идти одинъ для отвѣта въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ, могъ привлечь на свою сторону такое значительное число епископовъ, умѣлъ измѣнить чувства императора и правительства и развратить множество духовныхъ. Когда мы бесѣдовали, Іоаннъ, вдохновенный Духомъ Святымъ, вдругъ сказалъ эти удивившія насъ слова: «молитесь Богу, братія мои, и если вы любите Іисуса Христа, пусть изъ васъ никто изъ за меня не оставляетъ своей церкви: ибо, какъ связать св. Павель, скоро буду закланъ и время отшествія моего настаетъ. Я предвижу, что подвергнусь многимъ страданіямъ и потому умру претерпѣвши тысячи мученій. Ибо я знаю козни сатаны, и вижу, что онъ не хочетъ болѣе терпѣть, чтобы я каждаго дня объявлялъ ему войну своими бесѣдами. Если вы хотите оказать мнѣ вашу любовь и состраданіе, то вы лучше всего поступите, когда только будете воспоминаать меня въ своихъ молитвахъ». Эта бесѣда повергла насъ въ самую глубокую печаль; одни проливали потоки слезъ, другіе выходили изъ собора, лобызали его глаза, его священную голову и его сладкія и драгоценныя уста: и никто изъ насъ не могъ остановить своихъ рыданій и удержать своихъ вздоховъ. Но, убѣдивши насъ снова возвратиться на свои кресла и разсуждая о насъ какъ о пчелахъ, которыя летаютъ и тамъ и сямъ, производя шумъ около своихъ ульевъ, онъ сказалъ: «сядьте бр. мои, и не плачьте, чтобы не увеличилась моя скорбь и мое волненіе. Ибо отнынѣ І. Христосъ есть моя жизнь, а смерть — приобрѣтеніе». Онъ говорилъ это по причинѣ молвы, распространившейся повсюду, что ему о

сбькутъ голову за его великое мужество и непоколебимую твердость. «Вспомните, что я постоянно говорилъ вамъ, именно: что эта жизнь не болѣе, какъ только непродолжительное странствованіе и что печаль и радость, встрѣчающіяся здѣсь, скоропреходящи. Все что мы видимъ, можно сравнить съ базаромъ, гдѣ мы продаемъ и покупаемъ: и здѣсь мы живемъ почти въ гостинницѣ. Неужели мы лучше патріарховъ и достойнѣе пророковъ и апостоловъ, что мы будемъ пользоваться здѣсь безсмертною и вѣчною жизнью? При этихъ словахъ нѣкто отвѣчалъ со вздохомъ: «мы скорбимъ о собственныхъ несчастіяхъ. Мы оплакиваемъ нашу собственную потерю: потому что ты оставляешь насъ сиротами. Мы оплакиваемъ вдовство Церкви, неустройство законовъ, честолюбіе тѣхъ, которые не имѣютъ страха Божія и вмѣшиваются по преступному усердію въ управленіе церкви; мы жалѣемъ о бѣдныхъ, которые теряютъ теперь свою опору и жалѣемъ о проповѣдникѣ, котораго не будемъ слышать». Слушая эти слова и ударяя нѣсколько разъ пальцами пальцевъ правой руки, по лѣвой рукѣ, какъ этотъ человекъ Божій всегда обыкновенно дѣлалъ, когда духъ его былъ въ сильномъ безпокойствѣ, онъ сказалъ: «довольно, братъ мой: не говори болѣе. Но, какъ я вамъ сказалъ, не оставляйте своихъ церквей; ибо Церковь І. Христа не со мною началась, не со мною и кончится. Не умеръ ли Мойсей и не занялъ ли его мѣсто тотъ часъ І. Навинъ? Не умеръ ли Самуилъ, и Давидъ не получилъ ли царскаго помазанія? Послѣ того, какъ Ілія вознесенъ былъ на небо, Елисей не пророчествовалъ ли вмѣсто его? Когда отсѣкли голову св. Павлу, не оставилъ ли онъ по себѣ Тита, Тимофея, Аполлоса и множество другихъ учениковъ?» На эти слова Елисей, епископъ анамейскій въ Вифаніи отвѣчалъ такъ: «безъ сомнѣнія, если мы возвратимся къ нашимъ церквамъ, насъ принудятъ войти въ общеніе съ твоими врагами и подписать твое обвиненіе». На это Златоустъ

отвѣчалъ такъ: «входите съ нами въ общеніе, чтобы не прои-
вестъ раздѣленія Церкви, но остерегайтесь подписываться: нѣ-
я ничего не сдѣлать, за чтобы меня нужно было свергнуть и
лишить кафедръ». ¹⁾

5. Онъ былъ изгнанъ, но покорился ли? Народъ всегда
готовъ былъ защищать и поддерживать его на кафедрѣ. Три
дня ждетъ онъ отмѣненія приговора. Оно не состоялось; онъ
оставилъ городъ. Его враги вошли въ него съ такимъ шумомъ,
точно солдаты въ мѣсто, взятое ими штурмомъ. Они проникли
въ церковь. Северіанъ Габальскій имѣлъ дерзость взойти на
кафедру, которая должна быть священной для всѣхъ, и сказала
народу, что *Иоаннъ не имѣлъ ни какого преступленія, кромѣ*
гордости. Этого достаточно для оправданія его низверженія.
Ибо Богъ все прощаетъ, кромѣ гордости. Несчастный ораторъ
былъ прерванъ криками и шумомъ народа, который устремился
изъ церкви, и раздраженный побѣжалъ къ Аргадію требовать
возвращенія своего пастыря. Угрожающіе крики раздавались
вокругъ дворца. Императоръ и императрица оледенѣли отъ ужаса.
Златоустъ, котораго они изгнали, сдѣлался могущественнѣе ихъ.
Между тѣмъ, какъ они дрожали отъ страха, землетрясеніе ко-
леблетъ городъ. Нѣтъ болѣе сомнѣнія: самъ Богъ осуждаетъ
несправедливый приговоръ, произнесенный на архіепископа.
Сознаніе своего безсилія, угрызеніе совѣсти, ужасъ потрясаютъ
слабое сердце Аргадія. Крики народа приводятъ его въ тре-
петъ; голосъ Божій, который онъ думаетъ слышать въ земле-
трясеніи, устрашаетъ его такъ, что онъ совершенно теряется.
Евдоксія, еще болѣе устрешенная, какъ виновница всего, за-
ставляетъ отмѣнить приговоръ объ изгнаніи. Между тѣмъ, какъ
посылаются послы за послами, чтобы возвратить изгнанника,

¹⁾ Pallad. Dial. de vita Chrysost.

она сама пишетъ къ нему униженное и покорное письмо, въ которомъ защищается предъ нимъ безъ всякаго достоинства и откровенности: «покорѣйше прошу Ваше Святѣйшество не вѣрить, будто я принимала какое нибудь участіе въ томъ, что произошло. Я невинна въ вашей крови. Это злые и развратные люди составили заговоръ. Я призываю въ свидѣтели Бога, свидѣтеля моихъ слезъ, которая я приношу Ему».

Возвращеніе Златоуста было торжествомъ. Множество судовъ покрывало Босфоръ, и безчисленная толпа сопровождала его съ горящими свѣчами. Городъ оглашаемъ былъ пѣснями во славу изгнанника; его умоляли взойти на кафедру и сказать привѣтственную рѣчь народу, такъ вѣрному и такъ преданному ему. Недоумѣніе или излишняя совѣстливость останавливаютъ его. Онъ былъ свергнутъ и, по каноническимъ правиламъ, могъ снова отправлять прежнія должности не иначе, какъ по возведеніи его на кафедру соборомъ многочислѣннѣйшимъ перваго. Онъ проситъ императора созвать такой соборъ. Но эта отсрочка выводитъ народъ изъ терпѣнія. Онъ объясняетъ ее недоброжелательствомъ двора: онъ опять начинаетъ роптать противъ Аркадія и Евдоксія. Златоустъ принужденъ былъ войти въ Константинополь, чтобы прекратить возмущеніе и защитить величіе императора. Онъ снова такимъ образомъ вступаетъ въ свои права: преподаетъ благословеніе вѣрующимъ, восходитъ на ту кафедру, съ которой оглашена была анаѣема противъ его гордости, и поздравляетъ народъ съ преданностію къ церкви, которую преслѣдовали въ лицѣ его. Изъ враговъ Златоуста одни обратились въ бѣгство, какъ Северіанъ Габальскій и Теофілъ. Послѣдняго разъяренный народъ хотѣлъ было бросить въ море. Другіе же, какъ Аркадій, Евдоксія, графъ Іоаннъ, дворъ были во власти архіепископа, трепетали, просили милости и покровительства. Златоустъ не успѣлъ противостоятъ опьяненію побѣды, столь блестящей и столь неожиданной. Онъ

напалъ на Теофила. Опъ сравнивалъ его съ египетскимъ Фараономъ, который покушался на цѣломудріе Сары. Сара— это константинопольская церковь, которую онъ пытался отнять у ея Авраама. Наконецъ, императрица Евдовсія удостоилась не анаѳемъ, а похвалы, которая, по ея преувеличенному тону, дѣлалась невыносимымъ оскорбленіемъ. Эта Продиада, эта Евзавель была называема великолѣпными ижепами: «матерью церквей, питательницею пустынниковъ, покровительницею святыхъ, опорой бѣдныхъ». Этому народу, предъ которымъ должно было смириться императорское величіе, Златоустъ раскрываетъ униженіе государыни и женщины, предъ этою толпою, еще неоставшею отъ возмущенія, онъ читаетъ неловкое извиненіе, натянутые комплименты, которые вынуждены были страхомъ у врага непримиримаго, но обезоруженнаго.

«Мое желаніе исполнилось. Я успѣла сдѣлать дѣло, котораго такъ сильно желала. Я смотрю на это, какъ на вѣнецъ, который для меня драгоцѣннѣе мой діадемы. Я иду загладить уронъ, который я допустила. Я возвратила голову тѣлу, кормчаго его судну, пастыря своимъ овцамъ, жениха церкви константинопольской брачному ложу его невѣсты. Прелюбодѣи покрылись стыдомъ. Послѣ этого, я могу теперь спокойно пожить и умереть».

Эти торжественныя увѣренія, какъ справедливо замѣчаютъ, не были искренни. Пораженная гордость рѣдко прощаетъ: причины ненависти оставались. Торжество Златоуста не сдѣлало его характера болѣе мягкимъ и снисходительнымъ. Пораженіе Евдоксіи, униженіе слѣдовавшее за нимъ раздражили въ ней прежнія чувства. Недоставало только предлога, чтобы начать снова борьбу. Его не долго нужно было ожидать.

Серебряная статуя императрицы была поставлена на площади Константинополя въ сосѣдствѣ съ церковью. Открытіе этой статуи сопровождалось публичными увеселеніями, играми

и танцами фигуровъ. Это языческое торжество было слишкомъ шумно. Народные крики достигали самой церкви и препятствовали отпращиванію Божественной службы. Златоустъ пришелъ въ негодованіе. Онъ рѣзко порицалъ въ своей бесѣдѣ эти церемоніи, замѣтовавшія у язычниковъ, и безпорядокъ, ихъ сопровождающій. Бесѣда, которую онъ произнесъ по этому случаю, не дошла до пастъ. Очень вѣроятно, что онъ не пощадилъ въ ней и императрицу. До чего же онъ простеръ свободу своего суда? Ограничился ли онъ осужденіемъ языческихъ церемоній, бывшихъ при поставленіи статуй, и порицаніемъ тѣхъ, кто принималъ въ нихъ участіе? Такая сдержанность была не по его характеру. И, сверхъ того, снисходительный къ народу, онъ очень хорошо зналъ, что праздная толпа съ радостію сбѣгалась на публичныя увеселенія. Но кто воздвигъ эту статую, кто далъ эти забавы? Очевидно, сама императрица, или же раболѣпная толпа придворныхъ льстецовъ, которые изнуряли народъ для того, чтобы имѣть средство выражать свою лѣсть. Одна только Евдоксія такимъ образомъ была виновна въ случившемся соблазнѣ. Онъ долженъ былъ сдѣлать ей горькіе упреки. Предположеніе не имѣеть ничего невѣроятнаго. Сколько разъ Златоустъ приписывалъ богатымъ и знатнымъ несчастіе и развращеніе бѣдныхъ! Не приписывалъ ли онъ ихъ порокъ землетрясенія, которое грозило разрушить всю Антихію подъ ея развалинами, и въ тоже время не относилъ ли къ бѣднымъ славу отвращенія этого наказанія?

«Если спрашивали у кого либо, что вызвало землетрясеніе, то онъ прямо признавался, что это были грѣхи, корыстолюбіе, обида, несправедливость, нарушеніе законъ, гордость, сладострастіе, ложь, но чьи? Богатыхъ! Если спрашивали на оборотъ, кто спасъ городъ, то отвѣчали, что это псалмодія, молитвы, но чьи? Бѣдныхъ!»

Очень вѣроятно, что Златоустъ сложилъ всю отвѣтствен-

ность въ этомъ дѣлѣ на Евдоксію, и даже преувеличилъ ее. Вражда началась снова: и въ ней было больше жара и больше искусства. На этотъ разъ императрица пригласила къ своей мести духовенство, очень хорошо зная, что ея ненависть встрѣтитъ сочувствіе въ тѣхъ епископахъ, которымъ непрестанно угрожала непреклонная суровость ихъ начальника. Заговоръ возобновился. Левъ Анкирскій и Акакій Верейскій прибыли въ Константинополь и начали дѣло. Теофилъ находился въ это время въ Александріи. Это былъ сильный помощникъ, предпріимчивый и искусный вождь. Оба епископы приглашали его. Вотъ письмо ихъ къ нему, замѣчательное по своему лаговизму: «или идите еще разъ быть нашимъ вождемъ противъ Іоанна, или если вы опасаетесь народа, то уважьте намъ надежное средство, чтобы начать это предпріятіе».

Теофилъ не пришелъ. Онъ боялся народа, уже разъ сбравшагося бросить его въ море. Но тѣмъ не менѣе онъ былъ душею новаго заговора: онъ послалъ въ Константинополь трехъ епископовъ, пользовавшихся довѣренностію у двора съ своими инструкціями. Но такъ, какъ врагамъ Златоуста казалось невозможнымъ облечить его въ преступленія, возводимыхъ на него, то они начали на него съ другой стороны. Правило собора, бывшаго въ Антиохіи въ 341 г., и составленнаго партією аріанскою, запрещало всякому сверженному епископу возходить на свою кафедру прежде, нежели онъ оправдается предъ соборомъ и будетъ имъ уполномоченъ снова войти въ свои права¹⁾. Этимъ правиломъ Аріане особенно хотѣли отнять у Аеанасія, часто низлагаемаго и возстановляемаго, всякую надежду на

¹⁾ Текстъ этого канона довольно замѣчательный. Онъ освящаетъ наследіе: если епископъ, или священникъ, бывъ несправедливо или по закону низверженъ, самъ возвратится къ церкви прежде возстановленія его соборомъ, то онъ лишается всякаго права быть когда либо допущенъ къ какому бы то ни было оправданію (Сокр. кн. V, гл. 18; Зосим. кн. VIII, гл. 20 и Палад. гл. 78).

свое восстановление. Нужно припомнить, что нетерпѣніе народа не дозволило Златоусту ядаты соборнаго уничтоженія приговора о своемъ низверженіи. Такимъ образомъ новый союзъ противъ Златоуста не могъ найти другаго преступленія, кромѣ того, которое мы нынѣ называемъ забвеніемъ формальностей. Ибо очевидно, что ему, послѣ своего возвращенія, весьма легко было, по причинѣ ужаса, которымъ объяти были его враги, заставить отмѣнить рѣшеніе собора, и безъ того уже отвергнутое народнымъ мнѣніемъ. И такъ онъ обвиненъ былъ въ томъ, что онъ взомель на кафедру безъ законнаго дозволенія и постановленія. Но на этотъ разъ не было недостатка въ защитникахъ. Сороръ епископовъ объявили, что правила собора, бывшаго въ Антиохіи, держаннаго аріанами, не имѣютъ никакой силы. Палладій даже утверждаетъ, что онъ отмѣнены были соборомъ сардинійскимъ. Елвидій, епископъ лаодикійскій предложилъ врагамъ Златоуста подписать, что они раздѣляютъ вѣру тѣхъ, кто составилъ правила, т. е. аріанъ. Они медлили и колебались. Наконецъ, уставши ссылаться на церковныя законы, которые служили въ обвиненію ихъ и въ прославленію Златоуста, они обратились за помощію къ свѣтлой власти. Аргадій, возбуждаемый ими и Евдоксею, отказался идти въ церковь, въ день Рождества Христова и объявилъ Златоусту, чтобы онъ не имѣлъ съ нимъ общенія до тѣхъ поръ, пока не оправдается.

Между тѣмъ Златоустъ спокойно исполнялъ обязанности своего званія. Онъ проповѣдывалъ, совершалъ Богослуженіе, облегчалъ, по обычаю, участь бѣдныхъ. Особенно онъ возбуждалъ мужество епископовъ, которые остались ему вѣрными, и народъ, въ которомъ онъ не сомнѣвался. Онъ порицалъ удалившихся отъ его партіи: въ особенности его строгій судъ порицалъ женщинъ, которыя вошедши въ союзъ и желая мести, поддерживали и довели наконецъ до крайности и безъ того

уже сильную противъ него ненависть. Девять мѣсяцевъ жилъ онъ какъ полководецъ, расположившійся станомъ въ виду врага. Наконецъ, востомъ 404 года, императоръ, упрощенный Антиохомъ Птолемаидскимъ и Акакіемъ Вереискимъ, которые представили ему, что пвлженный архіепископъ не можетъ безъ преступленія совершить великій праздникъ Пасхи, послалъ приказаніе объ изгнаніи его. Известенъ по этому случаю отвѣтъ архіепископа: «я отъ одного Бога получилъ свою Церковь: одинъ Богъ можетъ и изгнать меня изъ нея». И за тѣмъ, онъ присовокупилъ, что народъ противится изгнанію своего епископа и что нужно поэтому употребить насиліе, чтобы отнять его у своей церкви. Аркадій не знаетъ, что дѣлать противъ такого сопротивленія. Быть можетъ, онъ даже уступилъ бы: ибо эта робкая душа не способна была къ энергическому рѣшенію. Но епископы Северіанъ, Левъ, Акакій заставили его стыдиться своей нерѣшительности и *объявили, что они берутъ на свою голову сверженіе Іоанна*. Златоусту запрещено входить въ церковь. Значительная толпа народа собралась тамъ для полученія крещенія. Вооруженные солдаты разгоняютъ ее. Священники, оставшіеся вѣрными Златоусту, собираютъ народъ въ теплицахъ Константина. Епископы заставляютъ дать приказаніе военному командиру разсѣять этихъ упорныхъ христіанъ. Онъ не хочетъ повиноваться. Они адресуются къ язычнику Люцію и просятъ его изгнать народъ изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ будетъ собираться. Такія приказанія, обѣщанія, золото заставляютъ его рѣшиться. Съ четырьмястами еракійскихъ солдатъ онъ проникаетъ ночью въ теплицы, поражаетъ священниковъ, поражаетъ полунагихъ жепцинтъ, приготовившихся принять крещеніе, осверняетъ священные сосуды, въ которыхъ жертвенная кровь была смѣшена съ водою для крещенія: всюду производитъ смущеніе и безпорядокъ. Солдаты были руководимы въ этой экспедиціи тремя епископами; такимъ-то образомъ они

совершали праздникъ Пасхи. Въ это же время хватали священниковъ, не хотѣвшихъ отстать отъ Іоанна и сажали въ темницы. Но это наглое преслѣдованіе не отнимаетъ у Златоуста приверженцевъ. Народъ оставляетъ городъ и бѣжитъ въ поле. За нимъ гонятся солдаты, получившіе приказаніе разсѣять его и убивать всюду тѣхъ, которыхъ начали называть *Іоаннитамы*.

Между тѣмъ, Златоустъ заключенъ былъ въ своемъ епископскомъ домѣ и не могъ выйти изъ него. Онъ не былъ свидѣтелемъ тѣхъ насилій, которыя произведены были его противниками надъ его приверженцами. Его самого два раза покушались убить: и его убійцы не были наказаны. Въ это время народъ составлялъ стражу около дома архіепископа. Пятьдесятъ дней прошло такимъ образомъ. Ни приказанія императора, ни производимыя жестокости, ни страхъ убійства не могли принудить Златоуста оставить страдавшихъ за него. Онъ разсчитывалъ при этомъ на возвращеніе правосудія и трусость Аркадія. Но этотъ былъ окруженъ врагами епископа. Доведенные до крайности упорствомъ Златоуста, они говорятъ императору, котораго авторитетъ давно уже не имѣлъ никакого значенія, эти странныя рѣчи:

«Государь! Ты данъ намъ отъ Бога, какъ императоръ, который, не завися ни отъ кого, долженъ управлять всѣми. Въ твоей власти дѣлать все, что хочешь. Не хлопочи усердно о томъ, чтобы быть вротчимъ болѣе священника, святымъ болѣе епископа. Мы сказали тебѣ предъ лицомъ всего міра, что мы охотно беремъ на свои головы сверженіе Іоанна и всѣ послѣдствія его осужденія. Итакъ не думай же прощать одного, чтобы погубить всѣхъ насъ».

Совѣсть императора была успокоена. Онъ написалъ Златоусту:

«Агакій, Антиохъ, Северіанъ и Кириллъ взяли на свою

голову твое осужденіе. Не медли же болѣе поручить себя Богу и оставить Церковь».

Это былъ послѣдній ударъ. Архіепископъ еще надѣялся ослабить ненависть враговъ или устрашить ихъ сопротивленіемъ народа. Онъ зналъ Аркадія, зналъ слабость и нерѣшительность его характера. Можетъ быть, посредствомъ епископовъ, вѣрныхъ ему, или выраженіе недовольства толпы произведутъ перемѣну въ мысляхъ императора. Вѣдь была же отмѣнена первая мысль объ изгнаніи. Но ненависть епископовъ не допустила Аркадія до милости и трусости. Она же запретила ему быть справедливымъ: и народъ, устрашенный безъ сомнѣнія прибытіемъ еракійскихъ солдатъ, ограничивался одними пустыми кривыми и не защитилъ какъ прежде своего архіепископа. Послѣ десяти-мѣсячнаго сопротивленія Златоустъ не хотѣлъ продолжать борьбы, сдѣлавшейся неравною, и допустить обречься преслѣдованію на его друзей. Онъ удалился. Въ это же время намѣревались употребить насиліе, чтобы принудить его къ этому. Онъ простился съ епископами своей партіи, съ святыми женами Олимпіадою, Пентадіею и Проклою и щадя народъ, который стоялъ на стражѣ, готовый сопротивляться его выходу, онъ тайкомъ вышелъ изъ своего дома, и отдался въ руки тѣхъ, которые должны были вести его.

Лишь только узнали о его бѣгствѣ, огонь охватилъ церковь и сенатъ. Оба зданія были истреблены. Зосима и Сократъ не задумываются обвинять въ этомъ пожарѣ Иоаннитовъ. Эти же, напротивъ, обвиняютъ своихъ враговъ, которые будто имѣли намѣреніе сжечь ихъ самихъ. Палладій видитъ здѣсь чудо. Какъ бы то ни было, но волненіе, произведенное пожаромъ, заставило на время забыть Златоуста, а когда прекратилось оно, Златоустъ уже былъ далеко отъ Константинополя, котораго по сѣбъ онъ никогда не долженъ былъ видѣть.

Я не буду рассказывать о тѣхъ преслѣдованіяхъ какими подверглись приверженцы и друзья Златоуста, послѣ его ссылки. Подробности о нихъ можно читать у Палладія, Созомена и въ корреспонденціи самаго изгнанника. Онѣ производились съ великою жестокостію. Долгая борьба воспламенила страсти. Раздраженная несправедливость побѣдителей требовала себѣ мщны. Война гражданская, соединившись съ войною религіозною, уже оканчивалась. Упорство было одинаково съ той и другой стороны. Нельзя было ожидать ни великодушія, ни состраданія отъ разгоряченныхъ противниковъ. Нужно сожалѣть о несчастьи добродѣтельнаго человѣка, противъ котораго составили заговоръ враги безъ чести и люди безъ всякаго благородства. Но состраданіе не должно заставлять молчать о справедливости. Да! Епископы составившіе заговоръ на погибель Златоуста, императоръ и императрица, которые поврительствовали этому авторитетомъ своего имени и могуществомъ своей власти, справедливо осуждены исторіею. Этотъ святотатственный союзъ духовной власти со свѣтскою на погибель человѣка, невиннаго въ тѣхъ преступленіяхъ, какия вѣнчались ему,—былъ несправедливостію, которую ничто не могло обвинить. Съ другой стороны, эта лига между архіепископомъ и народомъ противъ двора и части духовенства,—эти проповѣди, часто демагогическія, почти всегда страстныя, эти картины пороковъ и увлеченій богачей, рисунъ которыя такъ любовался собою ораторъ, эти сатиры противъ императрицы, эти аппеляціи къ народу, эти привѣтствія ко мятежной толпѣ, это упорство, не признающее надъ собою ни суда равныхъ себѣ, ни императорской власти: всѣ эти причины достаточно изъясняютъ и роль Златоуста и ожесточенность его враговъ. Архіепископъ былъ виновенъ въ преступленіяхъ, вводимыхъ на него, но онъ имѣлъ строгія добродѣтели, тяготившія другихъ; отъ предавался увлеченіямъ не всегда оправдываемымъ. Онъ первый и съ перваго

же раза, еще не зная своего стада, раздѣлялъ его на двѣ части. Съ одной стороны, это были вельможи, богачи, начальники, въ которыхъ онъ съ удовольствіемъ видѣлъ только одни пороки; съ другой,—это бѣдные нищія, на которыхъ онъ не иначе смотрѣлъ, какъ на несчастныхъ. Въ отношеніи къ первымъ онъ былъ строгъ и неумолимъ: онъ не желалъ сидѣть за столомъ вельможъ и богатыхъ, онъ не искалъ чрезъ привѣтливую ласку и снисходительность — милости и благорасположенности двора: но его независимость была похожа на гордость и онъ не былъ чуждъ ей: его строгость казалась излишнею, какова она была и на самомъ дѣлѣ. Онъ сохранялъ всю свою кротость для однихъ несчастныхъ, лишившихся всякой надежды на улучшение своей участи. Приближаясь къ нимъ, онъ находилъ удовольствіе дѣлать добро и быть любимымъ; ему пріятно было быть вождемъ и начальникомъ: его владычественные инстинкты получали здѣсь удовлетвореніе. Любимый, возбуждающій удивленіе, постоянно слышавшій рукоплесканія отъ своихъ слушателей, страстямъ которыхъ онъ иногда умѣлъ льстить, Златоустъ нечувствительно забывалъ, что онъ долженъ быть равенъ со всѣми, что не долженъ бы раздражать и уязвлять богатыхъ и знатныхъ, но съ мягкостію пробуждать въ нихъ любовь къ бѣднымъ, которыхъ они бѣгали и презирали. А между тѣмъ, онъ успѣлъ изрыть страшную глубокую пропасть между этими двумя классами. Его великодушный и страстный характеръ постоянно держалъ сторону тѣхъ, которые страдали: и онъ имѣлъ несчастье, неизмѣримое несчастье быть можетъ, безъ своего вѣдома, сдѣлаться главою партіи. Онъ подвинулся всѣмъ слѣдствіямъ этой печальной роли. Прежде побѣдитель, потомъ побѣжденный и изгнанникъ. Если онъ унесъ въ свою ссылку то утѣшеніе, что онъ страдаетъ за правду и за то, что смѣло возставалъ противъ беззаконія, то онъ узналъ тамъ о тѣхъ жестокихъ насиліяхъ, которымъ подвергали его приверженцевъ и

онъ тогда же, быть можетъ, сожалѣлъ о томъ, что онъ, долженствовавшій быть служителемъ мира, завязалъ борьбу между христіанами, и прежде оправдывалъ излишнее ненависти, какой видѣлъ въ своихъ приверженцахъ по отношенію къ своимъ врагамъ.

Златоустъ жилъ два года послѣ своей ссылки. Сначала онъ былъ отвезенъ въ Никею въ Визоніи. Тутъ онъ узналъ о преслѣдованіи, направленномъ противъ его друзей, противъ Олимпіады, Пентадіи, тещи Евтропія, священника Тигрина, которые выносили жесточайшія мученія. Вдали отъ того города, въ которомъ управлялъ, какъ государь, изгнанникъ, блуждая изъ пустыни въ пустыню, по дикимъ странамъ, подверженному нападенію варваровъ, онъ могъ со всею горечію измѣрить величіе своего паденія. Но ничто не могло преклонить эту непреклонную душу и исторгнуть изъ ней слова упрёка и сожалѣнія. Онъ сохранилъ до послѣдняго дня надежду на возвращеніе къ народу, котораго онъ такъ любилъ. Оставляя Константинополь, онъ заклиналъ Олимпіаду, Пентадію и Проклу признать за пастыря того, кто наследуетъ ему. Какъ ни тяжело было для него это отреченіе, но онъ выдержалъ себя. На кафедрѣ архіепископа былъ возведенъ Арзакій, братъ Нектарія, старикъ 80 лѣтъ, ничтожный, какъ его рабъ, краснорѣчивый, но выраженію Палладія «какъ рыба» и возведенъ былъ потому, что не могъ обезпечить двора и духовенство, какъ по своимъ лѣтамъ, такъ и по безхарактерности. Олимпіада и Пентадія не боялись нарушить завѣщанія своего пастыря и отказались отъ общенія съ Арзакіемъ. Они желали страдать за того, кого онъ такъ нѣжно любилъ. Заключенныя въ темницу, лишеныя своихъ имуществъ, — гонимыя, они услаждали горечь сожалѣній о Златоустѣ блистательнымъ свидѣтельствомъ своей вѣрности къ нему. Всецѣлая преданность къ Златоусту заставила ихъ забыть его просьбы относительно своего преемника. Златоустъ

поздравилъ Олимпіаду съ ея твердостію, съ лишеніемъ имѣнія, съ ссылкой: онъ назвалъ Арзакія «болтуномъ» *жизненнымъ волкомъ, прелюбодѣемъ*. достигшимъ своего сана хитростію» и изъ глубины своего уединенія поддерживалъ и поощрялъ раздѣленіе между константинопольскими христіанами. Вслѣдствіе заблужденій, общихъ каждой главѣ партіи, онъ думалъ, что его низложеніе послужитъ гибелью для церкви, или, по крайней мѣрѣ, будетъ причиною раздѣленія ея. Онъ не хотѣлъ понять, что нападали только на его личность, но не на его ученіе, и что религія не имѣла непосредственной связи съ его удержаніемъ на его кафедрѣ или его надсіемъ. Не такова была судьба Аѳанасія, у котораго не было иныхъ враговъ, кромѣ враговъ вѣры. Аѳанасіи представлялъ цѣльность и твердость догматовъ, падалъ и торжествовалъ вмѣстѣ съ православіемъ. Златоустъ представлялъ только человѣка. Его дѣло, каково бы оно ни было, никакимъ образомъ не было дѣломъ церкви. Его враги не были еретиками, точно такъ, какъ онъ самъ никогда не былъ имъ. Но онъ имѣлъ предъ ними преимущество въ чистой жизни, не укоризненномъ поведеніи и независимости характера. Его нравственныя качества должны были дать ему великую власть надъ его современниками, а излишекъ его ревности, опыты слишкомъ горячей любви, неразборчивая строгость его языка разрушили то добро, которое онъ могъ бы сдѣлать, — и его паденіе было только облегченіемъ для тѣхъ, которые страдали отъ него.

Но его добродѣтели и краснорѣчіе, которыя такъ много славы оставили по себѣ на всемъ востокѣ, долгія преслѣдованія его друзей, несокрушимая привязанность, какою они сохранили къ нему, многочисленныя письма, которыя онъ не переставалъ писать то къ папѣ Иннокентію I-му, чтобы вызвать на помощь высшій авторитетъ церкви, то къ епископамъ и

монахамъ востока, выдвигаютъ его на видное мѣсто въ исторіи. Напрасно враги старались переводить его изъ однихъ мѣстъ въ болѣе отдаленнѣйшія, сначала въ Кукузъ, потомъ въ Арависъ и Цитіунтъ, наконецъ, въ Команъ: взоры всѣхъ были обращены на священнаго изгнанника: и общее состраданіе сопровождало его во всѣхъ этихъ печальныхъ путешествіяхъ, которыя долженъ былъ переносить старецъ больной и слабый. Молва о его несчастіи взволновала въ пустыняхъ такихъ людей, которые чужды были всѣхъ дѣлъ міра. Св. Ниль, бывшій прежде префектомъ Константинополя, писалъ къ Аркадію: «Ты изгналъ Іоанна, епископа константинопольскаго, величайшее свѣтило земли; ты изгналъ его безъ причины, легкомысленно, послушавъ несправедливыхъ навѣтовъ клеветниковъ—епископовъ. Лишивъ церковь учителя, который давалъ твердыя и православныя наставленія, ты не будь, по крайней мѣрѣ, безчувственъ въ своей погрѣшности». Пустынникъ отказывалъ императору въ пособіи своихъ молитвъ въ бѣдствіяхъ, которыя тогда поражали Константинополь. Въ это же время вознегодовалъ и западъ. Не напрасно Златоустъ взывалъ о помощи къ Инногенію *1-му*. Хотя верховная кафедра Рима еще не имѣла въ то время такого значенія, какое получила она со времени разрушенія римской имперіи, тѣмъ не менѣе къ престолу св. Петра имѣли почтеніе и его рѣшенія имѣли великую силу. Между тѣмъ, какъ Златоустъ просилъ Инногенія походатайствовать за него, Теофилъ и его приверженцы также старались привлечь на свою сторону перваго епископа запада. Но что могъ сдѣлать нана, такъ далекій по разстоянію и знающій о дѣлѣ только по свидѣтельству враждующихъ между собою партій. Утѣшить Златоуста, возбудить въ немъ надежду на заслуженное возстановленіе и, для достиженія этого дѣла, предложить соборъ: вотъ что могъ сдѣлать Инногенцій. Онъ это и сдѣлалъ. Гонорій самъ написалъ къ своему брату Аркадію письмо, полное упрековъ, въ которыхъ

опъ сильно осуждалъ преслѣдованія, направленные противъ друзей архіепископа, и изгнаніе его самаго.

Онъ просилъ Аркадія собрать епископовъ и поправить сдѣланную несправедливость. Но отправленныхъ папою епископовъ къ Аркадію не только не допустили на лицо къ Аркадію, но даже ихъ оскорбили, отняли у нихъ письма и возвратили ихъ безъ отвѣта. Слѣшкомъ много было лицъ, заинтересованныхъ въ ссылкѣ Златоуста, послѣ которой его не стало. Удаленіе добуцливаго судьи и челоуѣка, который былъ въ Константинополѣ сильнѣе императора, строгаго и энергическаго реформатора, было радостію и успокоеніемъ для двора и развращенной части духовенства, соединеніе которыхъ теперь совершилось уже безпрепятственно. Напрасно епископы—друзья Иоанпа умоляли папу созвать соборъ, напрасно и этотъ съ своей стороны обнаруживалъ къ этому дѣлу самую искреннюю готовность; всѣ настоятельныя требованія должны были исчезнуть предъ перасположенностію Аркадія къ этому дѣлу и всеобщей апатіею восточнаго духовенства. Епископы начали уже находить удовольствіе въ зависимости отъ императорской власти: многіе изъ нихъ подверглись бы безчестію, если бы произведено было строгое сѣдствіе, другіе же не хотѣли обазывать усердія къ исправленію такой несправедливости, въ которой они не были виновны. Прошло восемнадцать мѣсяцевъ въ однихъ пустыхъ переговорахъ безъ всякаго результата. Арсакій умеръ. Атика сдѣлала его преемникомъ. Онъ возобновилъ противъ приверженцевъ Златоуста, отказавшихся вступить въ общеніе съ нимъ, какъ получившимъ свой санъ хитростію, тѣ варварскія рѣшенія, которыя дѣлалъ Аркадій въ первое время преслѣдованія ихъ. Конфискаціи, темницы были нагазаніемъ для упрямыхъ друзей изгнанника.

Эти жестокости подвергли унынью даже самыхъ твердыхъ. Блаудая подобно своему учителю, преслѣдуемые изъ убѣжища въ

убѣжище, они сохраняли къ изгнаннику ненарушимую, но цѣлую преданность. Что значила ихъ преданность предъ партіею, покровительствуемою императоромъ и служившею немилосерднымъ агентомъ грубаго деспотизма? Они молчали, они ожидали. Одно только время и молчаніе могли ослабить эту жестокою ненависть и снова открыть изгнаннику путь въ Константинополь. Эта ненависть была личная: она не иначе и уничтожается, какъ вмѣстѣ съ лицами. Во враждѣ противъ Златоуста, Евдоксія, внесшая въ нее столько ненависти и энергии, вполне чувствовала состояніе женщины оскорбленной, но могущественной. Она умерла первая, за два года до смерти Златоуста. Аргадій пережилъ епископа только семью мѣсяцами (408 г.). Кириль Халкидонскій умеръ прежде его; Оеофиль, самый неуспѣшнѣе и ожесточеннѣе изъ враговъ Златоуста, умеръ въ 412 г.

Златоустъ, утомленный страданіями и столько же, безъ сомнѣнія, безплоднымъ ожиданіемъ возвращенія, которое онъ получалъ только по смерти, умеръ, среди печальной обстановки, въ Команахъ, ничтожномъ мѣстечкѣ Понта. Не долго до смерти, было получено изъ Константинополя приказаніе перевезти его въ Нигиунтъ. Не смотря на слабость старца, солдаты принудили его въ знойный полдень выступить въ походъ. На пути онъ усталъ отъ усталости. Наступила ночь. Когда онъ спалъ, св. Василискъ, епископъ команскій, замученный на этомъ самомъ мѣстѣ при Максимѣ въ 302 году, явился ему и сказалъ: «мужайся, братъ мой Іоаннъ; завтра будемъ вмѣстѣ». Назавтра Златоустъ облекся въ бѣлую одежду, приобщился св. Таинъ, помолился вмѣстѣ съ тѣми, которые присутствовали тутъ, и произнесши эти слова: «да будетъ Богъ благословенъ во всемъ», протянулъ ноги, сказалъ послѣднее «аминь» и испустилъ духъ—сентября 407 года.

Когда его смерть сдѣлалась извѣстною его ожесточеннымъ врагамъ, справедливость взяла свои права. Память объ

архіепископѣ снова воскресла на востокѣ. Одинъ только епископъ осмѣлился противиться законному, но напрасному возстановленію его чести. Это былъ Кириллъ, племянникъ и преемникъ Θεофила. Но народу константинопольскому не довольно было того, чтобы его пастырь былъ возстановленъ въ спискѣ епископовъ, это бѣдное и слишкомъ жалкое удовлетвореніе, чтобы быть довольнымъ. Что за важность, что имя Златоуста было бы написано на мраморной доскѣ вмѣстѣ съ именами Нестарія и Арзакія? Златоустъ самъ долженъ былъ войти въ Константинополь и навсегда занять тамъ мѣсто въ церкви, изъ которой его насильно удалили. Св. Прокль, четвертый его преемникъ повелѣлъ перенести тѣло изгнанника въ самый городъ. Лишь только достигло оно Халседона, море покрылось судами; необыкновенное множество народа съ факелами сопровождало поѣздъ. Такъ точно былъ принятъ Златоустъ послѣ перваго изгнанія толпою, опьянѣвшею при видѣ его отъ восторга и радости. Какъ бы въ воспоминаніе недостающихъ почестей для того, кого уже не было, такое позднее возвращеніе (438) было еще разъ новою побѣдою народнаго оратора. Народъ видѣлъ, какъ младшій Θεодосій, сынъ Аркадія и Евдоксіи, устремлялъ свое лице и глаза на раку святаго, молилъ его за своего отца и мать, — и просилъ забыть грѣхи, какіе они сдѣлали противъ него!...

6. Какія были послѣднія мысли или лучше послѣднія чувства Златоуста? Ссылка, преслѣдованіе, душевныя и тѣлесныя страданія не сильны ли были сломить эту душу, такъ высокую и сильную? Умирая, простилъ ли онъ своихъ враговъ или произнесъ изъ глубины души гордое слово Григорія VII: «я не имѣлъ иныхъ враговъ, кромѣ враговъ церкви»? Такая непреклонность была господствующею чертою его характера. Когда онъ умиралъ, то онъ имѣлъ кроткій видъ и глубокую

поворность воли Божией, но онъ не склонилъ свой головы и недостойная жалоба не вышла изъ его устъ: онъ извлекъ изъ униженія свое величiе и свою радость. Въ послѣднемъ изъ его сочиненій просвѣчиваетъ ясность могучая и твердая, которая возбуждаетъ, усиливаетъ удивленiе и не хочетъ сожалѣнiя. Въ пустынѣ, гдѣ приближается къ нему смерть, вдали отъ своихъ враговъ, но вблизи Бога, среди страданiй, которыя тяготятъ его, онъ воодушевляется для ободренiя и утѣшенiя тѣхъ, которыхъ изъ за него преслѣдовали. Такъ стойкъ безстрашно смотреть въ глаза смерти. Но лучъ божественной надежды смягчилъ это холодное и высокое величiе скорби. Стоякъ не видитъ за гробомъ свѣтлаго горизонта вѣчной жизни и неподкупной правды. Затоусть успокоился на этой вѣрѣ. Увѣренный въ самомъ себѣ, онъ равно вѣрилъ въ божественную благость, которая испытываетъ его, не желая его униженiя. Если онъ всегда отказывался кланяться предъ людьми, то предъ Тѣмъ, въ Комъ онъ видѣлъ Отца, Правосуднаго Судiю, онъ смиряется съ полнымъ довѣрiемъ. Онъ видѣлъ своего Господа и своего Судiю выше этой земли.

ОЧЕРКЪ ХРИСТИАНСКОЙ ФИЛОСОФІИ.

2.

Гностицизмъ.

Одно изъ существенныхъ свойствъ евангельскаго ученія есть его неизъяснимая простота. Для того, чтобы понимать Иисуса Христа и Его апостоловъ не нужно было ни особенныхъ, высокихъ дарованій природныхъ, ни блестящаго образованія въ школахъ. Не съ мудростію слова, дабы не унижить Христа Христова (1 Коринт. 1, 17), вышли въ міръ первые благовѣстники христіанской истины, а съ проповѣдію, которая понятна была для всѣхъ. Простая женщина изъ среды народа и простое дитя могли усвоить ихъ ученіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ пропитать въ тайны, сокрытыя отъ мудрыхъ и разумныхъ (Матт. XI, 25). Въ этой простотѣ и общедоступности одно изъ самыхъ наглядныхъ доказательствъ истинности христіанскаго ученія; но въ ней же причина, почему слово спасенія, которое возвѣщали міру апостолы, для многихъ казалось безуміемъ (1 Кор. 1, 23),— вѣрой, которая можетъ удовлетворять только невѣждъ, женщинъ и дѣтей ¹⁾. Въ особенности на во-

¹⁾ Такой именно взглядъ на христіанство высказывали въ первые вѣка образованные язычники и, для оправданія его, ссылались на то, что къ христіанской вѣрѣ обращались по преимуществу люди изъ низшихъ классовъ общества. Христіанскіе апологеты, не отвергая этого факта, объяснили его совершенно въ другомъ смыслѣ. «Если Сократъ, говорили они, находилъ довѣріе къ себѣ у философовъ и людей образованныхъ; то ученію Иисуса Христа послѣдуютъ даже люди наименѣе образованные, и послѣдуютъ съ такою вѣрою, что ради него готовы отказаться отъ всего и идти на самую смерть. Это значитъ, что ученіе это есть мудрость не человѣческая, но божественная. Св. Іустинъ, Ароlog. I, 18 sqq.

стоѣ, — тамъ, гдѣ первоначально и явилось христіанство, — оно должно было встрѣтить противъ себя много предубѣжденій въ классахъ, гордившихся своимъ образованіемъ. Гречій народъ восточныхъ, взлелѣанный, такъ сказать, въ самомъ святилицѣ метафизики, вскормленный на мистицизмъ и эстазѣ, долженъ былъ, если не съ презрѣніемъ, то съ близкой къ нему снисходительностью, смотрѣть на новую религію, которой вся сущность состояла въ ученіи о любви — Бога къ человѣку и человѣка къ Богу и подобнымъ себѣ. На востокѣ, у каждаго изъ извѣстнѣйшихъ народовъ древности, въ Сиріи, Халдеи, Персіи, Египтѣ, были свои религіозныя системы, которыя вводили посвященныхъ во все тайны небеснаго міра и разоблачали предъ ними все загадки земнаго бытія и въ сравненіи съ которыми ученіе Евангелія для мудрости человѣческой, не познавшей Бога въ премудрости Божіей (1 Кор. I, 21), казалось слишкомъ простымъ, слишкомъ неразвитымъ. Въ этихъ системахъ, безъ особеннаго труда, рѣшались самые отвлеченные вопросы человѣческой мысли. Посвященный въ эти системы сразу, казалось, постигалъ самую сущность Верховнаго Начала всего сущаго. Онъ зналъ, какъ начало это, не выходя изъ своего вѣчнаго покоя, изъ Себя произвело всю небесную іерархію, безчисленные легіоны архангеловъ, ангеловъ, геніевъ, демоновъ, которые, въ своей совокупности, составляютъ полноту, таинственную *пирому* божественнаго бытія; зналъ, какъ вслѣдствіе паденія ангеловъ, произошелъ міръ чувственный, какъ явилась матерія и откуда въ мірѣ зло. Легко ли ему было отказать отъ всехъ этихъ, при самой грубости своей, глубокихъ и величественныхъ символовъ, которые такъ родны были его духу, такъ могущественно дѣйствовали на его воображеніе, для той простой вѣры, которую проповѣдывали апостолы? — Восточный человѣкъ, и въ особенности восточный мудрецъ, если и присоединялся къ христіанству, то при этомъ не разставался

совершенно и съ своими прежними вѣрованіями. Онъ вступалъ въ нѣдра Церкви Христовой не какъ посвящаемый только теперь въ таинства, которому, прежде чѣмъ войти въ святилище, нужно очиститься и отказаться отъ всего прежняго религіозно-умственного достоянія: онъ входилъ сюда со всѣмъ запасомъ своихъ прежнихъ убѣжденій, со всѣмъ богатствомъ родныхъ ему преданій, которыми такъ долго жилъ востокъ. Ему казалось, что въ этихъ преданіяхъ сокрыта такая глубина премудрости, какой недостаетъ тому ученію, которое для всѣхъ проповѣдывается въ христіанской Церкви. Казалось, что самое это ученіе, кромѣ своего прямаго, доступнаго для всѣхъ, смысла, должно имѣть смыслъ высшій, доступный для избранныхъ, и что богатыя созерцанія мистическаго востока скорѣе всего могутъ привести къ пониманію этого смысла. Пусть простой народъ, *тома*, неспособный проникать въ самое существо истины, останется при той простой, поверхностной религіи, которую содержитъ церковь: людямъ, *самой природой* поставленнымъ выше этой слѣпой толпы позволительно имѣть свой особенный символъ вѣры, въ которомъ, какъ въ высшемъ синтезѣ, должны примириться и таинственныя знанія восточныхъ іерофантовъ и простая вѣра галилейскихъ рыбаковъ...

Конечно, ничего не могло быть противнѣе самому духу христіанства, ничего не могло быть обиднѣе (если можно такъ выразиться) и для человѣчества и для самой истины, какъ подобное раздѣленіе людей на два класса, изъ которыхъ одинъ, и притомъ многочисленнѣйшій, по самой природѣ, будто бы, неспособенъ къ той истинѣ, которая составляетъ принадлежность другаго—немногочисленнаго. Иисусъ Христосъ проповѣдывалъ одно ученіе великимъ и малымъ, мудрецамъ и невѣждамъ, и училъ въ каждомъ человѣкѣ видѣть брата, существо, родное намъ по природѣ, предназначенное къ одной съ нами цѣли и способное наравнѣ съ нами пользоваться тѣми сред-

ствами, которые подаютъ Промысль каждому для достиженія этой цѣли. Но подобное раздѣленіе было въ духѣ не только востока ¹⁾, по и вообще древняго міра. Углубляясь въ исторію древности, обзрѣвая древнія религіи и философскія системы, мы въ каждой странѣ замѣчаемъ самое глубокое различіе между вѣрова- ніями простаго народа и убѣжденіями людей образованныхъ. Древнія святилища, не менѣе школы, съ презрѣніемъ смотрѣли на тотъ классъ человѣчества, который называли они слѣпой толпой, низкой чернью. У жрецовъ египетскихъ, равно какъ и у маговъ персидскихъ и брамновъ индійскихъ, было одно уче- ніе эсотерическое, для всѣхъ, другое—эсотерическое—для из- брачнаго меньшинства, ласкавшаго себя мыслию, что только оно способно обладать истиной. И какая бездна отдѣляла вѣру перса, или египтянина отъ убѣжденій жреца его религіи! Что общаго было между той мифологіей, которую принималъ на- родъ въ ея примомъ, буквальномъ смыслѣ, и тѣми натурали- стическими, или космологическими объясненіями, которые да- вались этой мифологіи жрецами, и которые, какъ тайна, пере- ходили у нихъ отъ одного поколѣнія къ другому, никогда не выходя за предѣлы храма?—Даже въ свободной Греціи и Римѣ, гдѣ не было ничего похожаго на восточныя касты, аристо- кратія ума считала для себя унизительнымъ раздѣлять одиѣ вѣрованія съ народной массой: философскія школы всегда съ презрѣніемъ относились къ буквѣ тѣхъ преданій, которые со- ставляли неприкосновенную святыню для народа. Однимъ сло- вомъ, какъ не было въ древнемъ мірѣ равенства гражданскаго, такъ точно не было тамъ и равенства религіознаго, и идея одного символа вѣры, въ одинаковой мѣрѣ обязательнаго для всѣхъ, была рѣшительно не въ духѣ языческой древности.—

¹⁾ Когда говоримъ здѣсь о востокѣ, мы не включаемъ въ это понятіе Іудей. Принадлежа къ востоку по своему географическому положенію, страна эта не имѣла ничего общаго съ нимъ въ своей религіозно-политической жизни.

Такимъ образомъ когда мы встрѣчаемъ въ иѣдрахъ церкви Христовой, въ первыя времена ея существованія, появленіе различныхъ сектъ, которыя отдѣляли себя отъ общества прочихъ вѣрующихъ подѣломъ предлогомъ, что онѣ одніе составляютъ классъ людей *духовныхъ* (*Πνευματικοί*), въ противоположность толпѣ, людямъ грубымъ и чувственнымъ, которыхъ называли они *душевыми* (*ψυχικοί*); когда видимъ, что секты эти, какъ будто для того чтобы оправдать такое раздѣленіе, составляютъ для себя свои особенныя религіозныя системы, неизмѣющія почти ничего общаго съ ученіемъ церковнымъ, и выдаютъ эти системы за полнѣйшее выраженіе христіанской истины, когда замѣчаемъ, наконецъ, что каждая изъ такихъ системъ имѣетъ свой особенный характеръ, смотря потому, въ какой странѣ явилась она (въ Египтѣ, наприм. раскрывая натуралистическій пантеизмъ, въ Халдеи и Персіи, проповѣдывая борьбу началъ добраго и злаго): мы не можемъ долго задумываться надъ объясненіемъ такого явленія, и сразу угадываемъ, что секты эти, не смотря на то, что, по видимому, исповѣдуютъ христіанство, совершенно проникнуты еще духомъ древняго язычества. Въ ихъ системахъ мы видимъ стремленіе примирить новую вѣру съ древними преданіями востока, въ ихъ отдѣленіи себя отъ прочихъ вѣрующихъ—слѣное подражаніе тому, что вообще было въ древнемъ мірѣ, не знавшемъ равенства и провѣдывавшемъ существенное различіе по самой природѣ между людьми различныхъ классовъ.

Такъ объясняется происхожденіе въ иѣдрахъ церкви христіанской въ первыя времена ея существованія различныхъ сектъ *гностицистскихъ*. Гностицизмъ не есть какая—нибудь опредѣленная система, принадлежащая одной какой-нибудь школѣ, не есть даже и рядъ системъ, преемственно смѣнявшихъ одна другую. Его составляютъ самыя разнообразныя по своему содержанію доктрины, явившіяся почти одновременно въ разни-

ныхъ странахъ востока, совершенно независимо одна отъ другой. За исключеніемъ Симона и Менандра, о которыхъ извѣстно очень не много, всѣ извѣстнѣйшіе представители гностицизма жили почти въ одно время: Сатурнинъ, Бардезанъ, Веспандъ, Марціонъ, Валентинъ славились въ половинѣ второго вѣка по Р. Х., въ промежуткѣ, отдѣляющемъ труды апостоловъ отъ трудовъ александрійскихъ учителей. Если всѣ гностическія системы проишлуты однимъ духомъ, если, при всемъ глубокомъ отличіи ихъ одной отъ другой, они проповѣдываютъ один и тѣже начала въ теоріи и приводятъ въ однимъ и тѣмъ же слѣдствіямъ практическимъ: то это потому, что всѣ онѣ имѣютъ для себя одну исходную точку и стремятся къ одной общей цѣли. Поставить христіанство въ ближайшую, живую связь съ мистическими преданіями востока, съ которыми не хотѣлось такъ легко разстаться, образовать изъ него систему, близкую къ теософическимъ системамъ Халдеи, Персіи, Сиріи, или Египта, хотя бы для этого пришлось пожертвовать всей его исторической стороной и совершенно неказать самый духъ его—такова общая цѣль у всѣхъ гностиковъ; удовлетворить чрезъ это своимъ, вынесеннымъ изъ язычества, притязаніямъ на высшее, эзотерическое вѣдѣніе, недоступное массѣ вѣрующихъ—такова общая исходная точка ихъ. Все прочее у нихъ такъ же различно, какъ различны были вѣрованія одной страны восточной отъ вѣрованій другой.

Послѣ этого для насъ неизмѣтъ особеннаго значенія вопросъ о томъ, когда именно впервые явился гностицизмъ и кто былъ первымъ представителемъ его? Уже апостолъ Павелъ во многихъ мѣстахъ своихъ посланій упоминаетъ о ложномъ *знаніи* (*γνῶσις*), изъ за котораго многіе въ его время отпадали отъ церкви, и противопоставляетъ этому ложному знанію мудрость истинную, основывающуюся на вѣрѣ въ Иисуса Христа «Храни преданное тебѣ, пишетъ онъ въ первомъ посланіи къ Тимо-

ею, — отвращаясь негоднаго пустословія и прекословія ложнаго такъ называемаго знанія (*ψευδωνος γνῶσις*), которому предавшись, нѣкоторые уклонились отъ вѣры» (1 Тим. VI, 20. 21). Тамъ же проситъ онъ своего ученика «увѣщевать нѣкоторыхъ, чтобы они не учили чуждому и не занимались баснями и родословіями безконечными, которые производятъ больше спора, нежели Божіе назиданіе въ вѣрѣ» (гл. 1. ст. 2). Пельзя, кажется, сомнѣваться, что въ обоихъ этихъ мѣстахъ св. апостолъ имѣетъ въ виду гностиковъ съ ихъ притязаніями на высшее знаніе, съ ихъ ученіемъ о безконечной лѣстницѣ эоновъ, развивающихся одинъ изъ другаго. Противъ нихъ же, кажется, направляетъ онъ свое ученіе, когда говоритъ, что въ Иисусѣ Христѣ, какъ Единородномъ Сынѣ Божіемъ, обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно (Кол. II, 9. ст. 1, 16—19) ¹⁾. Въ чемъ состоялъ этотъ первоначальный гностицизмъ, гдѣ и когда именно впервые явился онъ, на эти вопросы нельзя отвѣчать съ точностію. Изъ различныхъ мѣстъ священныхъ книгъ Нового Завѣта ²⁾ можно вывести только, что уже при апостолахъ въ разныхъ странахъ бродили зародыши тѣхъ идей, которыя потомъ развились въ обширныя системы у Сатурнина, Василида и другихъ гностиковъ. Нѣкоторые изъ учителей Церкви начало гностицизма

¹⁾ По ученію гностиковъ, напротивъ, полноту (*Πλήρωμα*) Божества составляли цѣлыя міры различныхъ духовныхъ сущностей, вышедшихъ изъ сущности Божества и въ нее возвращавшихся, сущностей, которыми обыкновенно назывались у нихъ *зоны* (*ζώνη*—ВѢКЪ), то есть, какъ выразилась бы новейшая философія, *моментами* Божественной жизни.

²⁾ Между прочимъ, не безъ основанія нѣкоторые (напримѣръ Уэйземанъ) въ своихъ *Discours sur rapports entre la Science et la religion chrétienne* относятъ сюда и первые стихи евангелія Іоанна. Есть большая вѣроятность думать, что когда св. евангелистъ говоритъ, что Слово съ самаго начала существовало въ Богѣ, и что оно есть свѣтъ и жизнь, то говоритъ такимъ образомъ противъ гностиковъ, для которыхъ Слово, свѣтъ и жизнь (*λόγος, φῶς καὶ ζωὴ*) были *зоны*, или моменты божественной жизни совершенно различныя между собою.

возводить къ загадочной личности Симона Волхва, о котором упоминается въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ (гл. VIII). И въ самомъ дѣлѣ, на первый взглядъ кажется, что, по крайней мѣрѣ, гностики сирійскіе примыкаютъ непосредственно къ этой личности. Но еслибы мы и допустили, что пѣкоторые идеи настѣдованы ими по преданію отъ Симона (что, впрочемъ, подвержено большому сомнѣнію), мы рѣшительно не въ правѣ смотрѣть на Симона, какъ на родоначальника гностиковъ христіанскихъ, о которыхъ собственно и должна быть у насъ рѣчь. Гностицизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы встрѣчаемъ его у Сатурнина, Василида, Валентина и особенно у Маркіона, не есть ученіе *прямо* непріязненное христіанству и развивающееся совершенно независимо отъ него. Это—ересь христіанская, усвоившая многія мысли и самый языкъ въ Церкви Христовой и пытающаяся только дать этимъ мыслямъ особенный, высшій будтобы, смыслъ. Совершенно иное должны мы сказать объ ученіи Симона. Ученіе это не имѣло повидимому никакой связи съ ученіемъ апостольскимъ и развивалось совершенно независимо отъ него. Симонъ Волхвъ явился въ Самаріи почти въ то же время, какъ Іисусъ Христосъ явился въ Галилеи. Вотъ, по свидѣтельству Отцовъ Церкви ⁴⁾, въ чемъ состояло его ученіе. «Законъ Моисеевъ не есть откровеніе Бога Высочайшаго; онъ произошелъ отъ бога низшаго, котораго все дѣла носить въ себѣ признаки слабости, безсилія, несовершенства. Христосъ, Который пришелъ возвѣстить міру новый, высшій законъ, не есть простой посланный Божества, ангель, или архангель, а есть Самъ Богъ во второмъ проявленіи Своемъ. Первое проявленіе Божества есть Симонъ. Въ Лицѣ Христа открылся только Сынъ Божій; въ лицѣ Симона открылся Отецъ:

⁴⁾ См. у св. Иринея, adv. Haeres., 1. II, с. 20, 23; у св. Епифанія, Haeres., 1. II, т. 3. р. 619; у Оригена, cont. Cels. 1. V, с. 8; 1. VI, с. 1.

въ этомъ, кажется, смыслѣ онъ называлъ себя великой силой Божіей (Дѣян. VIII, 10); поэтому же его откровенія должны были имѣть большую важность сравнительно съ откровеніемъ евангельскимъ. Симонъ, или, покрайней мѣрѣ, его школа признавала между Богомъ Высочайшимъ и міромъ безчисленный рядъ боговъ низшихъ, ангеловъ и геніевъ, которые будтобы истекаютъ изъ божественнаго Существа, какъ изъ неисчерпаемаго источника и которые умаляются въ своихъ совершенствахъ по мѣрѣ своего удаленія отъ Бога. Первое изъ этихъ истеченій есть *Мысль* (*Ennoia*), истинный Сынъ Божій. Его слово. Мысль есть причина происхожденія всѣхъ другихъ, низшихъ ея существъ, мать творенія въ томъ смыслѣ, что съ нею и чрезъ нее Богъ сотворилъ міръ. Духи низшіе, вышедши изъ вѣдръ Мысли и завидуя ей превосходству предъ ними, по какому-то неостижимому случаю овладѣли ею и заключили ее въ матерію. Женщина, которую Симонъ извелъ изъ рабства и разврата, по имени Елена, изображала Мысль, поработленную матеріей и оскверненную соприкосновеніемъ съ этимъ нечистымъ началомъ. Мысль, въ этомъ печальномъ положеніи, не могла, такъ сказать, пробиться сквозь облежавшую ее тьму, не могла, какъ прежде, распространять вокругъ себя жизни, здоровья, счастья, блаженства. Она изнемогала въ безсильной борьбѣ съ злымъ началомъ, пока, наконецъ, не явился искупитель, который долженъ былъ освободить ее отъ этого плѣна. Этотъ искупитель есть Симонъ». Ясно, что ученіе это не перетолковывало только христіанскаго ученія, а совершенно испровергало его: искупленіе приписывалось здѣсь не Христу, а самому Симону. Видѣтъ, послѣ этого, въ Симонѣ перваго изъ гностиковъ собственно-христіанскихъ было бы совершенно несомнѣтельно.

Страна, сосѣдняя съ Палестиной, Сирія была главнѣйшимъ расадникомъ гностическихъ идей. Причина этого для

насъ будетъ понятна, если мы припомнимъ, что, за долго до основанія Александріи, Сирія, вслѣдствіе своихъ частыхъ сношеній со всѣми другими восточными странами, сдѣлалась центромъ религіозныхъ преданій востока ¹⁾. Первымъ извѣстнѣйшимъ представителемъ гностицизма былъ здѣсь Сатурнищъ. Вліяніе на духъ его идей восточныхъ замѣтно, можно сказать, на каждомъ шагѣ его системы. «Единъ Богъ-Отецъ всего Сущаго, Существо недовѣдомое, неистижимое, сокрытое въ Самомъ Себѣ ²⁾. Всѣ существа произошли отъ Бога чрезъ истечение. Между Богомъ и тѣмъ чувственнымъ міромъ, въ которомъ мы живемъ, цѣлая бездна; но эта бездна наполнена безчисленнымъ множествомъ не матеріальныхъ существъ, различными родами архангеловъ, ангеловъ, силъ, демоновъ, геніевъ, которые образуютъ изъ себя безконечную іерархическую лѣстницу и такимъ образомъ составляютъ переходъ отъ Бога къ міру ³⁾. Чувственный міръ есть послѣдній и потому самый слабый отблескъ Божества. Не непосредственно отъ Бога и даже не чрезъ посредство высшихъ, ближайшихъ къ Богу духовъ произошелъ и управляется онъ: его произвели и управляютъ имъ эоны, ближайшіе къ нему по своему несовершенству, и слѣдовательно болѣе всѣхъ другихъ эоновъ удаленные отъ Бога; между этими эонами находится и Богъ іудейскій. Міръ земной они старались образовать по образцу міра небеснаго, и высшее изъ твореній земныхъ—человѣка по образцу высшаго, совершеннѣйшаго изъ эоновъ. Мудрость, или Слово есть первое истечение Божества, Первородный Сынъ Его, и потому ближайшее подобіе Ему, и по образу его—то низшіе ангелы, во главѣ которыхъ находился Богъ іудейскій, старались создать

¹⁾ Чит. Symbolik, Крейцера, или на франц. языкѣ тоже сочиненіе подъ заглавіемъ Religions de l'antiquité.

²⁾ Ирви. adv. Haeres. 1. I, c. 4, par. 2.

³⁾ Ibid. c. 4, par. 2.

человѣка¹⁾; но, по своей слабости, они не могли вполне достигнуть своей цѣли. Адамъ земной изъ ихъ ружь вышелъ далеко непохожимъ на Адама небеснаго: созданный ими чело-вѣкъ, мѣсто того, чтобы всѣми силами устремляться къ божественному свѣту, подобно червю, пресмыкался на землѣ. Божественное Слово, снисходя къ бѣдственному положенію твари, созданной по образу Его, внесло въ нее отъ Себя, тотчасъ же по созаніи ея, лучъ божественной жизни²⁾. Все, что было добраго и прекраснаго въ нравственномъ мірѣ до явленія Христа, развивалось изъ этого божественнаго сѣмени, никогда не уравниваго въ избранныхъ натурахъ. Но этому сѣмени было чрезвычайно трудно пробиваться сквозь ту грубую кору чувственности, которою низшіе боги обложили свое твореніе: духъ вымогалъ въ борьбѣ съ матеріей, мракъ на землѣ усиливался и чело-вѣкъ болѣе и болѣе отдавался во власть суеты, болѣе и болѣе подчинялся чувственности. Когда можно уже было опасаться, что божественный свѣтъ, внесенный первоначально Словомъ въ жизнь чело-вѣчества, совершенно померкнетъ на землѣ, тогда явился Христосъ, чтобы спасти вѣрующихъ, или гностиковъ, то есть, тѣхъ, которые еще сохранили въ себѣ лучъ небесной жизни, положенный въ нервомъ чело-вѣкѣ³⁾. Что касается остальныхъ людей, для нихъ нѣтъ спасенія. Съ тѣхъ поръ, какъ они утратили въ себѣ божественное сѣмя, отдавшись во власть чувственному, путь къ Богу для нихъ закрытъ навсегда: они сдѣлались злы по самой природѣ своей⁴⁾. Но и добрые не влекутся Искупителемъ насильно въ свѣтлое царство Отца: собственными силами должны они

¹ Ibid. с. 4, pag. 2.

² Елиф. Наер. XXIII; Ирм. adv. Наер. с. 4, pag. 2.

³ Ирм. ibid.

⁴ Ст. Ирм. adv. Наер. 1. 1, с. 4, pag. 2.—Это раздѣленіе людей на добрыхъ и злыхъ, по всей вѣроятности заимствовано Сатурниномъ въ реченіи Персозъ.

участвовать въ своемъ искупленіи. Надобно, чтобы, при помощи
искупителя и при ихъ собственныхъ усилахъ, божественный
лучъ небесной жизни, положенный въ ихъ природѣ и состав-
ляющій самую основу жизни истинно-человѣческой, высвобож-
дался изъ окружающей его тьмы, чувственности, очищался,
раскрывался; и только тогда, когда онъ сдѣлается совершенно
чистымъ и свѣтоноснымъ, онъ соединяется съ Верховнымъ
источникомъ свѣта. Отсюда первая забота истиннаго гностика
должна состоять въ томъ, чтобы освободить свой духъ отъ влія-
нія чувственности и, насколько это возможно, прервать всякую
связь съ матеріей»¹⁾. Самоубійство, конечно, было бы самымъ
идеальнымъ средствомъ къ этому. Если чувственность зла
сама въ себѣ, а не по нашему отношенію къ ней, если всякое
соприкосновеніе съ матеріей пачкаетъ уже нашъ духъ; то всего
лучше, конечно, скорѣе разстаться съ этимъ міромъ, въ кото-
ромъ нельзя сдѣлать движенія, не встрѣтившись съ чувствен-
ностью... Сатурнинъ, впрочемъ, не идетъ такъ далеко. Его
аскетизмъ ограничивается только правилами самаго строгаго
воздержанія, порицаніемъ всѣхъ чувственныхъ удовольствій и
осужденіемъ, какъ дѣла нечистаго, брака и рожденія дѣтей.

Ученіе Сатурнина носитъ совершенно другой характеръ,
чѣмъ ученіе Симона. Касательно самаго основнаго догмата
евангельскаго ученія, догмата о воплощеніи въ лицѣ Иисуса
Христа Божественнаго Слова, низшедшаго на землю для спа-
сенія людей и приведенія ихъ къ Богу, оно не противорѣчитъ
прямымъ образомъ ученію Церкви, а только обезображиваетъ
это ученіе, привнося въ него представленія, заимствованныя
изъ религій восточныхъ, особенно изъ религіи персидской.
Впрочемъ и въ этомъ отношеніи Сатурнинъ еще не зашелъ
слишкомъ далеко. Восточныя идеи еще не совершенно овла-

¹⁾ Св. Ирн. Ibid.

дѣли его духомъ. Въ его ушесіи мы замѣчаемъ, конечно, дуализмъ, но дуализмъ еще не полный, нерѣшительный. Прорехожденіе зла объясняется у него не вліяніемъ особеннаго, самостоятельнаго, злаго начала, а только слабостію и безсильемъ низшихъ дѣятелей творенія.

Гораздо рѣшительнѣе вліяніе восточныхъ идей на систему Василида. «Начало всего сущаго—одно, Богъ недовѣдомый, неистижимый, единый истинный Богъ, Отецъ ¹⁾. Отъ этого Верховнаго Начала прежде всего истекаетъ *Разумъ*—непосредственное и внутреннѣйшее откровеніе Отца, затѣмъ *Слово*—внѣшнее откровеніе Отца и непосредственное произведеніе Разума, далѣе *Разсудительность*—дочь Слова, и наконецъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, *Мудрость*, *Сила*, *Правда*, *Миръ* ²⁾. Эти различныя истеченія божества образуютъ божественную огдоиду (восьмирицу), таинственную пирому, первое небо, то есть, полное откровеніе внутреннихъ силъ Божіихъ, однимъ словомъ, міръ божественный въ собственномъ смыслѣ ³⁾. Пирома изчерпываетъ природу Божества, но не изчерпываетъ Его творенія и Его дѣятельности. За міромъ божественнымъ слѣдуютъ міры тварныя, состоящіе изъ архангеловъ, ангеловъ, господствъ и пр., которые образуютъ лѣствицу между Богомъ и чувственнымъ міромъ и участвуютъ въ твореніи и сохра-

¹⁾ Св. Ирин. adv. Haer. 1. II, с. 16, pag. 2.

²⁾ Клим. алекс. Strom., 1. с. По другому преданію, на мѣсто послѣднихъ двухъ Эманаций, *Правды* и *Мира*, Василиды поставялъ *Добродѣтели*, *Господства* и *Ангеловъ*. Св. Ирин. 1. I., 24, pag. 8: Noun primo ab innato natum Patre, ab hoc autem natum Logon, deinde a Logo Phronesisin, a Phronesi autem Sophiam et Dinamiam, a Dinamiam autem et Sophia Virtutes Principes et Angelos, quos primos vocat et ab iis primum coelum factum.—Свидѣтельство Климента александрійскаго на этотъ разъ, кажется, достовернѣе. Ясно, что послѣ Слова исчисляются здѣсь олицетворенныя 4-ре главныя добродѣтели древнихъ; къ нимъ присоединяется, какъ ихъ естественное слѣдствіе, *Миръ*.

³⁾ Клим. алекс. Strom. IV, 539.

неніи видимыхъ существъ. Отъ огдоиды, образующей первое небо, происходитъ новый рядъ духовныхъ существей, или второе небо, затѣмъ третье и т. д. Чѣмъ дальше эти существности удаляются отъ своего первоисточника, тѣмъ дальше онѣ отъ совершенства. Всѣхъ духовныхъ міровъ, или всѣхъ небесъ 365 ¹⁾, и только тогда, когда авелись все эти міры, могъ явиться и міръ чувственный. Гносеиъ есть познаніе божественной Пширомы и пріобрѣтается только вѣрою; а вѣра есть даръ Божій, которымъ награждаются души, но природѣ своей участвующія въ добродѣтеляхъ Пширомы, и награждаются по мѣрѣ своего участія въ нихъ ²⁾. Не въ человѣческой природѣ причина добра и зла, которая мы замѣчаемъ въ людяхъ. Добро есть даръ Божій; зло происходитъ отъ вліянія злыхъ духовъ». Казалось бы, въ подобномъ ученіи не должно оставаться мѣста для человѣческой свободы. Василидъ, однакоже, предполагаетъ се, потому что говоритъ о добрыхъ и дурныхъ дѣйствіяхъ, изъ которыхъ первый долженъ избирать человѣкъ, а послѣднихъ убогать. Главный вопросъ, который занималъ Василида и вообще гностиковъ, есть вопросъ о происхожденіи зла. Мы видѣли, что вопросъ этотъ былъ затронутъ уже Сатурниномъ

¹⁾ Число это, какъ ясно, взято въ соотвѣтствіе съ числомъ дней въ году. Сл. Иринеи по этому случаю говорилъ послѣдователямъ Василида: «вмѣсто 365 небесъ, или воновъ, вы могли бы насчитать ихъ 4380, потому что дни года содержать такое число часовъ; а если бы вы присоединили къ этому числу еще часы ночи, вы получили бы цифру еще болѣе значительную». Adv. Haer. I, II, c. XVI.

²⁾ Клим. алексе. Strom., II, 363: *Φύσει τις τὸν θεὸν ἐπίσταται, ὡς Βασιλείδης διέπει.* — Ibid. *Φυσικὴν ἤρῃνται τὴν πίσιν οἱ ἀμφὶ τὸν Βασιλείδην—ἔτι φασὶν εἰ ἀπὸ τῆ Βασιλείδου πίσιν ἀμα καὶ ἐκλογὴν δικαίου εἶναι καθ' ἕκαστον διάστημα κατ' ἐπακοίβ' ἔθνη δ' αὐτῆς ἐκλογῆς τῆς ὑπερισσομῆς τὴν κοσμικὴν ἀπάτης φύσεως συνέπεσαι πίσιν κατ' ἀλλήλων τε εἶναι τῆ ἐκείσε Ἐλπίδι καὶ τῆς πίσως τὴν δορεάν.*

и рѣшался у него предположеніемъ слабости и безсилія въ тѣхъ низшихъ духахъ, которые непосредственнымъ образомъ участвовали въ созданіи міра. Василидъ понимаетъ вопросъ этотъ шире и рѣшаетъ его глубже. Прежде всего пытается онъ согласить съ существованіемъ зла божественную правду: «когда подвергаются бѣдствіямъ и терпятъ зло грѣшники, то это совершенно согласно съ божественной правдой, потому что своими дѣлами они заслужили свою участь; когда терпятъ зло добрые, то и въ этомъ случаѣ обнаруживается таже божественная правда, потому что если они и не грѣшили самымъ дѣломъ, то въ человѣческой природѣ все же находится грѣховное начало, которое должно быть искоренено, чтобы для человѣка открылась возможность соединенія съ Богомъ. Когда праведникъ подвергается лишеніямъ, бѣдствіямъ и самой смерти, то этимъ онъ не наказывается за свои дѣла, а только освобождается отъ того грѣховнаго начала, которое живетъ въ его природѣ¹⁾, и слѣдовательно зло во всякомъ случаѣ непротиворѣчить правдѣ Божіей». Этимъ Василидъ, если можно такъ выразиться, оправдываетъ Бога, но не изъясняетъ происхожденія зла. Если зло не происходитъ отъ Бога, то все же остается вопросъ, откуда происходитъ оно? Василидъ, кажется, самъ чувствовалъ недостаточность такого рѣшенія вопроса о злѣ, и потому пытался представить другое рѣшеніе, болѣе философическое и болѣе вытекающее изъ самой сущности ученія объ эманацияхъ, какъ и вообще изъ всякой пантеистической системы. «Зло не есть что-нибудь существующее по себѣ. Не есть ничто реальное, а—только недостатокъ, лишеніе, ограниченіе добра²⁾. По мѣрѣ того, какъ божественныя эманации удаляются отъ своего центра, онѣ умаляются въ совершенствѣ.

¹⁾ Strom. IV, 506, 509.

²⁾ Ближ. алекс. Strom., 408. *

Послѣдніе отблески божественнаго свѣта слишкомъ блѣдны сравнительно съ блескомъ этого свѣта въ самомъ его источникѣ, какъ догорающій гдѣ-нибудь лучъ солнца блѣдеетъ сравнительно съ полуденнымъ сіяніемъ его; и самое крайнее истечение блага есть только тѣнь его. Здѣсь-то причина того, что называютъ зломъ и матеріей: видимый нами міръ произошелъ не непосредственно отъ Бога, а отъ самыхъ низинныхъ истеченій Его, отъ ангеловъ; что удивительнаго, если мы видимъ въ немъ только слабую тѣнь божественнаго свѣта и добра, если на каждомъ шагѣ замѣчаемъ въ немъ болѣе недостатковъ, чѣмъ избытокъ совершенства? Восточное воображеніе Василида не могло, впрочемъ, удержаться на этихъ общихъ, отвлеченныхъ представленіяхъ о злѣ и матеріи. Матерія, по его представленію, не есть начало недѣятельное и безформенное, способное только къ воспріятію дѣятельности отъиѣ и отъиѣ же получающее свою опредѣленность, не есть чистая воспріемлемость, какъ у Платона и Аристотеля; она есть нѣчто самодѣятельное, есть сила, или лучше—совокупность силъ слѣпыхъ, но живыхъ, которыя, соединившись между собою, постоянно стремятся разрушать то, что производитъ Богъ ¹⁾. Эти силы Василидъ олицетворяетъ въ образѣ злыхъ духовъ, которые, подъ предводительствомъ своего князя, называемаго сатаной, ведутъ непрестанную борьбу противъ добра и совращаютъ людей на путь зла. «Хаосъ есть произведеніе злыхъ силъ, между тѣмъ какъ міръ (*κόσμος*) есть произведеніе Божіе. Если матерія есть только послѣднее истеченіе Божества, то она должна подчиняться закону, общему для всѣхъ эманаций: она должна когда-нибудь возвратиться къ своему первоисточнику; слѣдовательно, зло имѣетъ только временное существованіе». Казалось бы, необходимымъ слѣдствіемъ такого ученія должна

¹⁾ Archcl. et Manet. Disput., 55, 276.

быть мысль, развитая впоследствии Оригеномъ, о спасеніи въ определенное время всѣхъ сотворенныхъ существъ. Василиды, однакоже, далеки отъ этой мысли уже потому, что слишкомъ проникнуть идеями востока. Они думаютъ, напротивъ, что люди добры, или злы по природѣ и что Христосъ пришелъ спасти только добрыхъ. Внутреннѣйшее соединеніе человѣка (правильнѣе сказать: избранной половины человечества) съ Богомъ и полнѣйшее постиженіе имъ божественныхъ таинъ, или истинное знаніе, гносисъ есть послѣдняя цѣль искупленія, совершеннаго Христомъ. Когда человѣческая душа вступаетъ въ обладаніе такимъ знаніемъ, она, минуя всю іерархію второстепенныхъ эоновъ, входитъ въ непарченую Плерому и живетъ жизнью божественною.

Уже въ ученіи Василиды мы замѣчаемъ преобладаніе восточнаго міросозерцанія надъ началами христіанскими. Въ ученіи Валентина элементъ восточный совершенно заслоняетъ собой элементы христіанства. Знаменитѣйшій изъ египетскихъ гностиковъ, заимствовавъ въ ученіи апостольскомъ только нѣкоторые термины, все остальное для своей системы черпалъ изъ таинственныхъ преданій Египта и вообще востока, стараясь только, гдѣ казалось ему это необходимымъ, пополнять ихъ идеями философіи греческой, и въ особенности идеями Пифагора, Платона и Стоиковъ. Въ Валентинѣ гностицизмъ нашелъ своего полнѣйшаго и самаго богатаго выразителя; въ его системѣ онъ достигъ самой высшей степени своего развитія. Ученіе Валентина заслуживаетъ, поэтому, нѣсколько болѣе обширнаго изложенія, чѣмъ другія системы гностическія.

Міръ, думаетъ Валентинъ согласно съ другими гностиками, не можетъ происходить непосредственно отъ Бога. Какимъ образомъ изъ рукъ Существа Всесовершеннаго, безконечно-благаго и безконечно-великаго, могло бы выдти произведеніе

въ такой мѣрѣ несовершенное, ограниченное ¹⁾? Такъ какъ мѣръ не есть непосредственное произведеніе Божіе, то напрасно пытались бы мы понять природу Божества изъ разсмотрѣнія мѣра. Въ природѣ существъ сотворенныхъ нѣтъ ничего такого, что давало бы намъ понятіе о свойствахъ природы божественной. Богъ Самъ въ Себѣ не есть ни субстанція, ни существо, ни разумъ, ни духъ, ни благодать, ни любовь: нѣтъ имени называемаго человѣческою, которое могло бы выражать Его сущность ²⁾. Только для того, чтобы сколько-нибудь опредѣлять Его отношеніе къ міру, Его можно называть Первоначаломъ, Первоотцомъ, Бездною ³⁾. Последнее названіе въ особенности нравится Валентину. Если святии Писаніе, касаясь происхожденія мѣра, говоритъ, что Богъ все сотворилъ Своєю Премудростію, то наши гностики находятъ болѣе приличнымъ заимствовать это выраженіе другимъ: *Бездна* родила всѣ вещи въ *Молчаніи*. Прежде, чѣмъ существовало что-нибудь, существовала Бездна (*ἄβυσσος*) и съ ней — Молчаніе (*ἥσυχία*). Проведши безвѣщныя вѣка въ совершенномъ покоѣ, Бездна рѣшилась, наконецъ, открыть Себя во вѣкъ, и мысль объ этомъ хранила въ Молчаніи, въ которомъ и съ которымъ она пребывала отъ вѣка. Молчаніе не есть что-нибудь отличное отъ природы Божества, не есть простое, хотя бы и самое первоначальное, проявленіе этой природы. Молчаніе и Бездна — это два имени, которыя равно принадлежатъ Божеству, разсматриваемому въ Его первоначальной сущности. Однакоже, эти два имени — не простые синонимы. Всякое начало, всякое существо, всякое бытіе, отъ Бытія Верховнаго до послѣдняго изъ существъ сотворенныхъ, въ своей природѣ носитъ извѣстнаго рода двойственность: законъ двойственности, полнотности (*ἡμετέριον*) есть

¹⁾ Клим. алекс. Strom. p. 409.

²⁾ Св. Иринея, adv. haeres. I. II. c. 14. par. 1.

³⁾ Ibid. I. I, c. 1. p. 1.

всеобщій законъ бытія и жизни. Верховное начало всего сущаго также двойственно по природѣ своей. Согласно съ религіозной системой Египта, различавшей въ Богѣ мужское и женское начало, и по примѣру Пифагора, можетъ быть тамъ же замѣтовавшего основанія для своей системы и признававшего въ первомъ началѣ всего сущаго единство и разнообразіе, Валентинъ смотритъ на Божество, какъ на Бездну и Молчаніе вмѣстѣ. Бездна выражаетъ единство, тожество, неизмѣнность, такъ сказать, внутреннюю природу Верховнаго Начала; Молчаніе—Его развитіе, силу экспансивную и творческую. Но Бездна и Молчаніе (*ἄστος καὶ σιγή*), такъ сказать, только двѣ стороны одного и того же Верховнаго Бытія, и эта логическая двойственность не нарушаетъ въ Немъ единства. Первое проявленіе Божества есть Разумъ, который въ тоже время есть Истина (подобно тому, какъ Бездна есть вмѣстѣ и Молчаніе). Отъ Разума и Истины происходятъ съ одной стороны Слово и Жизнь, съ другой—Человѣкъ и Церковь. Эти восемь эоновъ составляютъ верховную *οὐρανὴν*, божественную Пифагору, ближайшее откровеніе внутреннихъ силъ божественнаго Начала. Но начало это, разъ вышедшее изъ своего вѣчнаго покоя, продолжаетъ развиваться далѣе. Четыре послѣднія эманацин рождаятъ отъ себя рядъ новыхъ духовныхъ существей. Отъ Слова и Жизни рождается пять паръ эоновъ, образующихъ декаду валентиніанъ, отъ Человѣка и Церкви—шесть паръ, образующихъ додекаду ихъ ¹⁾. Самый послѣдній изъ

¹⁾ Вотъ имена эоновъ, рождающихся: 1) отъ Слова и жизни: *ἄστος καὶ ψῆσις, ἀφρατος καὶ ἐνοσις, ἀποσις καὶ ἰδουή, ἀκίνητος καὶ σὺρμασις, προσηυήσις καὶ μακροήσις*; 2) отъ Человѣка и Церкви: *Παρακλητος καὶ πῆσις, πατρικός καὶ ἐπίσις, πατριкός καὶ Αὐάπις, ἀείνωσις καὶ σύνεσις, Ἐκκλησιαστικός καὶ μακαριότησις, θελητός καὶ σοφία*. — Замѣчательно, — говоритъ Фреппель (*Saint Irinée, ou l'éloquence chrétienne dans la Gaule... p. 238*), — что послѣ теорій Каббалы и Зендавесты, системы Шеллинга и Гегеля скорѣе всего

эоновъ есть Мудрость: и ей-то обязанъ своимъ происхожде-
ніемъ видимый нами міръ, представляющій беспорядочную

могутъ способствовать къ надлежащему пониманію гностическихъ системъ. Въ самомъ дѣлѣ, остановимся на самой первой формулѣ валентиніана: па томъ, что они называютъ своей верховной одадой. Молчаливая Бездна, говорятъ они, раскрывается въ Разумъ и Истинъ, которые становятся Словомъ и Жизнью, чтобы открыться въ Человѣкѣ и Церкви. Что значить это положеніе, если освободить его отъ всякихъ чувственныхъ образовъ, безъ которыхъ не мыслимо восточное созерцаніе? Или въ немъ нѣтъ никакого смысла, или смыслъ его тотъ, что Бытіе, сокрытое въ самомъ себѣ, пребывающее въ покоѣ и молчаніи, выходитъ изъ своей недѣятельности, раскрывается въ силу присущей ему энергии, опредѣляется, полагаетъ себя во внѣ, для того, чтобы придти къ сознанию самаго себя въ человѣкѣ и человечествѣ. Подобную формулу дѣйствительно находимъ у Гегеля. Если остановимся на декадѣ и додекадѣ валентиніана: то сходство между ученіемъ ихъ и теоріями германскаго идеализма, будетъ еще яснѣе. Гегель говорить, что Бытіе, или идея въ силу логической необходимости раскрывается въ природѣ и духѣ, въ мірѣ физическомъ и нравственномъ. Декада и додекада Валентина шлоль отъбчаютъ эти двѣ категоріи абсолютнаго. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, эти Смыслъ (Μῆτις), Соединеніе (ἔνωσις), Проникновеніе (συνκρασις) и пр., какъ не олицетвореніе различныхъ проявленій жизни міра физическаго? Или, кто не признаетъ въ Вѣрѣ, Надеждѣ, Любви, Мудрости и проч., проявленій Божественной жизни въ мірѣ нравственномъ? Бытіе первоначальное, стремится къ самораскрытію, становится природою и духомъ, проходитъ всѣ фазы жизни физической и нравственной: вотъ, кажется, смыслъ декады и додекады Валентина. И раскрытіе этихъ внутреннихъ силъ первоначальнаго Бытія составляетъ божественную Плерому, или, какъ сказалъ бы Гегель, діалектику идеи. Различіе между гностическимъ и германскимъ идеализмомъ, въ однихъ словахъ, — въ томъ, что Валентинъ, оставаясь вѣрнымъ Востоку, не побоялся олицетворить часто отвѣденныя сущности, и призналъ особенныя личности въ томъ, въ чемъ Гегель видѣлъ только преемственные моменты всеобщей жизни. Мы не хотимъ сказать этимъ, что гениальнѣйшій изъ метафизиковъ новаго времени почерпнулъ основаніе для своей системы въ гностическихъ теоріяхъ. Мы хотимъ этимъ обозначить только, какъ поле метафизики опредѣленно, въ какомъ пунктѣ духъ члвчскій сходится. Когда думаютъ достигать самой высокой степени оригинальности, часто выходитъ, что только облачаютъ въ новую форму заблужденіе, или истину, забытыя вѣками. Съ другой стороны, мы хотимъ сказать этимъ, что теоріи гностицизма вовсе не такъ неплны, какъ можетъ казаться на первый разъ...

смѣсь матеріи, души и духа ¹⁾. Въ отношеніи къ Мудрости міръ этотъ тоже, что копія въ отношеніи къ своему оригиналу: это—далеко несовершенный образъ первообраза, который и самъ по себѣ уже чрезвычайно далекъ отъ совершенства. Матерія есть самое низшее и самое грубое начало въ земномъ мірѣ; духъ—самое высшее; душа—посредствующее между тѣмъ и другимъ. Человѣкъ слагается изъ всѣхъ этихъ трехъ началъ: отъ того жизнь его полна такого разнообразія и такихъ противорѣчій. Матерія влечетъ его къ землѣ, духъ—къ небу, душа удерживаетъ его на среднѣхъ, однаково препятствуя ему и погрязнуть въ чувственности и войти во внутреннѣйшее общеніе съ міромъ божественнымъ, къ которому стремится духъ. Хотя въ природѣ каждаго человѣка находятся всѣ эти три начала—духъ, душа и матерія: однако же въ различныхъ недѣлимыхъ возможно преобладаніе то одного, то другаго, то третьяго начала, и преобладаніе каждаго изъ нихъ владетъ совершенно особенную печать на всю нравственную жизнь человѣка, даже на самое существо его, такъ что весь родъ человѣческій можно, на этомъ основаніи, раздѣлить на три совершенно-отличныя между собою класса: на людей духовныхъ, въ которыхъ преобладаетъ духъ, душевныхъ, въ которыхъ господствуетъ душа, и чувственныхъ, въ которыхъ беретъ перевѣсъ начало матеріальное ²⁾. Гностики, или истинные христіане принадлежать къ первому классу, іудей—къ второму, язычники—къ третьему. Это не значитъ, однакоже, что каждый рождающийся въ об-

¹⁾ Происхожденіе міра отъ мудрости Валентинъ объясняетъ различными мірами и па скупится на метафоры, чтобы выразить мысль свою рельефнѣе (см. у св. Прич. adv. Haeres., 1, 2, 2). Освобождая его мысль отъ всѣхъ міровъ и метафоръ, мы приходимъ къ заключенію, что міръ, по его представленію, есть не что иное, какъ вышнее ограниченіе Божества. Чит. Histoire de la philosophie chrétienne, par Ritter, t. 1, p. 192 et sqq.

²⁾ Св. Прич. adv. Haeres., 1, 7, 5.

шесть христіанскомъ, или іудейскомъ, или языческомъ уже тѣмъ самымъ обреченъ на жизнь духовную, или душевную, или чувственную. Не только на ветхозавѣтныхъ пророковъ, но и на греческихъ мудрецовъ Валентинъ смотритъ, какъ на истинныхъ гностиковъ, людей духовныхъ. Дѣло въ томъ только, что христіанство, іудейство и язычество, каждое, понимаемое въ своей чистотѣ, имѣетъ свой особенный характеръ, служить выраженіемъ особеннаго начала; но частныя исключенія возможны вездѣ. Среди голыхъ пустынь, характеризующихся обыкновенно отсутствіемъ всякой растительности, встрѣчаются иногда, къ удивленію путника, по необъяснимой игрѣ природы, прелестныя оазисы, богатые самой разнообразной растительностью: что удивительнаго, если и среди язычества, погруженнаго въ чувственность, или среди іудейства, служащаго выраженіемъ душевнаго начала, встрѣчаются лица, отмѣченные особеннымъ перстомъ благодати, живущіе жизнью вполне духовною? Но не собственными усиліями дѣлается человекъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Никогда не переимѣнитъ зоионъ своей кожи и рысь своей пестроты: такъ точно никто не можетъ ни какими усиліями своей свободы измѣнить въ себѣ тѣ свойства своей природы, съ которыми онъ первоначально явился въ этомъ мірѣ: каждый отъ природы уже рожденъ тѣмъ, чѣмъ ему должно быть. Такимъ образомъ люди *духовные* отъ природы предназначены къ нравственному совершенству и къ полнѣйшему постиженію божественныхъ таинъ, или къ гносису: для нихъ паденіе не возможно. Люди *чувственные* также отъ природы обречены на дѣла плоти, на вѣчную тьму умственную и нравственную: для нихъ не возможно возстаніе изъ этой тьмы. Только люди *душевные*, и то опять въ силу самой природы своей, средней между духомъ и матеріей, постоянно, такъ сказать, колеблются между двумя крайностями: то падаютъ, то встаютъ, — то предаются разврату, то заглаждаютъ грѣхи свои

покаяніемъ, такъ, впрочемъ, что они никогда не могутъ ни погрязнуть совершенно въ чувственности, ни жить жизнью вполне духовною. Если такъ, то зачѣмъ пужно было пришествіе Искупителя? Въ чемъ состояло совершенное Имъ искупленіе?—Спаситель приходилъ не за тѣмъ, чтобы измѣнять вѣчные законы божества, чтобы дать новое сердце и новый духъ людямъ, увѣровавшимъ въ Него: и послѣ пришествіа Христа, какъ и прежде, одна часть человѣчества (даже среди общества христіанскаго) по самой природѣ своей предана дѣламъ плоти, всецѣло поглощена интересами быта матеріальнаго, другая не возносится выше интересовъ жизни общественной, слѣдовательно живетъ жизнью душевною, и только избранные достигаютъ совершеннѣйшаго знанія и совершеннѣйшей добродѣтели. Еще менѣе можно сказать, что Искупителю нужно было въ собственномъ лицѣ указать людямъ высочайшій образецъ добродѣтели, примѣръ совершеннѣйшей святости, которому должны подражать вѣрующіе; если каждый отъ природы уже рожденъ тѣмъ, чѣмъ ему быть должно, то что можетъ значить въ такомъ случаѣ примѣръ? Итакъ, все дѣло Искупителя состояло въ томъ, чтобы Своимъ ученіемъ сблизить и соединить въ видимомъ обществѣ всѣхъ истинно-вѣрующихъ, или гностиковъ, которые были и до Его пришествіа, но міръ не зналъ ихъ и они не знали другъ друга; тамъ и здѣсь являлись они то какъ первосвященники и жрецы религіи, то какъ пророки и учителя народныя, то какъ цари и законодатели, образуя такимъ образомъ изъ себя невидимую церковь Невидимаго Бога ¹⁾. Христосъ всѣхъ вѣрующихъ соединилъ между собою и такимъ образомъ основалъ видимую церковь. Впрочемъ, только люди духовныя, гностики могутъ быть названы членами этой церкви въ истиннѣйшемъ, совершеннѣйшемъ смыслѣ; только имъ принадлежитъ совершеннѣй-

¹⁾ Св. Ирив. 1, 1, 7.

шее знаніе тайнъ христіанства: толпѣ недоступно оно. Для истиннаго гностика благодать не есть что-нибудь внѣшнее: она составляетъ одно съ самимъ существомъ его. Природа гностика подобна чистому золоту: никакія искушенія не могутъ измѣнить красоты ея. Эти начала, болѣе или менѣе общія и другимъ гностическимъ сектамъ, но въ особенности развитыя Валентиномъ, объясняютъ намъ непомѣрную гордость гностиковъ, ихъ глубокое презрѣніе къ простымъ вѣрующимъ, ихъ совершеннѣйшее безразличіе къ чувственнымъ дѣйствіямъ и даже ко всякой здоровой дѣятельности ¹⁾; потому что, будто бы, тотъ или другой образъ дѣятельности никогда не можетъ ни привести насъ къ Богу, ни удалить отъ Него ²⁾. Удовольствія чувственыя и заботы о матеріальномъ бытѣ гностики предоставляютъ людямъ чувственнымъ; практическую жизнь, заботы о благѣ общественномъ, о счастья ближнихъ — людямъ душевнымъ; на свою долю они оставляютъ одно созерцаніе. Созерцаніе есть единственное занятіе, достойное гностика; экстазъ есть единственная служба, угодная Богу. Богослуженіе внѣшнее можетъ имѣть свое значеніе для людей, недостигшихъ совершеннаго знанія: ихъ душѣ нужно, по крайней мѣрѣ, сквозь символы и образы проникать въ тайны божественной жизни ³⁾. Но для истиннаго гностика, которому доступно созерцаніе, не нужно никакое посредство: онъ можетъ взойти на такую высоту совершенства, что внутри собственнаго существа будетъ созерцать Бога лицомъ къ лицу.

Нѣсколько особенный оттѣнокъ принимаетъ гностицизмъ у Маркіона. И у него, правда, встрѣчаемъ тоже ученіе объ

¹⁾ Св. Ирм. adv. Haeres. 1, 6, 2.—3, 4.

²⁾ Св. Ирм. adv. Haeres. 1, 6, 2. Οὐ γὰρ Πράξις εἰς πλήρωμα Ἐισάγει.

³⁾ Ibid.

эманацияхъ, что и у другихъ, но онъ не придаетъ этой части своей системы никакого значенія. Вся дѣль его, по видимому, состоятъ въ томъ, чтобы поставить рѣзкую грань между христіанствомъ и іудействомъ ¹⁾. Маркіонъ такъ былъ пораженъ святостію христіанства, видѣлъ въ немъ такое возвышенное, несомнѣнно-божественное откровеніе и, какъ бы, такою любовію плѣнился къ нему, что ни въ язычествѣ, ни въ іудействѣ не хотѣлъ находить ничего подобнаго ему, или убазывающего на него. Даже весь физическій міръ и весь нравственный порядокъ міра человѣческаго до пришествія на землю Христа показались ему такъ мелкими, ничтожными, несовершенными въ сравненіи съ высокой идеей устроеннаго на землѣ Христомъ царства Божія, что онъ не могъ не признать ихъ произведеніемъ какого-то другаго Бога, а не того, который открылся въ христіанствѣ. Онъ различалъ, поэтому, Творца міра и Бога іудейскаго, какъ существо низшее,—хотя могущественное, но не всемогущее, строгое и справедливое, но не святое и любящее существо, отъ небеснаго Отца, Который открылся во Христѣ и Который—весь могущество, весь святость и любовь. Въ дѣлахъ творца міра, по Маркіону, вездѣ ограниченность, которая не могла возвыситься до высочайшихъ идей, тѣмъ менѣе могла осуществить эти идеи,—вездѣ безсиліе, которое не могло побѣдить сопротивленія матеріи и злыхъ духовъ,—вездѣ суетность, разрушающая самое себя. И человѣкъ, который не имѣлъ въ себѣ, да и не могъ имѣть, по естественному порядку, ничего такого, чѣмъ возвышался бы онъ надъ своимъ Творцемъ, не могъ по этому самому противостоять внушеніямъ злаго духа, и потому согрѣшилъ, предался суетности и на каждомъ шагу испытывалъ свое безсиліе и въ познаніи и

¹⁾ Маркіонъ жилъ въ Малой Азіи, гдѣ довольно было христіанъ іудействующихъ, и первоначальная его дѣятельность была направлена противъ этихъ христіанъ.

въ дѣлѣ. Такъ какъ прежнее твореніе и весь нравственный порядокъ ветхозавѣтнаго міра не принадлежали высочайшему Богу и не выражали Его идей, то изъ разсмотрѣнія ихъ человѣкъ никогда не могъ бы придти къ познанію этого Бога. И потому, какъ полнота любви Онъ, изъ любви къ человѣку, искавшему и не находившему Его, благоволилъ открыться въ определенное время чрезъ самого Себя, и сдѣлалъ это во Христѣ. На христіанское откровеніе, поэтому, Марціонъ смотритъ, какъ на совершенно новое твореніе и отрываетъ его отъ всякой исторической связи съ Вѣтхимъ Завѣтомъ, не желая признать въ послѣднемъ никакихъ пророчествъ и указаній на Христа и отвергая его совершенно. Но изъ этого естественно слѣдовало, что и христіанскаго откровенія онъ, вмѣстѣ съ другими гностиками, не принималъ въ его истинномъ, историческомъ смыслѣ,—понималъ его произвольно и превращалъ въ призракъ и обманъ все, на чемъ держится наша вѣра, какъ это обыкновенно дѣлаетъ всякое ученіе о Христѣ, которое, теряясь въ умозрѣніи, чуждается историческихъ основъ.

Этотъ бѣглый очеркъ извѣстнѣйшихъ системъ гностическихъ даетъ уже намъ понятіе общій характеръ и стремленія гностицизма. Вышедши первоначально изъ ученія апостольскаго, поставивши для себя цѣлю развить его и привести въ систему, гностицизмъ на самыхъ же первыхъ порахъ потерялъ изъ виду и свое происхожденіе и свою цѣль, вдався во всѣ крайности самаго отчаяннаго мистицизма и простоту евангельскаго ученія принеся въ жертву дерзкимъ умозрѣніямъ востока. Тоже было бы и съ христіанствомъ, если бы оно какими-нибудь несчастными обстоятельствами было увлечено на тотъ путь, по которому пошли гностики. Это высокое, но крайне отвлеченное и безжизненное понятіе о первой причинѣ всѣхъ вещей; эта величественная система эманаций, въ которой погибла соновная идея христіанства, идея воплотившагося Слова; этотъ

богатый, но уродливый символизм, который заимствовали гностики, для выясненія своего ученія, на востокъ; эта странная космологія, которая смотрѣла на міръ, какъ на произведеніе злаго начала и видѣла въ немъ только безпорядокъ, суетность, зло; это, смѣшанное съ болзнію, презрѣніе къ матеріи; этотъ индифферентизмъ въ дѣлѣ нравственности, часто граничившій съ полной разнузданностью плоти; эта непомѣрная гордость, воскресившая различіе кастъ и плоды искупленія относившая только къ избранному поколѣнію людей; этотъ необузданный мистицизмъ, который думалъ, независимо отъ добродѣтели, на крыльяхъ одного созерцанія перенести человѣка въ самое лоно Божества ¹⁾ и которому однагоже нивагъ не удавалось сокрушить тѣхъ безчисленныхъ преградъ, которая система эманаций воздвигла между Богомъ и человѣкомъ; эта метафизика заоблачныхъ грезъ, туманныхъ гаданій разума о томъ, что дается понимать только вѣрѣ; эта мораль суроваго аскетизма, полагавшая, что къ Богу можно приблизиться только путемъ совершеннѣйшаго удаленія отъ міра и всецѣлаго подавленія тѣлесной природы,—все это было противно простому, въ высшей степени практическому и глубоко-соціальному и народному духу евангельскаго ученія. Могло ли христіанство принять теологію, которая, по выраженію Плотина, хотѣла привести къ Отцу, минуя Сына? Могло ли оно помириться съ психологіей, которая признавала существовавшее неравенство людей и заботилась только объ избранныхъ натурахъ? Наконецъ, могло ли оно, при всей вѣрѣ своей въ существованіе другаго міра и другой жизни, смотрѣть на этотъ міръ, среди котораго живетъ теперь и воспитывается для

¹⁾ Уже Плотинъ осуждалъ въ гностикахъ этотъ мистицизмъ, справедливо замѣчая, что только добрая жизнь можетъ привести насъ къ Богу; что безъ добродѣтели Богъ для насъ—одно простое имя. *Ἀρετὴ μὲν ὄν ἐἰς τέλος προῖσται, καὶ ἐν ψυχῇ ἐγγυσιμένη μετὰ φρονήσεως, θεὸν δέκκεσθαι ἀνευ δὲ ἀρετῆς ἀληθινῆς θεὸς λεγόμενος ὄνομα ἔστιν.* Еван. II, IX, 15.

другой жизни человечество, какъ на область духа злобы? Гностицизмъ уничтожалъ все христіанство. Простая вѣра евангелія, доступная даже дѣтямъ (Мате. XI, 25), въ немъ затемнялась такимъ мистическимъ символизмомъ, въ смыслъ котораго могли проникнуть только немощіе. Богъ, изъ Отца и Промыслителя, становился здѣсь отвлеченною сущностію, мертвымъ единствомъ, чуждымъ всякой жизни и всякаго прямого отношенія къ міру, — совершенно неспособнымъ для человѣческаго ума и безучастнымъ ко всѣмъ страданіямъ человѣческаго сердца. Самый существенный догматъ христіанства, догматъ о воплощеніи, здѣсь искажался въ самомъ основаніи. Гностики вообще или дѣлали лицо Христа на два лица, человѣческое и божеское, не соединя въ Немъ двухъ природъ ипостасно, или тѣлесную Его природу считаютъ просто призракомъ, — то есть, впадаютъ въ докетизмъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ у нихъ искажается основная идея христіанства, погибаетъ возвышающій человѣка надъ нимъ самимъ и однако не подавляющій его образецъ человечества, прославленнаго въ Иисусѣ. Христъ до единенія съ Божествомъ, — и начало здраваго христіанскаго правоученія, которое основывается только на этой идеѣ, начало, по которому отъ христіанина требуется, чтобы онъ сообразовался Христу и чрезъ это тѣснѣе и тѣснѣе, искреннѣе и искреннѣе приобщался божественной жизни, и которое, хотя ведетъ за собой борьбу съ плотію, но не попраніе и уничтоженіе ея, — въ ихъ системахъ не могло имѣть никакого мѣста.

Основное заблужденіе гностицизма, изъ котораго вытекли всѣ его крайности состоитъ въ *дуализмѣ*, или принятіи двухъ враждебныхъ началъ, добра и зла, свѣта и тьмы, духа и матеріи. Это ученіе, чисто восточное, по преимуществу было развито въ первые вѣка христіанской Церкви, съ самой безпощадной послѣдовательностію, Манихеями; но его зародышъ находился уже въ системахъ Сатурнина, Василида, Валентина,

Маркіона ¹⁾. Своимъ происхожденіемъ это ученіе обязано заносчивости мысли, стремившейся понять противорѣчіе временнаго и вѣчнаго, идеи и явленія, и тѣмъ разрѣшить загадку всей человѣческой мудрости, тогда какъ только вѣрой можно стать выше этого противорѣчія. Но если человѣкъ не сознаетъ своего безсилія и хочетъ стать выше, вѣмъ ему позволено: то дѣло обыкновенно кончается тѣмъ, что онъ только тѣмъ глубже падаетъ. И въ силу этого-то закона, дуализмъ, въ какой бы формѣ онъ ни являлся, въ основѣ своей всегда есть не что иное, какъ дѣтскъ-наивная, пустая и безсознательная абстракція того, что извѣстно каждому, то есть, что есть противорѣчіе въ натурѣ видимыхъ нами вещей, что никакое явленіе не выражаетъ вполне идеи и рядомъ съ добромъ идетъ всегда и зло. А между тѣмъ изъ этой непомерной заносчивости мысли въ гностикахъ вытекли всѣ крайности ихъ системы. Не другое что-нибудь, а именно принятіе двухъ, кореннымъ образомъ различныхъ между собой началъ не позволяло гностикамъ признать въ лицѣ Іисуса Христа иностасное соединеніе божеской природы съ человѣческой. Но той же самой причинѣ не могли они представить себѣ, какимъ образомъ человѣкъ, оставаясь человѣкомъ, существомъ, состоящимъ изъ духа и тѣла, можетъ достигать богоподобія, которое указано ему, какъ послѣдняя, высочайшая его цѣль. Пожертвовавъ для своей мысли человѣческой природой во Христѣ, они думали, что и человѣкъ можетъ возвышаться къ богоподобию, какъ своей цѣли, только совершеннѣйшимъ и всецѣлымъ подавленіемъ своей тѣлесной природы, въ которой, будтобы, имѣетъ свое пребываніе зло.

¹⁾ Нужды нѣтъ, что у нихъ злое начало существуетъ не отъ себя, но самобытно: все же оно составляетъ совершенную противоположность хорошаго начала и находится съ нимъ въ безпрерывной борьбѣ, а это уже дуализмъ, дуализмъ, правда, не абсолютный, но, можетъ быть, только потому, что для разума человѣческаго и невозможенъ дуализмъ послѣдняго рода.

Пока существовала какая-нибудь связь между духомъ и матеріей, то есть, пока человѣкъ оставался человѣкомъ, а не изувѣреннымъ фанатикомъ, сплящимся разрушить ту чудную гармонию, которая устроена самимъ Богомъ въ соединеніи въ немъ двухъ природъ, онъ, по ихъ представленію, не достигалъ своей цѣли. Отсюда самый мрачный и суровый аскетизмъ, самая безпощадная строгость къ требованіямъ тѣлесной природы, строгость, противъ которой слишкомъ громко вопіеть чувство каждаго, и какъ человѣка и какъ христіанина ¹⁾. Но съ другой стороны крайнее презрѣніе къ плоти, въ связи съ свойственной гностицизму чрезмѣрной любовью къ свободѣ, могло вести и къ совершенно противоположному нравственному воззрѣнію, — къ крайней разнузданности и индифферентизму въ дѣлѣ нравственности. Если уже нарушена связь, соединяющая духъ и тѣло, если совершенство человѣка полагается въ освобожденіи духа отъ матеріи: то можно было чувственное наслажденіе, какого бы рода оно ни было, считать чѣмъ-то вовсе не касающимся духа и поэтому всѣмъ пожеланіямъ дать свободный

¹⁾ Въ необходимости подобной строгости согласны почти все гностики, и различаются только степенью ея. Василіды въ этомъ случаѣ еще не зашелъ слишкомъ далеко; но послѣдователи Валентина и Сатурнина воздерживались уже отъ брака и употребленія мяса, чтобы избѣжать по возможности соприкосновенія съ матеріей и сдѣлаться болѣе способными къ общенію съ Богомъ. Не смотря на эту прекрасную цѣль, Церковь православная изрекла свою анафему на всѣхъ подобныхъ аскетовъ, на томъ совершенно справедливомъ основаніи, что видѣла здѣсь презрѣніе къ творенію Божию. Офиты (секта, выродившаяся изъ гностицизма) думали, что не слѣдуетъ болѣе дѣтороженіемъ расширять царство Диміурга, а напротивъ надобно заботиться, чтобы чрезъ воздержаніе сокращать предѣлы этого царства, разбѣянные лучи свѣта собирать въ себѣ и съ собой возводить обратно къ Источнику Свѣта. Совершенные, крещенные христіане Марсіона должны были воздерживаться отъ брака, какъ дѣла демонскаго и вообще вести самую суровую жизнь. Эпикратиты (тоже гностическая секта) также считали бракъ дьявольскимъ учрежденіемъ, и вино—выдумкой князя тьмы. О Маликсахъ нечего и говорить.

ходъ и не стѣсняться никакимъ цинизмомъ, какъ это и было у нѣкоторыхъ сектъ, выродившихся изъ гностицизма (напр. у Офитовъ); или, если преувеличивали христіанскую идею свободы отъ вѣшняго исполненія закона, и всю нравственность полагали только въ вѣрѣ и созерцаніи: то все прочее можно было считать безразличнымъ, какъ это видимъ у другихъ (отчасти уже и у послѣдователей Валентина, а особенно— Карпократа ¹⁾).

Все это даетъ понимать намъ, насколько гностическія системы далеки были отъ истиннаго пониманія христіанства. Гностицизмъ, если бы слился съ христіанствомъ, не только искажалъ бы основные его догматы, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ бы его всякой будущности, низведши эту новую церковь, которой суждено принять въ свои объятія всѣ народы міра и соединить въ своихъ нѣдрахъ всѣ общественныя сословія, въ рядъ мистическихъ сектъ, которыя никогда не могутъ имѣть важнаго значенія въ исторіи. Христіанство поняло грозившую ему со стороны гностицизма опасность и, не плѣняясь видимымъ блескомъ и богатствомъ системъ гностическихъ, навсегда прервало съ нимъ связь и вступило съ нимъ въ непримиримую борьбу. Лившись на востокъ, но имѣя великую цѣль спасенія всего міра, оно поняло, что для этой цѣли ему вовсе не нуженъ восточный мистицизмъ и символизмъ. Ученіе, проповѣданное Господомъ Иисусомъ Христомъ и Его апостолами, требовало не мистическихъ покрововъ, которые закрывали бы его смыслъ для простаго разума вѣрующихъ, а выясненія его

¹⁾ Настоящую средину во взглядѣ на чувственность сохраняла Церковь православная, которая хотя и считаетъ господство духа надъ плотію необходимымъ для истинной нравственности, однако не требуетъ совершеннаго подавленія плоти, — требуетъ очищенія, а не поправія, справедливо думая, что и она, вмѣстѣ съ человѣческимъ духомъ, преобразуясь Духомъ божественнымъ, можетъ стать Его храмомъ, чистымъ сосудомъ благодати; почему и въ воскресеніи даетъ ей участіе.

сущности, здраваго логическаго раскрытія его началъ, трезваго вниманія въ его смыслъ. Для такой цѣли христіанству могли послужить не теософическія системы востока, а трезвая мысль грековъ, логически развитыя понятія Платона, Аристотеля и другихъ греческихъ философовъ. Христіанству нужны были не начала, а форма, не основанія, а методъ. За этимъ нужно было обратиться не на востокъ, а на западъ.

П. Рублевскій.

(Продолженіе будетъ.)

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ПЕРІОДЪ
МОНГОЛЬСКІЙ.— *Пресвященнаго Макарія, архіепископа
Харьковскаго.*—Духов. Вѣст. 1862 года январь,
февраль, мартъ и апрѣль.

Исторія русской духовной литературы до сихъ поръ неизвѣстна у насъ, какъ особая, самостоятельная наука. Труды нашихъ прежнихъ писателей, особенно старинные памятники письменности такъ мало извѣстны, такъ мало изслѣдованы и разобраны, что составлять по имѣющимся у насъ даннымъ исторію литературы, дѣйствительно, по выраженію пресвященнаго Филарета, было бы «дѣломъ не умнымъ» ¹⁾. Дневниннымъ кажется въ наши дни человѣкъ, задающій дѣлому обществу, какъ неслыханную, свѣжую новость, школьные вопросы: что такое исторія русской духовной литературы? о чемъ она должна говорить? ²⁾. А между тѣмъ, дѣйствительно, эти вопросы свѣжи, неслыханны у насъ. Гдѣ причина такого забвенія предмета, повидимому, одного изъ самыхъ важныхъ? Отъ чего такъ вяло и медленно идетъ у насъ разработка памятниковъ нашей письменности? Причина, кажется, проста. Исторія возможна только для прошедшаго, наше сознаніе тогда только можетъ ясно и отчетливо анализировать какой либо свой моментъ, когда этотъ моментъ уже закончился, и есть фактъ

¹⁾ Обзоръ рус. духов. литер.—Филарета, стран. 1.

²⁾ Православ. Обзоръ, 1862 года.

совершившейся, прошедшей. Можно ли это сказать по отношению къ текущей духовной литературѣ? Законченъ ли вполнѣ прежній характеръ ея? Она до сихъ поръ находится подъ замѣтнымъ господствомъ схоластической отвлеченности. По этой зависимости текущей литературы отъ прежней, первая не имѣетъ въ себѣ достаточно силы овладѣть содержаніемъ и строитъ послѣдней, подробно и безпристрастно анализировать ее. Тѣмъ не менѣе, однако, болѣе и болѣе становится замѣтнымъ, что это безусловное господство прежней литературы проходить, что мы ближе и ближе подвигаемся къ тому времени, когда она станетъ для насъ прошлымъ, фактомъ законченнымъ, когда мы начнемъ писать ея исторію.

Послѣ митрополита Евгенія, бывшаго въ продолженіи 30 лѣтъ единственнымъ дѣятелемъ на этомъ, имъ же проложенномъ пути, трудившимся впрочемъ въ задачахъ общенесторическихъ, послѣ косвенныхъ услугъ филологовъ и историковъ возникшихъ, почти разомъ выступили три даровитые человѣка, немаломо работающіе на этомъ пути. О. Горскій, выѣхавъ съ г. Невоструевымъ, въ своемъ описаніи рукописей московской синодальной библіотеки дали намъ превосходный образецъ того, что требуется прежде и болѣе всего при обращеніи къ памятникамъ литературы, и безъ чего невозможно разборъ и оценка ихъ,—образецъ первыхъ и существенныхъ приемовъ исследования содержанія и значенія памятниковъ. Механическая сторона исторіи литературы доведена ими до такой степени, до которой не доходили прежніе наши библіографы.— Но трудъ Горскаго и Невоструева, равно какъ труды другихъ библіографовъ и издателей старинныхъ памятниковъ, имѣютъ въ виду задачи общенесторическія, они равно производятся для археологіи, филологіи, исторіи гражданской и церковной и подобны элементъ литературный не получаетъ въ нихъ своихъ правъ, своей личности и самостоятельности, расплываясь въ этихъ

общихъ задачахъ. Понятіе о литературѣ, какъ особой области, нужда и требованіе для нея своей исторіи являются въ такихъ трудахъ, въ которыхъ памятники сводятся и описываются, какъ произведенія мысли, съ цѣлію послужить опредѣленію и постепенному развитію этой мысли. Такую услугу для исторіи русской духовной литературы, послѣ *Словаря* митрополита Евгенія, дѣлаетъ особенно *Обзоръ русской духовной литературы*—преосвященнаго Филарета. Обзоръ тѣмъ прежде всего для насъ важенъ, что заявляетъ въ первый разъ необходимость исторіи духовной литературы, какъ особой науки; съ нимъ начинаются у насъ толки объ этой наукѣ, изслѣдуются ея задачи, объемъ, приемы и подоб. Другая заслуга его въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что онъ представляетъ необходимую справочную книгу для занимающагося исторіею духовной литературы. Свѣтская литература до сихъ поръ не имѣетъ подобнаго, по возможности полнаго свода всѣхъ литературныхъ явленій. *Словарь о російскихъ писателяхъ*—Новикова, *Пантеонъ*—Карамзина, *Словарь*—мит. Евгенія, *Библиографія*—Сопикова и подоб. до того скудныя пособія, что и *Исторія литературы*—Греча дѣлается при нихъ необходимою. *Обзоръ* при всей своей неполнотѣ, при односторонности взгляда на нѣкоторыя эпохи историческіе, при неудовлетворительности нѣкоторыхъ мѣстамъ критики, все такъ имѣетъ для насъ цѣну, какъ полнѣйшій сводъ явленій русской духовной литературы, и повнѣтъ у насъ другихъ болѣе удовлетворительныхъ пособій такого рода, будемъ благодарны и за это.

Преосвященный Макарій идетъ дальше; для него возможность исторіи духовной литературы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ея частяхъ, болѣе доступныхъ ему и имъ самимъ изслѣдованныхъ, — фактъ рѣшенный. Представивъ въ своей *Исторіи русской церкви* очеркъ исторіи духовнаго просвѣщенія и литературы до-монгольскаго періода, онъ теперь даетъ

взмъ такой же очеркъ литературы дальнѣйшей, періода монгольскаго. Въ самомъ дѣлѣ, неужели, пока нѣтъ у насъ полныхъ бібліографій, не описаны рукописи, не разобраны важнѣйшіе памятники, не должно и не возможно приниматься за очеркъ какого нибудь литературнаго періода? Съ одной стороны, такое требованіе много вредитъ самому дѣлу. Общество живеть не процессомъ, а результатомъ науки, и само тогда поспѣшитъ изъ крохъ, предлагаемыхъ подготовительными работами, составить для себя какое нибудь блюдо. Можно судить, какое выйдетъ блюдо. Не смотря на значительныя подготовительныя работы для нѣкоторыхъ отдѣловъ исторіи духовной литературы, какихъ нелѣпостей не проповѣдуютъ въ обществѣ объ этихъ отдѣлахъ, напримѣръ о литературѣ древней? Одни видятъ въ ней противорѣчіе, враждебность русской народности, мертвенность и неподвижность, обезсилившія здоровую русскую мысль, оковы для всякой энергіи и свободнаго развитія. Со времянь Бѣлинскаго каждый джентльменъ, со словъ толстыхъ и тоненькихъ журналовъ, и каждый гимназистъ, по внушенію учебника, думаетъ такъ, или почти такъ. Другіе впадаютъ въ противоположную крайность; принимаясь съ пыломъ защищать духовную литературу, они дѣлаютъ ей услугу такую же, какую оказалъ усердный мишка пустыннику (въ баснѣ Крылова). Видя въ древней литературѣ повсюду только дыханіе Духа Божія, открывая въ ней подъ часъ глубину философскаго мышленія, до которой не доходили и лучшіе германскіе философы, они не отвергаютъ фактовъ, приводимыхъ упомянутыми ихъ противниками, какъ мотивовъ и результатовъ духовной литературы, и только набрасываютъ на нихъ свой колоритъ: въ рабствѣ они видятъ возвышенную преданность, смиреніе христіанское, какъ основу общественнаго быта, въ отчужденіи отъ западной цивилизаціи—самобытность, независимость жизни, вытекающую изъ началъ православія, въ клику-

шествіе (Шевыревъ) — выраженіе глубочайшаго благоговѣнія русскаго человѣка къ таинству евхаристіи и подоб. Объясняя подобные факты изъ вліянія церковнаго, они вызываютъ въ людяхъ противной партіи только болѣе рѣзкіе приговоры о духовной литературѣ. — Какой вредъ отъ такихъ приговоровъ для усиленнаго хода исторіи духовной литературы, объ этомъ не считаемо нужнымъ и говорить. Что эти приговоры могутъ быть направлены на основаніи тѣхъ данныхъ, какіе мы имѣемъ теперь, это такъ же не подлежитъ сомнѣнію. Пускай такой очеркъ будетъ неполонъ, во многомъ неточенъ, пускай онъ представитъ только выводъ изъ готоваго матеріала; если этотъ выводъ сдѣланъ безпристрастно, не полученъ случайно, не заданъ напередъ, какъ это видимъ во всѣхъ почти имѣющихся у насъ очеркахъ древней литературы, онъ будетъ имѣть большую цѣну и для науки, направляя изслѣдованія ея ближе къ дѣлу, и для общества, сбивая случайно составленныя въ немъ понятія о своемъ предметѣ. Съ другой стороны, если возьмемъ во вниманіе средства пр. Макарія — его собственную довольно порядочную бібліотеку древнихъ духовныхъ рукописей, его знакомство съ рукописями бібліотеки публичной и друг. съ древнею исторіею, его возможность имѣть лучшія и необходимыя пособія и источники; то согласимся, что приниматься за очеркъ литературы какого либо древняго періода имѣть возможности каждому другому лицу, но не ему. Отъ пр. Макарія мы въ правѣ ожидать такого труда.

Пр. Макарій выбралъ интересный эпизодъ въ древней литературѣ. Періодъ, источно называемый у насъ монгольскимъ, представляетъ стремленіе разнородныхъ и разрозненныхъ элементовъ прежняго быта къ объединенію, — они сложились и опредѣлили общественныя отношенія и механизмъ всей послѣдующей жизни древней Руси. Духовной тогдашней литературѣ принадлежитъ большое участіе въ этомъ опредѣ-

жизни древнерусскаго быта. Въ настоящее время, когда литература наша сознала необходимость въ сближеніи съ народомъ, чтобы передать ему результаты, добытые ею, и взаимно оживить себя новыми силами изъ народной жизни, анализъ этой жизни смотритъ на этотъ періодъ, какъ на срединный пунктъ въ ней, здѣсь видить процессъ, въ которомъ преобразовалась предъидущая и опредѣлилась послѣдующая народная жизнь. Духовная литературѣ оны дасть въ этомъ процессѣ наибѣйшее участіе. Современныя изслѣдованія даютъ два противоположныхъ взгляда на эту литературу. Г. Буслаевъ рѣшилъ, что вліяніе духовной литературы на народную поэзію и жизнь достигло своего значенія въ этомъ именно періодѣ и творчески пересоздало ихъ. Предъидущая литература чуждалась народной поэзіи и преслѣдовала ее, какъ бѣсовскую; взаимно-народная жизнь далеко была отъ духа религіи, и почивала на древнемъ язычествѣ. Въ XIII—XV вѣкѣ творческій духъ народной фантазіи проникаетъ въ замкнутое святилище грамотника, а книжное ученье нисходитъ до поэтическихъ интересовъ цѣлаго народа; духовная литература и народная поэзія тогда помирились, наступилъ новый періодъ для народа и народности. Мѣсто эпоса заступаютъ житія, повѣсти духовныя, сказанія, легенды религіознаго содержанія, поученія и т. под., въ которыхъ эническіе элементы соединены съ христіанскими. Духовная литература внесла въ народную жизнь свои идеалы, и взаимно получила отъ нея поэтическій тонъ и стиль. Византія вліяла здѣсь много и благотѣльно, доставила много матеріала, способнаго развиться у насъ, какъ развилась романская и германская литература изъ церковныхъ источниковъ. Исторически, такимъ образомъ, церковно-византійское вліяніе въ русской жизни было необходимо и полезно народу; пища, предложенная имъ, была здорова для него. Гдѣ это вліяніе представляется неудовлетворительнымъ, тамъ виновато не оно, а сами

русскіе, не умѣвшіе воспользоваться имъ. Г. Пытинъ изъ своихъ изслѣдованій выводитъ другое, противоположное рѣшеніе. Онъ признаетъ, что до XIII вѣка духовная литература и народная поэзія далеко были другъ отъ друга, что потому дѣйствительно народный эпосъ уступилъ мѣсто повѣстямъ, житіямъ, сказаніямъ и под., ослабѣлъ, измельчалъ и потерялъ первоначальный типъ и значеніе, и что въ произведеніяхъ дальнѣйшей литературы присутствуютъ элементы эпическіе наравнѣ съ христіанскими, является двосвѣріе. Но онъ утверждаетъ, что значеніе литературы преобразующей было для народной поэзіи и жизни не благотѣльнымъ, а вреднымъ. 1) Пока существовало между ними разъединеніе (XI—XII в.), явилось *слово о полку Игоревомъ*—произведеніе, въ которомъ эпосъ народный получилъ значительное развитіе и довольно стройное выраженіе. Это показываетъ, по его мнѣнію, что народная поэзія могла развиваться и сама по себѣ, безъ вліянія византійской литературы. 2) Переходъ къ сказаніямъ, житіямъ—къ литературѣ двосвѣрной былъ не примирительный, а насильственный. Духовная литература теперь съ большою силою преслѣдовала народную жизнь и поэзію; въ словахъ Серапіона (XIII в.) и «христіолюбцевъ» явилась дѣлая школа анти-языческой пропаганды. 3) Произведенія переродившейся литературы—мнимо народны; они являлись въ монастыряхъ, а не въ народѣ, и вліяли на него не содержаніемъ своимъ, котораго онъ не понималъ, а формою знакомою ему отчасти изъ его эпоса. Господство религіозной формы произвело въ народѣ только религіозныя предразсудки и суевѣрія, въ которыхъ онъ и заковывалъ. Съ другой стороны, послѣ *слова о полку Игоревомъ*, эпосъ народный жилъ только переводами, болѣе и болѣе мельчавшими. Новыхъ пѣсень народъ сложилъ весьма мало; только повторялъ старыя. Такимъ образомъ, народъ все больше и больше бѣднѣлъ и грубѣлъ. Таковы мнѣнія объ указанномъ

періодъ духовной литературы двухъ лучшихъ изслѣдователей литературной русской старины. При этой противоположности ихъ, весьма любопытно было бы выслушать и другія мнѣнія, событія самостоятельнымъ изученіемъ дѣла. Въ 40-хъ годахъ въ литературѣ нашей существовали такъ же два противоположныхъ взгляда на литературу древнюю, и оба они оказались несостоятельными предъ судомъ послѣдовавшихъ розысканій. Въ особенности любопытно выслушать мнѣніе пр. Макарія, мнѣющаго предъ другими изслѣдователями *духовной* литературы то преимущество, что, кромѣ обширныхъ познаній въ русской исторіи, онъ обладаетъ всесторонними свѣдѣніями въ богословіи.

Съ такими мыслями и ожиданіями принялись мы за чтеніе статьи пр. Макарія, «Русская духовная литература въ періодъ конгольскій». Но наши надежды и ожиданія не оправдались; новая статья пр. Макарія не только не устанавливаетъ определенности и полноты идеи исторіи духовной литературы, не только не приноситъ чего нибудь новаго для рѣшенія вопроса о смыслѣ и значеніи разсматриваемаго въ ней періода этой литературы, но еще болѣе запутываетъ и затемняетъ это рѣшеніе. Пр. Макарій разсматриваетъ свой предметъ не въ той его средѣ, отъ изслѣдованія которой зависитъ разъясненіе взгляда на него, правильное понятіе о немъ, онъ вовсе не касается жизненнаго значенія литературы, а останавливается только на ея отвлеченной сторонѣ. Разъ только, мимоходомъ, одною фразою упоминаетъ онъ про это значеніе ея. Вотъ это мѣсто. «*Нить сомнѣнія*, что наша тогдашняя литература, какъ мы не разъ замѣчали, отзывалась на потребности времени и въ проповѣдяхъ, и въ посланіяхъ, и въ историческихъ статьяхъ, и въ описаніяхъ путешествій. Но не можемъ сказать, чтобы она удовлетворяла современнымъ духовнымъ потребностямъ русскаго народа: отечественныя сочиненія были для этого слыш-

комъ малочисленны и мало распространены, отъ чего преимущественно и дошли до насъ въ такомъ ограниченномъ числѣ» (апрѣль, стр. 424). Вотъ и все отношеніе его къ этой существенной сторонѣ литературы, въ цѣломъ изслѣдованіи вѣтъ и прямаго помину о ней. Изложимъ пріемы и содержаніе статьи пр. Макарія.

Въ цѣлой массѣ тогдашнихъ литературныхъ произведеній, онъ беретъ для своего изслѣдованія только произведенія поучительнаго характера, т. е. проповѣди, посланія, а также житія и путешествія, насколько въ нихъ выразился элементъ поучительный. Все прочее опускаетъ; переводы свящ. Писанія и Отцевъ только перечисляетъ, не давая имъ прямаго вліянія и значенія въ литературѣ; лѣтописи, хронографы, сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, гдѣ живо характеризуется тогдашняя религіозная мысль, онъ относитъ къ *святской* литературѣ; не касается книгъ «отреченныхъ», а только говоритъ о происхожденіи и составѣ индекса ихъ. Въ этой скудной, отвлеченной средѣ пр. Макарій дѣлаетъ еще большее собраніе,—онъ видитъ духовную литературу только въ такихъ произведеніяхъ поучительнаго характера, которыя представляютъ чистую мысль христіанства, не удостоивая никакого вниманія тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ эта мысль сходится съ понятіями народа, его бытовыми представленіями, суевѣріями и предразсудками, и представляетъ тотъ процессъ, въ которомъ съ одной стороны выполнялась главная задача духовной литературы—постепенное преобразованіе народа въ духѣ христіанства, съ другой—выражалась степень ея усвѣховъ въ этомъ дѣлѣ. Поэтому то, онъ оставляетъ безъ вниманія такіа *сказанія* и *житія*, какъ напр. о Меркуріѣ смоленскомъ, о Петрѣ и Февроніѣ муромскихъ и др.,—такіа поученія, какъ напр. «о свѣхъ пощинныхъ», «объ исцѣленіи болѣзней муромъ»¹⁾ и под., находящихся въ тогдаш-

¹⁾ Памят. старин. рус. литературы. Т. 4.

нихъ сборникахъ,—наивныя представленія путешественниковъ о святыхъ Иерусалима и Византін, наконецъ—молитвы и другія ореченныя вещи, привившіяся къ практикѣ священнической. Изъ этого рода памятниковъ онъ упоминаетъ только о посланіи повгород. архіепископа Василія *о раѣ*, но не изясдуетъ мыслей, изложенныхъ въ немъ, и заботится только о томъ, чтобы читатель «не ставилъ въ угоръ нашему архіепископу мнѣнія о чувственномъ раѣ» и удовольствовался бы тѣмъ, что «есть въ посланіи Васильевомъ и здравос ученіе церкви о девяти знакахъ ангельскихъ, которые онъ перечисляетъ всѣ въ восхожденіемъ порядкѣ» (мартъ, стр. 299—301). Мысль о скорой кончинѣ міра, проходящая у многихъ тогдашнихъ писателей, и сильно дѣйствовавшая на состояніе умовъ, условливая ходъ многихъ литературныхъ понятій, для пр. Макарія не важна, онъ замѣтилъ только, что она ходила тогда по всему христіанскому міру.—Этотъ односторонній и ограниченный кругъ произведеній пр. Макарія разсматриваетъ только со стороны риторической: внѣшній составъ, языкъ, изложеніе—критеріумы для оцѣнки ихъ. Возьмемъ трактатъ его о Серапіонѣ, которому онъ даетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду тогдашнихъ писателей. Сказавши, что поученія Серапіона «не богаты содержаніемъ, очень сходны между собою, однообразны», и указавъ общій предметъ ихъ, онъ говоритъ далѣе, что «слова различаются между собою и по *составу*, и по *формѣ*, и нѣкоторыми частностями, и не одинаковымъ *выраженіемъ однихъ и тѣхъ же мыслей*. Проповѣдникъ говоритъ *просто, ясно, кратко, безъ многословія и риторизма*. Его рѣчь *сильна убѣжденіемъ*, проникнута *пастырскою ревностію и любовію*, и *отзывается современностію*. Характеръ его проповѣдей можно назвать *обличительнымъ*. Вотъ какъ напр., описываетъ Серапіонъ въ первомъ словѣ казни Божіи:...! (выписка изъ слова въ страницу). А вотъ обличеніе пороковъ и увѣщаніе къ покаянію во вто-

ромъ словѣ... (выписка въ полторы страницы). Въ третьемъ словѣ всего замѣчательнѣе изображеніе нашествія монголовъ... (выписка). Изъ четвертаго слова приведемъ обличеніе обычая сожигать волхвовъ... (выписка). Изъ пятаго—обличеніе обычая выгребать утопленниковъ и удушенныхъ: (выписка)». Этими и оканчивается трактатъ о сочиненіяхъ Серапіона. На основаніи этого разбора, Серапіонъ получаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между тогдашними писателями (мартъ, 277—283). Такъ разбираетъ пр. Макарій всѣ поученія и посланія, и на основаніи такихъ пріемовъ раздаетъ писателямъ мѣста. Такими же пріемами довольствуется онъ и въ отношеніи къ произведеніямъ историческимъ; о лучшемъ изъ нихъ, *житіи* св. Стефана пермскаго, составленномъ Епифаніемъ, и представляющимъ цѣлый міръ понятій, взглядовъ и стремленій тогдашняго духовнаго писателя, и напряженную работу мысли, онъ довольствуется, кромѣ указанія содержанія его, слѣдующими приговорами: «оно представляетъ собою довольно обширное сочиненіе, и *изложено* крайне растянута, многословно и витіевато, а потому утомительно при чтеніи... Видно, что Епифаній былъ человѣкъ весьма *начитанный* и *многосвѣдущій*, особенно въ свящ. Писаніи, и обладалъ даромъ неистощимаго краснорѣчія, чтобъ не сказать многословія, *въ слѣдствіе чего современники и могли назвать его премудрымъ*... Въ «Плачѣ пермскомъ» есть мѣста довольно *сильныя по чувству и трогательныя*» (мартъ 310—312). Сочиненія меньшаго достоинства пр. Макарій или только перечисляетъ, или же указываетъ только содержаніе ихъ. Укажемъ еще одинъ пріемъ въ статьѣ его: онъ располагаетъ произведенія не исторически и не по роду содержанія, а по старшинству писателей,—сначала разбираетъ сочиненія митрополитовъ, потомъ архіепископовъ, игуменовъ и т. д. Такого-го рода изслѣдованія представляетъ статья пр. Макарія. По видимому, изъ такого изслѣдованія нельзя сдѣлать

никаких выводовъ о достоинствѣ и значеніи этой литературы. Но пр. Макарій смѣло дѣлаеть эти выводы, и притомъ, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ риторическаго отношенія къ тогдашнему произведенію, невѣдавшему риторическихъ правилъ XIX вѣка, и явившемуся совершенно для другихъ цѣлей, довольно рѣзкій. «*Неутѣшительный* выводъ должны мы сдѣлать изъ нашего обзора... Въ наши дни, если бы всѣ эти, болѣею частію мелкія и очень краткія, сочиненія вылились изъ-подъ пера даже одного писателя, его огнюдь нельзя было бы назвать *плодовитымъ* (вотъ о чемъ забота!). И если известно, что не всѣ писанія того времени сохранились до настоящаго:... (то) *заслуживали ли они того, чтобы быть сохраненными для потомства?* (?!). Не богатою представляется тогдашняя литература наша и по качеству или достоинству литературныхъ произведеній. Одни писатели были люди только что грамотные, съ самыми ограниченными понятіями и свѣдѣніями и *безъ всякаго навыка излагать свои мысли правильно и въ порядкѣ*. Въ другихъ, если замѣтны значительная начитанность и довольно обширныя и разнообразныя познанія, болѣею частію *поверхностныя, сбивчивыя, плохо усвоенныя и непроникнутыя самомыслительностію*, какія обыкновенно бывають у людей, не приготовленныхъ научнымъ образованіемъ къ пониманію и усвоенію прочитаннаго. Какъ мало отчетливы и безсвязны были эти познанія у нихъ въ головѣ, такъ же *не ясно и не последовательно выражались на картѣ*. Только нѣкоторыя, весьма немногія, силою своихъ природныхъ дарованій и долговременнымъ упражненіемъ, умѣли возвышаться надъ массою приобретаемыхъ чрезъ чтеніе книгъ свѣдѣній, переработывать ихъ, и являютя довольно самостоятельными, отчетливыми и не безыскусственными въ *изложеніи* своихъ мыслей» (Апрѣль 423, 424). Упомянувъ затѣмъ объ отношеніи этой литературы къ тогдашней жизни народной (выше мы

сполна привели этот отзыв), пр. Макарий тѣмъ и озаглаживаетъ опредѣленіе достоинства ся въ самой себѣ и для исторіи. Въ другомъ мѣстѣ онъ опредѣляетъ ся отношеніе къ литературѣ предъидущаго періода—такъ: «Не Сѣдиѣ была наша духовная литература, не ниже наше духовное просвѣщеніе въ періодъ монгольской, чѣмъ въ предшествовавшій; но отнюдь и не богаче, отнюдь и не выше. Въ два новія столѣтія они *нисколько не подвинулись впередъ*, а все оставались на той же точкѣ, или вѣрнѣе, все *вращались въ одномъ и томъ же, словно заколдованномъ кругѣ*» (Апрѣль, 442).

Таково изслѣдованіе пр. Макарія! Что сказать о псмѣ? 1) Стоитъ ли эта литература въ томъ кругѣ, какой отмежевалъ онъ для нея, и съ той стороны, на которой онъ исключительно остановился, стоитъ ли она того, чтобы заниматься изложеніемъ и оцѣнкою внѣшняго состава ся на 150 страницахъ? Всѣ произведенія, разбираемая имъ такъ подробно, чрезвычайно однообразны, и повторяютъ одно другое. Это замѣчаетъ и самъ пр. Макарій. «Поученія митрополита Петра къ игуменамъ, священникамъ и діаконамъ имѣетъ *не мало сходства* съ словомъ митрополита Кирилла (поученіе къ попамъ), *такъ же* излагаетъ мысли о важности священническаго сана и объ обязанностяхъ пастырей къ самимъ себѣ и къ наствѣ, отличается *только* большою краткостью, простотою, и тѣмъ, что почти каждую мысль подтверждаетъ словами свящ. писанія» (Генв., 41). «Второе поученіе св. Алексія митрополита имѣетъ *большое сходство* съ первымъ его поученіемъ *не только по общему характеру, но и по частнымъ мыслямъ и выраженіямъ*» (Генв. 48). Третьяго сочиненія его «двѣ трети содержатъ въ себѣ наставленія въ истинахъ вѣры и нравственности, напоминающія нѣкоторыми *мыслями* и *самими выраженіями* поученія того же святителя».—О трехъ поученіяхъ митрополита Фотія замѣчаетъ, что каждое изъ нихъ «служить *только повто-*

рениемъ или сокращеніемъ другаго (Февраль, 148). «Въ словѣ своемъ на день благовѣщенія, въ первой части изображаетъ... самими общими и неопредѣленными чертами, по мѣстамъ повторяя оди и тѣ же мысли... Вообще все слово... не чуждо повтореній» (тамъ же, 148. 149). «Въ словѣ на Срѣтеніе Господне... дѣлаетъ и свои замѣчанія, но большею частію общія, которыя могли бы быть повторены и въ другіе господскіе праздники» (стр. 150). «Посланія Фотія четвертое и пятое совершенно сходны между собою по содержанію (стр. 157)». «Посланія въ кіевопечерскій монастырь (два) довольно сходны между собою... въ первомъ повторяетъ онъ мысли о важности священства, изложенныя въ извѣстномъ посланіи его ко всему духовному чину» (стр. 162). Григорій Цамблакъ «старался слѣдовать древнимъ учителямъ церкви не только въ мысляхъ, но и во внѣшнемъ изложеніи ихъ, въ составъ проповѣдей, въ самыхъ пріемахъ и оборотахъ рѣчи» (стр. 171). О поученіяхъ Серапіона замѣчаетъ, что онѣ «не богаты содержаніемъ и очень сходны между собою, однообразны» (Мартъ, 278). «Слово о кончинѣ міра (неизвѣстнаго сочинителя) имѣетъ сходство по содержанію и языку съ словами Серапіона» (стр. 293)—и т. д. Все это совершенно справедливо. Но мы не понимаемъ, почему необходимо въ исторіи литературы такое подробное изложеніе одного внѣшняго состава этихъ сочиненій, отъ которыхъ мало проку для нея? Сочиненія Фотія, по его суду, «лишены силы и жизни, вялы и скучны... Большая часть изъ нихъ скучны содержаніемъ. Мысли изложены въ нихъ крайне растянута и многорѣчиво, часто безъ связи и послѣдовательности» и вообще «имѣютъ мало цѣны, какъ памятникъ литературный», а между тѣмъ изслѣдованіе этихъ сочиненій, т. е. изложеніе и описаніе внѣшняго состава ихъ, пр. Макарій ведетъ на 24 страницахъ! Къ чему это? Для характеристики всей этой стороны литературы довольно

представить четыре—пять такихъ сочиненій, остальные будутъ понятны сами собой.—Добро бы еще, если бы все это были новооткрытые, неизвѣстные памятники; но вѣдь многіе изъ нихъ изданы по нѣскольгу разъ, и цѣна имъ разсматриваемой пр. Макаріемъ стороны давно извѣстна. Такою, дѣйствительно ничтожною представляется тогдашняя литература, если смотрѣть на нее только съ риторической точки, и видѣть сущность сочиненія во вѣишемъ его изложеніи.

2) Но справедливо ли будетъ признавать духовную литературу только въ поученіяхъ, посланіяхъ, вообще въ наставительномъ ея элементѣ и довольствоваться разборомъ вѣишняго состава и изложенія ихъ? Справедливо ли такъ же выдѣлять изъ литературы духовной произведенія, въ которыхъ мысль христіанская смѣшана съ народными предрасудками, суевѣріями и подоб.? Предпочтеніе и исключительное уваженіе къ поучительному элементу есть предрасудокъ наслѣдованный отъ старой риторики, полагавшей единственнымъ родомъ литературы краснорѣчіе въ его видахъ: поэзіи, ораторской рѣчи, описаніяхъ, исторіи, со стороны изложенія, и под. Правда, поученія и под., какъ въ свѣтской литературѣ произведенія изящныя, представляютъ собою результатъ общественнаго развитія. Но результатъ совершенно непонятель и глухъ, безъ подготовившихъ его процессовъ, которые одни могутъ сказать, почему такіе, а не другіе предметы вошли въ него? почему такъ, а не иначе сложились и выразились въ немъ? откуда явились они, къ чему направлены, и что произвели стремленіемъ къ такому положенію? Такъ непонятны и нѣмы остаются всѣ произведенія, выставленныя въ статьѣ пр. Макарія. Эти произведенія могутъ быть понятны только въ связи со всѣми остальными литературными явленіями эпохи, въ которыхъ находится возможность и объясненіе ихъ.— Отсюда уже очевидно, что одинъ разборъ вѣишняго состава и изложенія памятниковъ здѣсь ни къ чему не приведетъ; изслѣ-

дованіе адѣсь должно быть обращено на внутренніе элементы ихъ, на связь и отношеніе этихъ элементовъ къ другимъ произведеніямъ, такъ или иначе выражающимъ ихъ, и во всей литературной эпохѣ. При этомъ, тѣ только произведенія краснорѣчія получаютъ значеніе въ исторіи литературы, которыя, или выражаютъ стремленія, убѣжденія, воззрѣнія своей эпохи, или же характерно представляютъ извѣстное направленіе и колоритъ ея. Все, такимъ образомъ, отвлеченное отъ дѣйствительности, искусственное, заимствованное, представляющее одни общія мѣста и фразы, само собою всплыветъ наверхъ, его цѣна, на первый разъ, при вышнемъ отношеніи, бросающаяся въ глаза, значительно упадетъ. Большая часть, напр., словъ Григорія Цамвлага, какъ подражаніе византійскимъ ораторамъ, не имѣющее причины и основы въ родной почвѣ, нѣкоторыя поученія Серапіона, заключающія въ себѣ общія мѣста о казняхъ Божіихъ и покаяніи, не должны имѣть мѣста въ исторіи литературы; напротивъ, такія поученія, какъ напр. Матеія сарайскаго, поученія о народныхъ обычаяхъ, посланія Кирилла бѣлозерскаго, поученія «христоробцевъ», разныя духовныя наставленія, находящіяся въ сборникахъ и под. должны занять въ ней видное мѣсто, какъ ключъ къ понятіямъ и стремленіямъ эпохи. При такихъ требованіяхъ исторіи литературы, нельзя согласиться съ пуристами, вычищающими ее отъ примѣси понятій младенческихъ, суевѣрныхъ, предразсудочныхъ, и представляющими для нея только чистыя мысли и свѣтлыя убѣжденія христіанства. Въ сороковыхъ годахъ и въ нашей свѣтской литературѣ господствовало такое требованіе: писателю указывали на идею всеобщей жизни, чистую мысль, предписывали ему исключительное служеніе ей, строгую логичность, недонускающую ничего случайнаго, чѣмъ живетъ *толпа* (Бѣлинскій). Но теперь самые записные поклонники художественности покинули это бесплодное и сухое поле, и хотятъ видѣть литературу орга-

номъ общества и жизни, какъ она есть, въ ея члпнїяхъ, требованїяхъ, и исторїю литературы понимаютъ, какъ правдивое и цѣльное изображенїе *дѣйствительной*, а не идеальной, умственной жизни народа. Исторїя духовной литературы должна быть выраженїемъ *дѣйствительной* релїгіозной мысли русской, а не идеальной только стороны ея. Здѣсь нечего бояться за догматы; онѣ, какъ абсолютная истина, существуетъ независимо отъ того, когда и какъ его понимаютъ. Нечего бояться и за православїе писателя; потому что, съ одной стороны, оно всегда заключается больше въ идеалѣ и стремленїи, чѣмъ въ дѣйствительномъ выраженїи его, а съ другой церковь не признаетъ за ересь естественный недостатокъ и неразвитость пониманїя. Напрасно пр. Магарїй боится за Василїя; простодушный архїепископъ повторяетъ вовсе не ересь яковитовъ о чувственномъ раѣ, а ходячее убѣжденїе, такъ какъ эта форма представленїя рая совершенно гармонировала съ его неразвитымъ пониманїемъ. Въ литературѣ дѣтской, неразвитой пѣтъ строгой черты между истинною и суевѣрїемъ, исторїею и легендою. Палея (сборникъ апокрифическихкихъ сказанїй и легендъ о ветхозавѣтныхъ событїяхъ) для Нестора имѣетъ значенїе наряду съ библіею, и потому, опредѣленїемъ *о книгахъ истинныхъ и ложныхъ*, относится къ числу книгъ божественныхъ. Для Фотїя и его вѣка несомнѣнно было, что наступаетъ второе пришествїе Спасителя. То же должно сказать о всѣхъ представленїяхъ, выраженныхъ въ тогдашнихъ легендахъ, повѣстахъ духовныхъ, многихъ наставленїяхъ и под. Эта малосознательность и смѣшанность представленїй пронїиваетъ, въ большей или меньшей степени, всѣ слои тогдашняго общества и лежитъ въ основѣ эпохи. Поэтому, такія произведенїя, если онѣ выражаютъ понятїя своего времени, въ исторїи духовной литературы имѣютъ гораздо больше значенїя, нежели произведенїя, заключающїя въ себѣ чистую, но обыкновенную мысль христіанства.

3) Обратимся къ выводамъ пр. Магарія. Сдѣланные на основаніи одностороннихъ приѣмовъ изслѣдованія, они оказываются невѣрными. Оставимъ заботы о *неплодовитости и не-отчетливости изложеніи* тогдашнихъ писателей; въ этомъ можно упрекать ихъ только на основаніи литературной дѣятельности нашего времени. Нужно разсматривать каждую эпоху на основаніяхъ ея собственныхъ. Возьмемъ болѣе существенный выводъ, именно—что литература монгольскаго періода «несколько не подвинулась впередъ», сравнительно съ предъидущею, «а все оставалась на той же точкѣ, или вѣрнѣе, все вращалась въ одномъ и томъ же, словно заколдованномъ, кругѣ». Это рѣшеніе пр. Магарій доказываетъ потомъ разными соображеніями. «Предки наши оставались по прежнему учениками грековъ и южныхъ славянъ, и находились подъ ихъ исключительнымъ вліяніемъ». Но развѣ ученичество—признакъ застоя? Съ другой стороны, тогдашніе духовные дѣятели развѣ рабски слѣдовали своимъ учителямъ? Сличимъ событія въ Константинополѣ и въ Москвѣ, послѣдовавшія за Флорентійскимъ соборомъ, и вспомнимъ отзывы о вѣрѣ и ученіи грековъ, рѣзко высказанные тогда въ Руси? Далѣе послѣ изслѣдованій г. Буслаева, кажется, нельзя отвергать въ тогдашней духовной литературѣ присутствія народныхъ, самобытныхъ элементовъ. Житія Меркурія Смоленскаго, Петра и Февроніи муромскихъ и др., нѣкоторыя поученія и приѣмы ни коимъ образомъ не могутъ быть объяснены только изъ византійскихъ и югославянскихъ источниковъ. Пр. Магарій продолжаетъ сравненіе: «какъ прежде *значительную часть* нашихъ духовныхъ писателей составляли наши митрополиты-греки, приходившіе къ намъ съ готовымъ образованіемъ изъ отечества, такъ и теперь *лучшіе или образованнѣйшіе* изъ нашихъ писателей, которыхъ сочиненія представляютъ собою едвали не половину всего нашего литературнаго наслѣдія отъ того времени, именно митрополиты: Кипріанъ,

Фотій, Григорій Цамвлакъ, пришли къ намъ съ востока, и слѣдовательно не у насъ получили образованіе» (апрѣль, 442). Но *значительная часть писателей и лучшие или образованнѣйшіе писатели* развѣ одно и тоже? Притомъ же, самъ пр. Макарія, въ своей исторіи русской церкви, *лучшими писателями* перваго періода признаетъ: Иларіона, Феодосія, Нестора, Кирилла туровскаго, Симона, а вѣдь эти лица—не греки, а русскіе. Сравненіе, значитъ, не идетъ. Съ другой стороны, Григорій Цамвлакъ, какъ мы замѣтили уже, по своей витійственной отвлеченности, подражательности, не такой писатель, чтобы, для оцѣнки литературы того времени, ставить его на первое мѣсто; онъ весьма мало, или и вовсе не дастъ намъ для этого матеріалу. О сочиненіяхъ же Фотія самъ пр. Макарія замѣтилъ, что они «имѣютъ мало цѣны, какъ памятникъ литературный». Далѣе: «если переводная литература является у насъ въ настоящій періодъ болѣе *обширною и богатою*: то еще спрашивается, на нашей ли почвѣ возникла эта литература, не пересажена ли она къ намъ также съ востока»—изъ Сербіи, Византіи, Аона, гдѣ и въ то время продолжались переводы на славянскій языкъ, и откуда русскіе привозили ихъ? Но для насъ важенъ здѣсь принципъ, стремленіе къ усвоенію восточной литературы: если переводная литература была теперь болѣе богатою и обширною, то, значитъ, и стремленіе къ усвоенію этой литературы было болѣе обширно и богато. Прежде больше было случайности въ появленіи переводовъ; теперь сами русскіе парочно путешествуютъ для списыванія и погони ихъ, а въ студійскомъ монастырѣ парочно проживаютъ они, чтобы списывать славянскія книги. Прежде князья заботились о списываніи (Ярославъ и др.), теперь это проникло въ массу, стало популярнымъ. Ничего не говоритъ въ пользу мнѣнія пр. Макарія и приводимое имъ свидѣтельство митрополита Исидора на флорентійскомъ соборѣ: «спископы русскіе—люди не вниж-

ше». Исидоръ могъ сказать такъ, по сравненію съ тѣмъ, что онъ увидѣлъ въ западномъ духовенствѣ, особенно на вселенскомъ соборѣ, гдѣ выступали перья знаменитости востока и запада; но это не даетъ понятія о сущности образованія русскихъ епископовъ. Свидѣтельство митр. Кипріяна о тогдашнихъ сельскихъ священникахъ, наполнявшихъ свои сборники и каноники молитвами о трисавицахъ, нежитяхъ и под. и разными суевѣрными сказаніями и обрядами, опять ничего не говоритъ въ пользу общаго мнѣнія пр. Макарія. Почти таково же было это духовенство и въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Мнѣніе пр. Макарія есть логическій выводъ изъ его изслѣдованій. Значить несправедливость его зависитъ отъ ошибочныхъ приемовъ изслѣдованія. Онъ отвлекъ только поучительную сторону въ литературѣ, и притомъ чистую, не смѣшанную съ представленіями вѣка, значить—ту, въ которой наибольше подражанія и наименьше своей работы; увидѣвши здѣсь крайне скудную сумму познаній, почти неуспѣвшихъ въ развитіи христіанскаго чистаго ученія отъ предъидущаго періода, вялость и скудость собственно русскихъ силъ, онъ и рѣшилъ, что вся тогдашняя духовная литература, сравнительно съ прежнею, «несколько не подвинулась впередъ, и вращалась въ одномъ и томъ же словно заколдованномъ кругѣ».

Переходимъ къ самой литературѣ монгольскаго періода. Имѣетъ ли она свой, такъ сказать личный характеръ, и подвинулась ли она впередъ, сравнительно съ литературою прежняго періода? Для опредѣленія круга книгъ, находившихся тогда въ употребленіи, пр. Макарій пользуется извѣстнымъ *опредѣленіемъ* «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ». Мы даемъ этому *опредѣленію* другое значеніе, видимъ въ немъ опредѣленное отношеніе къ предметамъ, занимавшимъ мысль тогдашняго времени, и потому беремъ его за основу для разъясненія этой мысли. Опредѣленіе это, явившееся въ первоначальномъ видѣ въ Греціи, извѣстно было на Руси и въ предъидущемъ

періодъ (оно помѣщено въ Святославовомъ сборникѣ и въ книгѣ Никона черногорца—XI вѣка). Но оно не имѣетъ тамъ хода, существуетъ только потому, что записано въ книгахъ случайно-зашедшихъ въ Русь; никто не поминаетъ про него, никто не даетъ ему какого нибудь значенія, хотя существовавшая литература далеко не была вполне чиста и однообразна, но и въ ней существовали *ложныя* сочиненія, напр. *Палея* и *сказаніе Меовдіа Патарскаго*, извѣстныя Нестору, *хожденіе Богородицы по мукамъ* (извѣстн. по списку XII вѣка). *О добрыхъ и злыхъ дняхъ* (въ Святослав. сборник.) и друг. Но въ самомъ началѣ монгольскаго періода является интересъ къ нему: митр. Кирилль на соборѣ говоритъ духовенству подъ вліяніемъ его: «живыхъ книгъ не читайте». Затѣмъ, неизвѣстный проповѣдникъ рассказываетъ, что на пятнадцатомъ мытарствѣ истязуются вѣрующіе между прочимъ, и «во отреченныя вещи»¹⁾. Списокъ книгъ истинныхъ и ложныхъ является въ молитвенникѣ митр. Кириана съ различными убѣжденіями, толкованіями и угрозами, и съ тѣхъ поръ расходится по рукамъ, копируется другими, разнообразится. Въ этихъ спискахъ является притомъ не переводъ изъ византійскихъ подлинниковъ, не копировка изъ Никоновой книги или изъ Святославова сборника, а дѣло домашнее, принадлежащее русскимъ составителямъ и канонизаторамъ, потому что въ нихъ есть предметы, взятые изъ русскаго быта и изъ русскихъ чтеній. Въ этомъ отношеніи къ индексу книгъ истинныхъ и ложныхъ мы видимъ самое общее и существенное различіе литературы монгольскаго періода отъ предъидущаго. Тогда какъ въ этомъ послѣднемъ относятся къ окружающимъ литературнымъ предметамъ безразлично, теперь постепенно приглядываются къ нимъ, сортируютъ ихъ, пытаются опредѣлить ихъ смыслъ и значеніе, признаютъ одно истиннымъ.

¹⁾ Обзор. рус. дух. лит.—пр. Филарета, т. I, стр. 83.

другое ложнымъ, отреченнымъ—это первая ступень на переходѣ отъ непосредственности къ сознанію, отъ наивной довѣрчивости къ пониманію. Тутъ еще нѣтъ строгой черты между истиною и баснею, между дозволеннымъ и запрещеннымъ; сами представители литературы, канонизаторы индекса не уловили этой черты, размежевка понятій существовала единственно въ ихъ стремленіи, рѣшительныхъ попыткахъ, что и составляетъ общій характеръ эпохи, на дѣлѣ же они мало различаются отъ предшествовавшей смѣшанности. Пока человѣкъ находится на ступени непосредственности, для него какъ будто все рѣшено и свѣтло въ его наивномъ чувствѣ, со всѣмъ мирится его невозмутимая довѣрчивость. Возьмемъ напр. драгоценное *житіе* св. *Феодосія пещерскаго*, написанное Несторомъ,—какъ легко и свободно напеная вѣра, рѣшаетъ всѣ вопросы и обстоятельства этой великой жизни! какъ свѣтло тутъ все для дѣтскаго чувства! Когда же такой человѣкъ начинаетъ первые шаги въ области разсудка, предъ нимъ все, прежде свѣтлое, какъ будто поворачивается, являются вопросы за вопросами, требующіе другихъ отвѣтовъ; въ душѣ у него много работы, на языкѣ много амашекъ (отсюда многорѣчивость тогдашнихъ писателей), но въ результатѣ, повидимому, большая скудость, на дѣлѣ являются часто старые отвѣты. Возьмемъ житіе св. Стефана Пермскаго, составленное Епифаніемъ. Сколько тутъ вопросовъ (географическихъ, этнографическихъ и литературныхъ), которыхъ не подозрѣвать въ подобныхъ случаяхъ предыдущій періодъ? Сколько тутъ желанія обнять и объяснить какъ можно больше сторонъ! А между тѣмъ, при такой работѣ мысли, Епифаній часто довольствуется старыми отвѣтами, къ дѣлу и не къ дѣлу повторяемыми (напримѣръ трактатъ объ изображеніи св. Стефаномъ пермскихъ племенъ и друг.), такъ что, если судить о его сочиненіи по наружности, то оно, дѣйствительно, представляется только разлагательствомъ, какъ это и представилось

препод. Макарію. Но кто же скажетъ вообще, что эта работа мысли есть одно и то же, сравнительно съ пассивною довѣрчивостію, непосредственнымъ чувствомъ, — что эта скудость результатовъ не выше кажущагося богатства дѣтскихъ понятій, легкости прежнихъ отвѣтовъ? — Дальнѣйшее развитіе этихъ задатковъ прогресса будетъ зависѣть отъ счастливаго отношенія къ нимъ окружающей ихъ среды. Литература начинающаяся всегда находится подъ вліяніемъ другихъ, сильнѣйшихъ элементовъ народа; не она господствуетъ надъ этими элементами, гораздо прежде нея зародившимися, и помимо ея развившимися, а напротивъ сама подчиняется имъ. Увидимъ, насколько благопріятствовали нашей литературѣ политическія обстоятельства Руси XIII—XV вѣка.

Такимъ образомъ, изъ прежняго смѣшаннаго состоянія литературы, начинаютъ выходить и постепенно опредѣляются двѣ области, положительная и отрицательная. Равномѣрно ли будетъ идти развитіе обѣихъ этихъ сторонъ, или одна изъ нихъ получить перевѣсъ и господство? Сошлемся здѣсь на письмо г. Невоструева къ пр. Макарію о различныхъ редакціяхъ индекса истинныхъ и ложныхъ книгъ. «Въ синодальныхъ Сборникахъ XV и XVI в. часто встрѣчаются статьи объ истинныхъ и ложныхъ книгахъ. Но тогда какъ перечни *последнихъ* представляютъ нерѣдко разности и, можно сказать, *особыя редакціи*, исчисленіе книгъ *истинныхъ* во всѣхъ *одинаково*, тоже самое, что отпечатано Калайдовичемъ въ Іоаннѣ Эвзархѣ стр. 208» (Дух. Вѣст. февраль. Матеріалы для ист. рус. церкви, стр. 42). Такое отношеніе къ существовавшей массѣ литературныхъ произведеній было, безъ сомнѣнія, прямымъ выраженіемъ основнаго характера времени. Незамѣтность перечня книгъ истинныхъ показываетъ, что отношеніе къ этимъ книгамъ, къ положительной истинѣ христіанства было вѣднѣе, дѣятельность литературная съ этой стороны ограничивалась только сохра-

вещемъ готовыхъ уже, наслѣдованныхъ понятій въ готовой ихъ формѣ. Эта вѣдимость отношеній къ истинѣ простиралась до того, что не рѣшались даже тронуть наслѣдованныхъ въ спискѣ недомолвокъ и промолвокъ. Такъ, съ одной стороны, въ немъ постоянно нѣтъ сочиненій: Григорія Нисскаго, Поливарна смирнскаго, Варнавы, Игнатія Богоносца и др., съ другой — всегда остается апокрифическая *Пален* и какая-то *Глебина* или *Глубина*. Канонизаторы въ заключеніи не рѣшились даже прямо и опредѣленно сказать, что все исчисленное истинно, а отсылаютъ за этимъ къ знающимъ; «Подобаеть отъ васъ вѣдущаго спросити, аще есть истинна». Отсюда-то всѣ тогдашнія произведенія, имѣющія предметомъ положительную сторону христіанства, довольствуются только давними понятіями и положеніями, и не диво, если пр. Макарій, ограничивъ всю литературу только этого рода произведеніями, нашеть, что она нисколько не подвинулась впередъ, сравнительно съ предъидущимъ періодомъ, «или вѣрнѣе, вращалась въ одномъ и томъ же, словно заколдованномъ кругѣ». Письменность русская была пришлая; первоначально, въ своемъ ходѣ, она, поэтому необходимо условливалась состояніемъ своего прототипа. Упадавшая съ девятаго вѣка въ Греціи свѣжесть и сила мысли, въ XI вѣкѣ вдругъ оживилась. Это оживленіе благопріятствовало русской письменности XI и XII вѣка: въ ней много слѣдовъ непосредственнаго отраженія тогдашнихъ византійскихъ интересовъ и приемовъ (борьба съ западомъ)¹⁾. По вслѣдъ за этимъ, византійская литература снова и глубоко упала, писатели новые только повторяли старыя избитыя фразы, давнія

¹⁾ Что не одни тогдашнія полемическія сочиненія были отраженіемъ современной византійской литературы, но и другія, это видно изъ сравненія напр. *Летписи Нестора* съ *Хроникою Амаргола* и проповѣдей Кирилла Туровскаго съ символическими представленіями тогдашнихъ византійскихъ богослововъ, собранныхъ въ *Mitologie und symbolik der Christlich. Kunst-Schule* и въ *Christliche Symbolik*—Мейселя.

представленія. Диво ли, что зардѣвшая русская письменность съ тѣхъ поръ тоже какъ будто останавливается, когда ничего свѣжаго ни откуда не получала она, когда новыя переводы приносили только повторенія давно сказаннаго? Тоже самое видимъ въ то время и въ литературѣ югославянской. Но литература русская тѣмъ отличается отъ византійской и югославянской, что это было въ ней не упадкомъ, а подобіемъ того состоянія, когда, напр. ученикъ, послѣ неполнаго руководства, вдругъ предоставляется самому себѣ,—прежде всего тогда онъ старается свести въ мѣсто готовыя у него понятія, отдѣлить отъ нихъ массу разнородныхъ, противурѣчащихъ имъ представлений.... И эта работа, безспорно, выше прежняго наивнаго, безразличнаго повиновенія руководителю. Этотъ именно моментъ дѣлаетъ первое и существенное различіе и между показанными періодами русской литературы. Къ сожалѣнію, разумная работа, предоставленная себѣ ученика тѣмъ и покончилась, все дѣло въ отношеніи къ положительной сторонѣ христіанства дальнѣйшая литература ограничила только строгимъ сохраненіемъ сведенныхъ понятій, но отнюдь не развитіемъ ихъ, какъ требовалъ того естественный ходъ дѣла. Тутъ вина не въ самой этой работѣ, но въ тѣхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ суждено было ей происходить. Москва, ставши политическимъ центромъ Руси, сразу высказала строгій консерватизмъ въ отношеніи къ разъ дознаннымъ понятіямъ о власти, наслѣдовавъ зародышъ ихъ еще отъ конца XII вѣка, поставившаго центръ Руси на сѣверѣ. Политическая исторія Руси, постепенно стягиваемой къ Москвѣ, представляетъ только постепенное возведеніе этихъ понятій на степень неприкосновенной святыни, самодовольной и торжествующей среди чуди, мордвы, лопарей и пр. и въ самой ордѣ, безотвѣтной, сковывающей, какъ сѣверный холодъ. Непобѣдимыми для Руси условіями были здѣсь, очевидно, климатическія и этнографическія,

потомъ историческія. Каждое явленіе общественной и частной жизни выросло среди нихъ въ такомъ, а не въ другомъ складѣ, оттого всѣ стороны этой жизни такъ глубоко были проникнуты имъ. Ему неизбежно, непроизвольно подчинилась и духовная литература, перешедшая сюда съ живительнаго юга.

Такимъ образомъ и въ теоретической своей части духовная литература имѣла свой опредѣленный характеръ, и, не смотря на неподвижность въ самой себѣ, сдѣлала твердый шагъ впередъ, сравнительно съ первоначальнымъ періодомъ. Но теоретическая область не была главною, а тѣмъ менѣе исключительною для нея, перевѣсъ надъ нею брало практическое примѣненіе сознанныхъ, указаннымъ выше процессомъ, понятій къ окружающимъ ихъ явленіямъ, борьба здѣсь съ тѣмъ, что противурѣчило чистымъ понятіямъ. Отдѣлъ книгъ отрѣченныхъ въ спискахъ постоянно и сильно разнообразится; значить, этотъ предметъ обращалъ на себя особенное вниманіе. И дѣйствительно, тогдашняя литература, по характеру своему, можетъ быть названа по преимуществу обличительною, предъ которою обличенія Нестора, Θεодосія и др. кажутся блѣдными точками; она ставитъ обличеніе главнымъ своимъ занятіемъ, даетъ ему нѣкоторую систему, заботливо толкуетъ о предметѣ, касаясь различныхъ его сторонъ и отношеній къ истинѣ христіанства. Здѣсь главнымъ образомъ ся жизнь и дѣятельность, а не въ области теоретической, и здѣсь именно нужно разсматривать ее, чтобы получить понятіе о ея особномъ личномъ характерѣ и значеніи. Обличенія эти не были выраженіемъ тѣхъ же готовыхъ, неподвижныхъ отвлеченныхъ понятій, а явились изъ непосредственнаго общенія съ жизнью, потому что предметъ ихъ -- не общія представенія грѣха, суеты мірской, похоти плоти, похоти очесъ и гордости литейской, а дѣйствительныя явленія тогдашняго народнаго быта. Различные списки индекса отреченныхъ книгъ и обличительныя поученія и под. показы-

вають намъ степень выкананія тогдашней литературы въ жизнь. Отъ предъидущаго періода она получила опредѣленіе только о тѣхъ апокрифическихъ книгахъ, которыя давно были извѣстны и запрещены въ греціи, онѣ говорятъ о предметахъ догматическихъ и церковно-историческихъ, напр. изъ ветхаго завѣта книги: Адамъ, Ламехъ, Энохъ, Ной и др. изъ новаго: евангеліе Θомы, евангеліе Варнавы, Павлово откровеніе и под. (см. въ книгѣ Никона). Въ этомъ же періодѣ, кромѣ книгъ неизвѣстныхъ греціи, о тѣхъ же предметахъ (напр. хожденіе Богородицы по мубамъ, бесѣда трехъ святителей, посланіе Авгаря, о крестномъ древѣ и под.), присоединяются сюда — по спискамъ ли болгарскимъ, или самостоятельно-разныя, ходившія въ народѣ толкованія о предметахъ естественныхъ, напр. *Астрономія сиртъи звѣздосказаніе*, *Громникъ*, *Примѣты о дняхъ* и под. Другіе или еще далѣе, и вносили въ индексъ: *Зеленникъ*, *Колядникъ*, даже игры народныя, напр. «благоуханья воия, имъ же въ мѣсе или вшолн вѣнчеваются челоуѣци и по удесомъ тычутся» (т. е. хороводы съ завиваніемъ вѣнковъ. Паисіев. сборникъ. Смот. историч. очерки Булаева 1, 15). Обличительныя поученія были развитіемъ и частичнѣйшимъ примѣненіемъ индекса. Наставленіе митр. Кирилла на соборѣ: «лживыхъ книгъ не читайте, еретикъ уклоняйтесь, чародѣй бѣгайте, глаголющимъ не отъ божественныхъ писаній заграждайте уста», и Серапіоновы обличенія остатковъ язычества были пропедевтикою этихъ поученій, охватывающихъ большій и большій кругъ предметовъ. Одинъ проповѣдникъ (митр. Петръ) наприм. наставлялъ священниковъ: «учите ихъ (народъ), чтобы *басней не баяли*, ни *милыхъ бабъ* не примали, ни *узозъ* (узлы, носимые на шеѣ противъ нѣкоторыхъ болѣзней), ни *примовленія*, ни *зелье*, ни *вороженье*... крестьяномъ заказывайте, чтобы бабъ (ворожей) межи собою не держали, погоняйте ихъ отъ себе, и сами бы отъ нихъ бѣгали, а кто не

иметь васъ слушати, и вы бы тѣхъ тако же отъ церкви отгонили» 1). Другой проповѣдывалъ, что на седмомъ мытарствѣ истязуются: «*пласанія въ пирѣхъ, и на свадьбахъ, и въ вечерахъ, и на игрищахъ, и на улицахъ, и басни баююще, сонъли согонинскія*»,—на пятнадцатомъ: «*вѣрованіи въ стрѣчу, и въ чохъ, и въ полазъ, и во птичей шай, и въ ворожебу, и во всякую тварь, и во отрѣченныя вещи*» 2) Третій говорилъ такъ: «что вы за вѣрныя, когда навыкли языческому *кощунству*, жидовскимъ *баснямъ* и *уродословію*, *глумленію на улицахъ и бесѣдахъ града, чарамъ волхвованію, снамъ...* Вы навыкли языческимъ *дѣламъ: пласанію, плесканію руками, сатанинскимъ пѣсанямъ*» 3). Четвертый обличалъ тѣхъ, которые «*лечатъ немощь волшебю, и наузами* (заговорные узлы, носимые на шеѣ), и *чарами*, приносятъ *требища бѣсомъ*, и бѣса называемаго *трясыцю* думаютъ прогонять тѣмъ, что *пишутъ еллинскія слова на яблокъ, и кладутъ сло на престолъ во время службы*» 4). Пятый увѣрялъ: «иже *соніемъ и мечтаіемъ* вѣруй, безъ инаго грѣха съ діаволомъ осудитъ, яко еговъ слуга... Ничтоже бо не мерзеско предъ Богомъ, точию сія бѣды, еже въ мечтаіи вѣровати» 5). Не указываемъ здѣсь другихъ современныхъ народныхъ недостатковъ, противъ которыхъ вставало тогдашнее проповѣдничество, и которые болѣе обыкновенны, напр. пьянство, вызывавшее нарочитыя и сильныя обличенія 6), грубыя преступленія противъ брака, насмія, угнетеніе рабовъ, разбой, поединки и под. Мы говоримъ, что

1) Памятникъ старин. рус. литер. Т. 4, стр. 187.

2) Изъ поученія, несправедливо приписываемаго въ Обзорѣ рус. дух. лит. интр. Кириллу (стр. 82 и 83).

3) Духов. Вѣстн. 1862 г. Мартъ, стр. 296.

4) Тамъ же, стр. 298.

5) Памят. старин. рус. лит. т. 4, стр. 214.

6) Правосл. Собесѣд. 1859 г. т. 1, стр. 471—473.

эта область литературы тогдашней, въ сущности своей, явившись изъ потребности сближенія съ жизнью, есть значительный шагъ впередъ, и, говоря такъ, не боимся упрека въ непониманіи жизни, византійскомъ аскетизмѣ, мрачности взгляда на міръ божій, чѣмъ преслѣдуютъ своихъ противниковъ нынѣшніе поклонники народности и здоровыхъ силъ народа, идеализирующие народные обычаи, обряды, пѣсни и под. во имя своего ныла. Мы не можемъ согласиться, чтобы все народное, переходящее отъ поколѣнія къ поколѣнію, было невиннымъ. Исследователю и историкъ духовной литературы древней предстоитъ трудъ изслѣдовать исторію народныхъ обычаевъ, повѣрій, суевѣрій, гаданій, заговоровъ, пѣсней и проч. Изъ всего этого многое давно уже потеряло свой первобытный здравый смыслъ, данный первоначальнымъ, дѣвственнымъ отношеніемъ народа къ природѣ. Частыя перемѣны историческія и географическія, законы и случайности въ развитіи и измѣненіяхъ языка вытѣсняють первоначальный смыслъ обычая, и въ пустую, но окаменѣвшую въ народѣ форму влагаютъ новую, случайную душу, которая только растлѣваетъ и обезображиваетъ эту невинную въ себѣ форму. Многіе первоначальные предметы удержались, но народъ постепенно снабжалъ ихъ новыми атрибутами, случайно подвернувшимися, и первоначальный предметъ являлся мѣломъ, котораго, въ позднѣйшіемъ его видѣ, не призналъ бы до-историческій человѣкъ. Время о которомъ идетъ у насъ рѣчь, давно уже потеряло дѣвственную чистоту своихъ преданій, повѣрій, обычаевъ, и представало проповѣдникамъ христіанства въ своей противурѣчивой, потерявшей смыслъ формѣ... Если упрекать церковь и духовную письменность за отрицаніе суевѣрныхъ обычаевъ и представлений, то упрекать бы уже разомъ и всю цивилизацію, которая тоже нигдѣ не мирится съ наивною вѣрою въ ворожбу, заговоры, гаданія, измѣняетъ и содержаніе и форму каждаго обычая, къ которому

прикасается. Исследователь разсматриваемой духовной литературы долженъ взять при этомъ во вниманіе ту помѣсь и пестроту обычаевъ, повѣрій, какая отрывалась тогда, въ слѣдствіе рѣшительнаго участія въ общественной, объединявшейся подъ властію Москвы, русской жизни разнородныхъ и грубыхъ народностей Мордвы, Чуди, Лопарей, Перми и пр. При всемъ сказанномъ, нужно имѣть въ виду, что то были почти первые шаги духовной литературы въ области народной жизни, при чемъ совершенно неизбѣжны недоразумѣнія, ошибки, вообще сужденія, противурѣчающія основному, чистому въ себѣ мотиву этой дѣятельности, напр. отрицаніе всякихъ пѣсней и знаковъ веселости, низведеніе танцевъ и игры на инструментахъ въ рядъ суевѣрій, и под. Но и эта область духовной литературы, такъ же какъ и предъидущая, не могла не подчиниться общему духу, словившемуся на сѣверѣ. Эта давняя суровая вражда племень, постоянное стремленіе однихъ къ подчиненію другихъ, эта полудикость племень чужескихъ, презрѣніе къ нимъ, грубость всѣхъ отношеній, рано развили здѣсь начала для безплоднаго преслѣдованія всякаго чужаго права, чужой самостоятельности. Татарская власть не произвела, а только условила скорѣйшій ходъ этихъ началъ. Литература не могла не привиться къ этому началу, давно крившемуся въ народныхъ отношеніяхъ, въ самомъ воздухѣ, климатѣ; дѣло обличенія народныхъ суевѣрій, жизненное въ себѣ, постепенно теряло свою основу, и превращалось въ безусловное отрицаніе и преслѣдованіе всего, что являлось въ народѣ независимо отъ религіознаго вліянія, заявляло права на самобытность. Можно довольно приблизительно указать постепенность въ ходѣ обличеній. Серапѣонъ, Кириллъ, Пётръ говорятъ только или о языческихъ обрядахъ, или о дѣйствительныхъ суевѣріяхъ, ихъ обличенія скорѣе имѣютъ тонъ наставленій. Обличенія же невинныхъ народныхъ обычаевъ, *пласанія, скаканія на пирьгахъ*

и на свадьбахъ, плесканія руками, съ признаніемъ ихъ бѣсовскими, сатанинскими, начинаются въ концѣ 14 вѣка ¹⁾, списки же книгъ отреченныхъ, съ запрещеніями подобныхъ явленій относятся къ 15-му вѣку, т. е. къ тому времени, когда окончательно формируется административный духъ московскаго государства. Съ этого времени идутъ собственно преслѣдованія, развиваясь больше и больше: сатанинскими безусловно признаются въ 16 и 17 вѣкѣ: «пѣсни, плясаніе, скаканіе, гудѣніе, бубны, трубы, софли... охота съ собаками, и со птицами, и съ медвѣдями» (домострой), «качели, загадки, сказки, жмуры и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды» (акты истор. т. IV, № 124); волшебство же и чародѣйство судятся уголовнымъ судомъ.—Что касается литературы византийской, то ея участіе было въ этомъ дѣлѣ большее и самое общее: отъ нея полученъ только общій взглядъ на ереси, какъ на плевеы бѣсовскіе, на міръ враждебный христіанству, на казни и неумолимый гнѣвъ Божій. Но этотъ взглядъ, дѣйствительно присутствующій въ тогдашнихъ русскихъ поученіяхъ, сразу сказывается своимъ заимствованіемъ, отвлеченностью и общими мѣстами: таково большинство проповѣдей Серапіона, проповѣди Фотія и др. Онъ усиливался, подъ вліяніемъ бѣдствій татарскаго плѣна, пріючивался въ пустыняхъ и въ келіяхъ аскетовъ, но не былъ источникомъ движенія русской литературы въ народную жизнь, не давалъ различенія русскихъ обычаевъ, русскаго суевѣрія, какое видимъ въ начальныхъ обличительныхъ проповѣдяхъ. Не считаемъ нужнымъ сравнивать этой области литературы съ подобною стороною въ предшествовавшей; наивность, отрывочность, общность, безразличность въ этомъ отношеніи послѣдней рѣзко говорятъ въ пользу значительнаго движенія впередъ первой.

¹⁾ Духовн. Вѣстн. Мартъ, стран. 295, примѣч. 47. Цаліевскій сборникъ, наполненный подобными обличеніями, относится такъ же къ концу 14 вѣка.

Но литература монгольскаго періода не ограничивалась только обличеніями, при движеніи своемъ въ среду пародной жизни; она имѣла въ виду, сдвинувъ суевѣрныя явленія, поставить на ихъ мѣсто новыя, согласныя съ требованіями христіанства, испорченныя исправить. За обличеніями въ поученіяхъ идутъ всегда положительныя правила для жизни. Но большею частію вначалѣ онѣ ограничиваются внушеніемъ только общихъ требованій христіанскаго благочестія, молитвы къ Богу, взаимной любви и подоб. Но скоро являются и болѣе близкія къ дѣйствительной жизни. Поученіе Матѳея сарайскаго (около 1356 года) представляетъ уже цѣлый кругъ наставленій для общественнаго и домашняго быта, въ немъ есть главы: «о князи, о друзѣхъ, о сосѣди, о челяди, о женѣи смерти, о волхвѣхъ, о тайнѣ, о снѣхъ, о храборствѣ, о рабѣхъ»¹⁾. Наставленія эти показываютъ, что тогдашняя духовная литература чутка была къ прямымъ общественнымъ потребностямъ, и не оставалась на одной и той же точкѣ въ своемъ новомъ общественномъ положеніи. Вотъ наприм. наставленія объ отношеніи къ челяди и рабамъ: «сырыхъ домочадцевъ не бейте, но еще больше милуйте и не морите голодомъ, ни паготою: ибо они суть домашніе нищіе. Убогій выпроситъ себѣ и въ другомъ мѣстѣ, а они только въ твои руки смотрятъ... челядь свою милуйте и наставляйте на путь спасенія и покаянія: старыхъ отпускайте на свободу, а юныхъ учите добру и послушанію.... Челядь свою кормите до сытости, одѣвайте, обувайте. Если же не кормите, не одѣваете, не обуваете, а холопа вашего или рабу убьютъ при воровствѣ, то за кровь его и душу тебѣ отвѣчатъ» и под. Вообще современны и превосходны наставленія пр. Кирилла бѣлозерскаго къ тремъ тогдашнимъ князьямъ, касающіяся самыхъ живыхъ сторонъ въ тогдашнихъ

¹⁾ Духовн. Вѣсти. Мартъ, стран. 287, примѣч. 41; Февраль, матеріалы для ист. рус. цер., стран. 27—32.

отношеніяхъ княжескихъ къ землѣ и къ родичамъ ¹⁾. Рядомъ съ такими жизненными и практичными наставленіями, въ неразвитой литературѣ встрѣчаемъ и много довольно наивныхъ попытокъ замѣнить прежніе суевѣрные обычаи новыми, составленными въ духѣ христіанскомъ. Вотъ какъ, наприм., совѣтуетъ одинъ христіановецъ лечить болѣзни: «Аще кто имать у себе миро св. Богородици, или св. миро Димитрія, и аще прилучится болѣзнь внутри, да повелитъ іерею литургію пѣти пресвятѣй Богородици, а миро да будетъ на святѣй трапезѣ. По скончаніи литургіи, да вложитъ попь миро въ уста больного, и да поглотитъ (больной). Аще же болѣзнь очима, тако же, по скончаніи литургіи, помажетъ ерѣи малечко», и т. д. ²⁾. Такъ пытались замѣнить обличаемые способы леченія *наузами*, *волмиболоу* и *чарами*, *землемъ* и под.—Въ Новгородѣ архіеп. Іоаннь (около 1410 г.) устанавливаетъ новый способъ дознанія о покражахъ и прошажахъ. Приготовляли особую просфору съ четырьмя печатами, «крестаобразну», изъ которой на литургіи священникъ вынималъ четыре частицы. Подозрѣваемыхъ ставили предъ иконою св. Гурія, Самона и Авива. «Попъ служитъ св. литургію, и пишеть имя Божіе на хлѣбци, и дастъ всѣмъ приходящимъ къ имени Божію; а хто изьяеть хлѣбець со имевемъ Божіимъ, тотъ правъ бываеть; а хто не спѣсть хлѣбца, тотъ по Божію суду виновать будеть; а хто не пойдетъ къ хлѣбцю, тотъ безъ Божія суда и безъ мірського виновать будеть» ³⁾. Кромѣ того, изслѣдователь этой литературы встрѣтитъ въ ней и попытки воспользоуаться, удачно или неудачно, народными элементами для созидаемой системы жизни. 1) Въ поученіи Матоія сарайскаго уже рѣзко высказывается тотъ

¹⁾ Всѣ три напечатаны въ акт. историч. т. I, №№ 12, 16 и 27.

²⁾ Памат. старин. рус. яз. т. 4, стран. 216. Слово объ исцѣленіи болѣзней муромъ.

³⁾ Дух. Вѣст. Февр. Матеріалы для ист. рус. цер. стран. 32—33.

эгоистическій практицизмъ, который развитъ въ цѣлую систему *Домостроевъ*, и который, конечно, не созданъ духовною литературою, а взятъ ею изъ народной жизни. «Позовутъ васъ на пирь, *садитесь на послѣднемъ мѣстѣ*... тогда, если подойдетъ къ тебѣ позвавшій тебя и скажетъ: друже, сядь выше, — тебѣ будетъ *честь и слава предъ всеми, сидящими съ тобою*». Или же: «Если пригласите въ домъ свой чернеца или причетника, и пожелаете ихъ угостить, то болѣе трехъ чашъ не принуждайте его пить, но *дайте ему волю; если самъ ухнется, самъ за то и отвѣчаетъ*». 2) Здѣсь же нужно изслѣдовать тотъ элементъ въ духовной литературѣ, который открытъ въ ней и такъ успѣшно разрабатывается г. Буслаевымъ, именно: энический стиль и самые образы народной фантазіи во многихъ тогдашнихъ *житіяхъ, сказаніяхъ* и под., наприм. въ житіяхъ Аврамія смоленскаго, Петра и Февроніи муромскихъ и друг. Этотъ пунктъ въ сближеніи съ народною жизнію — одинъ изъ самыхъ трудныхъ для тогдашней духовной литературы, потому что требуетъ гораздо большаго развитія истинъ христіанства, нежели какимъ она обладала, для того чтобы не потеряться въ современныхъ глубинахъ темной, наполненной разнороднѣйшими, пришлыми и самобытными, представленіями и образами тогдашней народной фантазіи. По этой неразвитости теоретическаго ученія, духовный повѣствователь часто пользовался такими представленіями, которыя принадлежали къ области суевѣрія и предрасудковъ, или же къ «вещамъ отреченнымъ», какъ наприм. посланіе Василія о раѣ.

Мы заявили свое несогласіе съ мнѣніемъ пр. Макарія о духовной литературѣ монгольскаго періода. Тѣмъ не менѣе повторяемъ, что только отъ него и подобныхъ ему немногихъ лицъ мы ждемъ разработки нашей литературы и возведенія ея на степень самостоятельной области въ церковной исторіи. —

Изагая свое мнѣніе объ этомъ періодѣ, мы далеко не имѣли претензіи на окончательное рѣшеніе какихъ либо вопросовъ въ ней, а только пытались указать общія черты программы, въ какихъ, какъ намъ кажется, слѣдовало бы изслѣдывать эту литературу.

Е. Крыжановскій.

Отъ Редакціоннаго Комитета
ПО ИЗДАНІЮ ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ.

Оканчивая ДВАДЦАТЫЙ годъ своего изданія, Редакціонный Комитетъ поставляетъ долгомъ свидѣтельствовать благодарность любителямъ духовнаго чтенія, которыхъ находилъ онъ между всѣми сословіями, на всемъ пространствѣ Имперіи.

Съ 1863 года Творенія св. Отцевъ съ Прибавленіями духовнаго содержанія, вмѣсто прежнихъ четырехъ будутъ издаваться въ ШЕСТИ книжкахъ, которыя будутъ выходить чрезъ два мѣсяца. Въ каждой книжкѣ будетъ не менѣе 15 листовъ текста, отпечатаннаго на лучшей бѣлой бумагѣ. По окончаніи года составятся два тома перевода и одинъ прибавленій.

Въ теченіе 1863 года будутъ помѣщаемы въ переводной части, кромѣ продолжающагося изданія твореній св. Григорія Нисскаго, творенія св. Епифанія Кипрскаго. Творенія того и другаго св. отца будутъ помѣщаемы въ такомъ порядкѣ: въ 1, 3 и 5 книжкахъ будутъ печатаемы творенія св. Григорія, во 2, 4 и 6—св. Епифанія.

Въ Прибавленіяхъ, по прежнему, будутъ помѣщаемы статьи, относящіяся къ ученію вѣры, христіанской нравственности и церковной исторіи. При этомъ, обращая вниманіе на первоначальные источники ученія вѣры и нравственности, Редакція полагаетъ болѣе, чѣмъ прежде, удѣлять мѣста въ своемъ изданіи истолкованію Св. Писанія, котораго переводы, посте-

пенно распространяемые, хотя и облегчают его разумѣніе, но еще не даютъ всего, что нужно для правильнаго и полнаго его пониманія, и что предлагаютъ св. Церковь и вѣками собраныя труды благонамѣренной учености.

Содѣйствуя, по мѣрѣ силъ, успѣхамъ духовнаго просвѣщенія, Редакція будетъ знакомить съ замѣчательными явленіями въ духовной литературѣ, подвергая ихъ добросовѣстной оцѣнкѣ, но въ тоже время, охраняя чистоту православія, не оставитъ обличать суетныя оскорбленія его, какъ то дѣлала и прежде.

Цѣна годоваго изданія, съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, ПЯТЬ РУБЛЕЙ серебромъ. По той же цѣнѣ можно получать экземпляры Твореній Св. Отцевъ, въ русскомъ переводѣ, съ прибавленіями духовнаго содержанія съ 1843 года по 1862 включительно.

Желающіе могутъ выписывать за всѣ годы, съ 1843 по 1860 включительно, и одни Творенія Св. Отцевъ безъ прибавленій, или одни прибавленія за тѣже годы. Цѣна за экземпляръ годоваго изданія Твореній Св. Отцевъ въ такомъ случаѣ назначается съ пересылкою: ТРИ РУБЛЯ серебромъ; за экземпляръ прибавленій: ДВА РУБЛЯ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ серебромъ съ пересылкою.

Изъ Твореній Св. Отцевъ напечатаны въ изданіи за прошедшіе годы и отдѣльно:

- Творенія Св. Григорія Богослова 6 т. Ц. съ пер. 9 р.
 — — Св. Василія Великаго 7 том. Цѣна. 10 р. 50 к.
 — — Св. Ефрема Сирина 6 том. Цѣна. . 9 р.
 — — Св. Аванасія Александрійскаго 4 т. Ц. 6 р.
 — — Св. Исаака Сирина 1 томъ (отдѣльное
 изданіе съ указателемъ). Цѣна. . 2 р. 30 к.
 — — Св. Кирилла Іерусалимскаго 1 т. Цѣна 1 р. 50 к.
 — — Св. Іоанна Лѣствичника 1 томъ. Цѣна 1 р. 50 к.

- Творенія Пр. Макарія Египетскаго 1 томъ (отдѣльное изданіе). Цѣна 2 р.
 — — Блаж. Осодорита 5 томовъ. Цѣна 7 р. 50 к.
 — — 6 и 7 томы, отдѣльно изданные каждый по 2 р. 50 к.
 — — Пр. Нила Синайскаго 3 тома. Цѣна 4 р. 50 к.
 — — Св. Исидора Пелусіота 3 тома. Цѣна 4 р. 50 к.

Сверхъ сихъ въ редакціи Тв. Св. Отцевъ продаются слѣдующія книги:

- Блаж. Іоанна Мосха Лугъ духовный. Ц. 1 р. 50 к. —
 Исторія русской церкви архіеп. Филарета, періодъ V. Цѣна съ пересылкою 1 р. 20 коп. Періоды I, II, III и IV. Цѣна 5 р. На пересылку за 4 фун.—Описаніе Харьковской епархіи. Цѣна 7 р. 50 к. съ перес. Обзоръ русской духовной литературы. Цѣна 2 р. съ перес. Бесѣды на воскресныя и праздничныя Евангелія, архіеп. Евсевія, 2 части. Цѣна 3 р. 60 к. съ пересылкою. Его же поученія о христіанской надеждѣ и любви. Цѣна 1 р. 50 к. На пересылку за 2 фун. Указатель для обзоренія Московской патріаршей ризницы и бібліотеки, составл. Архим. Саввою. Цѣна съ перес. 2 р. 30 к. Православно-правственное Богословіе. Цѣна 1 р. На перес. за 2 фун.—Предъизображеніе Господа нашего Іисуса Христа и Его Церкви въ Ветхомъ Завѣтѣ. Цѣна съ перес. 1 р. Исторія Московской славяно-греко-латинской Академіи. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к. Жизнь св. Аѳанасія Александрійскаго. Ц. 50 к.—Разсужденія: О ересьяхъ и расколахъ въ Россіи. 75 к. О христіанскомъ мученствѣ. 40 к. О Владыкѣ Израилевомъ 7 к. О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ. 35 к. О Божествѣ Сыва Божія. 20 к. О крестныхъ ходахъ православной Церкви. 20 к. О поминовеніи усопшихъ. 25 к. О литургіи преждеосвященныхъ даровъ. 50 к. Преосв. Тихонъ, епископъ Воронежскій. 40 к. О муропоманіи. 15 к.—

Св. Левъ, папа римскій. 30 к. О поведеніи древнихъ христіанъ во дни воскресные и праздничные. 20 к. — Объ антихристѣ. 40 к. Объ образѣ дѣйствованія православныхъ государей греко-римскихъ въ IV, V и VI вѣкахъ въ пользу Церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ. 30 к.

На пересылку послѣднихъ 15 сочиненій вмѣстѣ прилагается за 8 фунтовъ, а каждого порознь за 1 фунтъ.

Съ требованіемъ всѣхъ означенныхъ изданій иногородные благоволятъ относиться **ВЪ РЕДАКЦІЮ ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ, ВЪ СЕРГІЕВСКОМЪ ПОСАДѢ, МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.**

Гг. подписчики въ адресахъ, сообщаемыхъ въ редакцію, благоволятъ четко и обстоятельно прописывать уѣздъ и губернію, въ которыхъ находятся мѣста ихъ жительства.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ

ПОЛТАВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

Съ разрѣшенія и по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, начнется съ 1-го Генваря 1863 года изданіе Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, по утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ.

Изданіе будетъ состоять изъ 2-хъ отдѣловъ: officialнаго и неофициальнаго. Редакторъ перваго—Прот. Даниль Юзефовичъ, втораго—Прот. Николай Думитрашко.

I. Въ officialной части будутъ помѣщаемы: постановленія Правительства и разныя извѣстія: о новыхъ духовныхъ учрежденіяхъ, о перемѣнѣ высшихъ правительственныхъ лицъ духовнаго вѣдомства, о назначеніи и увольненіи должностныхъ лицъ по мѣстной Консistorіи, Семинарскому Правленію, и т. под.

II. Въ неофициальной части имѣютъ быть помѣщаемы:

1. Краткія выписки изъ твореній св. Отцевъ и писателей духовныхъ, имѣющія отношеніе къ духовнымъ нуждамъ паствы и къ руководству пастырей, по мѣстнымъ обстоятельствамъ.

2. Объясненіе паримій, апостоловъ и евангелій на дни воскресныя, праздничныя; переводъ синаксаріевъ, изложеніе

содержанія службъ церковныхъ, или ихъ переводъ съ греческаго языка.

3. Указаніе для священно-служителей предметовъ, о коихъ нужно предлагать поученія народу, смотря по его мѣстнымъ нравственнымъ недугамъ, а также наставленія, какимъ образомъ благоуспѣшнѣе излагать и преподавать такія поученія.

4. Статьи относящіяся къ исторіи отечественной церкви, а особенно къ исторіи Епархіи.

5. Описаніе по частямъ всего, что въ Епархіи есть особенно примѣчательнаго касательно историческихъ событій, древностей церковныхъ, церквей, св. иконъ, утварей, крестныхъ ходовъ, священныхъ урочищъ и проч.

6. Свѣдѣнія вообще о нравственномъ состояніи духовенства и о религіозно-нравственномъ бытѣ народа съ основанными на опытѣ соображеніями о мѣрахъ къ религіозно-нравственному воспитанію народа.

7. Замѣчанія наставниковъ касательно болѣе общихъ недостатковъ воспитанниковъ, съ указаніемъ мѣръ къ ихъ исправленію и другія педагогическія замѣчанія относительно физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія дѣтей, какъ въ школахъ, такъ и въ домахъ родителей.

8. Лучшія изъ поученій и бесѣдъ, произнесенныхъ по разнымъ мѣстамъ Епархіи, особенно опыты простыхъ наставленій при разныхъ случаяхъ для поселянъ.

9. Воспоминанія о личностяхъ, оставившихъ по себѣ добрую память въ краѣ высокими чертами личнаго характера, плодотворнымъ участіемъ въ дѣлѣ мѣстнаго духовнаго развитія народа, служеніемъ бѣдному человечеству и вообще пекерологи и біографіи замѣчательныхъ въ Епархіи должностныхъ лицъ и священно-служителей.

10. Назидательныя размышленія, духовныя совѣты, примѣры благочестія въ различныхъ состояніяхъ и обстоятельствахъ жизни.

III

11. Житнеописанія святихъ угодниковъ, какъ въ полномъ объемѣ, такъ и въ отдѣльныхъ рассказахъ о частныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни.

12. Лучшія статьи общаго духовно-литературнаго содержанія.

13. Общепользныя свѣдѣнія, популярно изложенныя, по естественнымъ наукамъ. Свѣдѣнія эти будутъ касаться тѣхъ предметовъ, которые или суевѣрно, ко вреду Вѣры и правдивости, истолковываются народомъ; или знаніе которыхъ особенно нужно духовенству въ его домашнемъ быту и въ его отношеніяхъ къ паствѣ. Всѣ такого рода статьи будутъ излагаться съ нравственно-религіозными выводами.

14. Указаніе назидательныхъ и полезныхъ для благочестія книгъ прежде издаваемыхъ, съ краткимъ показаніемъ ихъ содержанія; извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ духовнаго содержанія съ отзывами о ихъ значеніи и достоинствѣ.

15. Журнальныя Обзорныя замѣтки, духовныхъ періодическихъ изданій, а также замѣтки по поводу важнѣйшихъ статей, помѣщенныхъ въ свѣтскихъ журналахъ, но имѣющихъ отношеніе къ Вѣрѣ и духовенству.

16. Епархіальная хроника, гдѣ будутъ указаны и объяснены текуція важнѣйшія событія и перемѣны въ Епархіи.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ выходить, начиная съ 1-го Января будущаго 1863 года, два раза въ мѣсяць—1-го и 15-го числа—отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа. Объема официальной части будетъ отъ одного до двухъ листовъ, а неофициальной—отъ 2-хъ до 3-хъ листовъ и болѣе.

Цѣна годовому изданію назначается *четыре рубли* серебромъ, а съ пересылкою 4 р. 50 к. Желающіе получить изданіе брошюрованнымъ, должны прилагать къ подписной цѣнѣ еще 50 коп. сер. на переплетъ.

Подписка принимается въ Полтавѣ, въ Редакціи Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ

ЧЕРНИГОВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1863 году.

Черниговскія Епархіальныя Извѣстія издаются съ 1861 г., и будутъ издаваться въ 1863 году, по программѣ, сходной съ программой по какой будутъ издаваться съ будущаго года, Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости.

Для ближайшаго знакомства съ содержаніемъ Извѣстій предлагается показаніе замѣчательнѣйшихъ статей:

Письма преосвящ. Лазаря Барановича (51—67). Преосвященнаго архіепископа Черниговскаго Филарета: русскіе святыя февраля, марта и начала апрѣля (изданіе послѣдующихъ мѣсяцевъ будетъ впереди). Остальныя 3 слова о пришествіи Мессіи. Ложные пророки. Акты уніи 1742—1747 г. Описанія монастырей Думницкаго, Глуховскаго, Рыхловскаго, Козелецкаго, Крупицкаго и Гамалѣевскаго. Шѣвчинъ и его уѣздъ. Объясненіе молитвы Господней. Бесѣды: душе моя! что спиши? Се женихъ грядетъ. Не бойся, я съ тобою. Не довѣрай себѣ. Не унижай другаго. Замѣчательныя статьи: діакониссы. Посланіе А. Павла къ Галатамъ. Братства. Толкъ слободскихъ раскольниковъ о книгахъ. Самовольное учительство. Ученіе А. Павла объ антихристѣ. Къ біографіи Черниговскаго архіеписк. Антонія

Стаховскаго. О старинныхъ школахъ, богодѣльняхъ и братствахъ. Христіанская свобода. Народная мудрость. Къ 4 пункту іезуитской инструкціи. Егоже: слова и рѣчи, говоренныя по разнымъ случаямъ, переводы, бібліографіи и замѣтки. Объ искреннемъ стремленіи къ добру, архимандрита Евгенія. Разговоръ дяди-священника съ духовнымъ воспитанникомъ о благородствѣ души, іеромонаха Варѣоломея. Извѣстія о состояніи греческой церкви на о. Корфѣ, іеромонаха Арсенія. Слово въ день рожденія Государя Императора, наставника Семинаріи Дмитревскаго.

Черниговскія Епархіальныя Извѣстія будутъ выходить отдѣльными номерами, въ 8-ю долю листа, оффиціальная чрезъ недѣлю, а иногда чрезъ двѣ, неоффиціальная всегда чрезъ двѣ.

Цѣна годовому изданію: съ пересылкою пять руб. пятьдесятъ коп. (5 р. 50 к.).

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Извѣстій, учрежденной при Черниговской Духовной Консисторіи, и у мѣстныхъ благочинныхъ Черниговской епархіи.

Иногородные подписчики благоволятъ адресоваться въ редакцію Епархіальныхъ Извѣстій, означая званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства.

Редакція Епархіальныхъ Извѣстій покорнѣйше проситъ всѣхъ образованныхъ лицъ содѣйствовать ей своими трудами. Въ особенности она приглашаетъ всѣхъ священниковъ Черниговской епархіи присылать свои статьи для помѣщенія въ неоффиціальной части.

Кромѣ того редакціею отдѣльно изданъ: Общій обзоръ Черниговской епархіи: 1) Начало христіанства въ краю. Паства и архипастыри церкви Черниговской. 2) Каѳедральные монастыри: Ильинскій, Іелецкій и Борисоглабскій. Цѣна этому изданію 1 руб. 50 коп.

Редакторъ: Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ *Евгеній*.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Четвертая книга царствъ, гл. I—IV (*перев. съ евр.*).
-
- II. Жизнь св. Іоанна златоуста (*продолженіе*).
- III. Очеркъ христіанской философіи. II. *Рублевскаго*.
- IV. Русская духовная литература въ періодъ монгольскій.—
Преосвященнаго Макарія, архієпископа Харьковскаго.—
Духов. Вѣст. 1862 года январь, февраль, мартъ и
апрѣль. *Е. Крыжановскаго*.
-
- V. Творенія св. священномученика Кипріяна, епископа кароа-
генскаго. Трактаты (*перев. съ лат.*).
-

*Прилагаются объявленія отъ Редакціоннаго Комитета
по изданію твореній св. Отцевъ и объ изданіи Полтавскихъ
Епархіальныхъ Вѣдомостей и Черниговскихъ Епархіальныхъ
Извѣстій въ 1863 году.*

Подписка принимается: въ Редакціи журнала при кievской духовной ака-
деміи, въ консисторіяхъ, въ правленіяхъ духовныхъ семинарій и уѣздныхъ учи-
лищахъ. Цѣна за годовое изданіе журнала съ доставкою на домъ и пересылкою
во все города ШЕСТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРЯМЪ. Выписывающіе журналъ этотъ,
вмѣстѣ съ «Воскреснымъ Чтеніемъ», платятъ за оба журнала вмѣстѣ ДЕСЯТЬ
РУБЛЕЙ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 15-го Декабря 1862 года.

Ценсоръ Н. Щеголевъ.